

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени О.Е. КУТАФИНА (МГЮА)

ISSN 2542-2472

РОССИЙСКОЕ ПРАВО ОНЛАЙН 4 / 2025

WWW.RUS-LAW.ONLINE

**РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ПЕРИОДИЧЕСКОГО СЕТЕВОГО ИЗДАНИЯ
«РОССИЙСКОЕ ПРАВО ОНЛАЙН»**

БЛАЖЕЕВ Виктор Владимирович	председатель редакционного совета, профессор, ректор, профессор кафедры гражданского и административного судопроизводства Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
СИНЮКОВ Владимир Николаевич	заместитель председателя редакционного совета, д. ю. н., профессор, проректор по научно-исследовательской деятельности, профессор кафедры теории государства и права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
АНТОНЯН Елена Александровна	д. ю. н., профессор, заведующий кафедрой криминологии и уголовно-исполнительного права имени В.Е. Эминова Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
АРТЕМОВ Николай Михайлович	д. ю. н., профессор, профессор кафедры финансового права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
ВАЛЕЕВ Дамир Хамитович	д. ю. н., профессор, заместитель декана по научной деятельности юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета
ДОВГАНЬ Елена Федоровна	д. ю. н., профессор, профессор кафедры международного права Белорусского государственного университета
ЗУБАРЕВ Сергей Михайлович	д. ю. н., профессор, заведующий кафедрой административного права и процесса Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
ИСАЕВ Игорь Андреевич	д. ю. н., профессор, заведующий кафедрой истории государства и права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
КОМАРОВА Валентина Викторовна	д. ю. н., профессор, профессор кафедры конституционного и муниципального права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
КРАСНОВА Ирина Олеговна	д. ю. н., профессор, заведующий кафедрой земельного и экологического права Российского государственного университета правосудия
ЛАПАЕВА Валентина Викторовна	д. ю. н., главный научный сотрудник сектора философии права, истории и теории государства и права Института государства и права Российской академии наук
ЛАПТЕВА Людмила Евгеньевна	д. ю. н., профессор, декан юридического факультета имени М.М. Сперанского Института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
МАЦКЕВИЧ Игорь Михайлович	д. ю. н., профессор, ректор Университета прокуратуры Российской Федерации
РАРОГ Алексей Иванович	д. ю. н., профессор, профессор кафедры уголовного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
СЛЕСАРЕВ Владимир Львович	д. ю. н., профессор, начальник отдела договорного права Исследовательского центра частного права имени С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации
СОКОЛОВА Наталья Александровна	д. ю. н., профессор, научный руководитель Научно-исследовательского института, заведующий кафедрой международного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
ЧЕТВЕРИКОВ Артем Олегович	д. ю. н., профессор, профессор кафедры интеграционного и европейского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
РУМЯНЦЕВА Валентина Геннадьевна	главный редактор, к. ю. н., доцент, доцент кафедры истории государства и права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
ЛЕБЕДЕВА Вероника Сергеевна	ответственный секретарь, начальник отдела научно-издательской политики Научно-исследовательского института Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования РФ для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук. Материалы журнала включены в систему Российского индекса научного цитирования.

**COUNCIL OF EDITORS OF THE JOURNAL
"RUSSIAN LAW ONLINE"**

Viktor V. BLAZHEEV	Chairman of the Council of Editors, Professor, Rector, Professor of the Department of Civil and Administrative Court Procedure of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Vladimir N. SINYUKOV	Vice-Chairperson of the Council of Editors, Dr. Sci. (Law), Professor, Vice-Rector for Research; Professor of the Department of the Theory of the State and Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Elena A. ANTONYAN	Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Criminology and Penitentiary Law named after V.E. Eminov of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Nikolay M. ARTEMOV	Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Financial Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Damir H. VALEEV	Dr. Sci. (Law), Professor, Deputy Dean for Research of the Faculty of Law of the Kazan (Volga Region) Federal University
Alena F. DOUHAN	Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of International Law of the Belarusian State University
Sergey M. ZUBAREV	Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Administrative Law and Procedure of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Igor A. ISAEV	Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of History of the State and Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Valentina V. KOMAROVA	Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Irina O. KRASNOVA	Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Land and Environmental Law of the Russian State University of Justice
Valentina V. LAPAEVA	Dr. Sci. (Law), Chief Researcher of the Sector of Philosophy of Law, History and Theory of the State and Law of the Institute of the State and Law of the Russian Academy of Sciences
Lyudmila E. LAPTEVA	Dr. Sci. (Law), Professor, Dean of the Faculty of Law named after M.M. Speransky of the Institute of Law and National Security of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation
Igor M. MATSKEVICH	Dr. Sci. (Law), Professor, Rector of the University of Prosecutor's Office of the Russian Federation
Alexey I. RAROG	Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Vladimir L. SLESAREV	Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Contract Law of the Private Law Research Centre under the President of the Russian Federation named after S.S. Alexeev
Natalia A. SOKOLOVA	Dr. Sci. (Law), Professor, Scientific Adviser of the Research Institute, Head of the Department of International Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Artem O. CHETVERIKOV	Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Integration and European Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Valentina G. RUMYANCEVA	Editor-in-Chief, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of History of State and Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Veronika S. LEBEDEVA	Head of the Research and Publishing Policy Department of the Research Institute of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

Recommended by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for publication of results of doctoral theses.
Materials included in the journal Russian Science Citation Index.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕНДЕНЦИИ

Борисов И. Б. <i>Электоральный суверенитет как основа народовластия</i>	5
Грачев Н. И., Румянцева В. Г. <i>О государстве и верховной власти: теория традиционализма</i>	10
Медушевская Н. Ф. <i>Эстетическое в праве</i>	17

РАКУРС

Калинина Е. Ю. <i>Справедливость божественная и человеческая: ордалии в средневековом европейском судебном процессе</i>	26
Кузубова А. Ю. <i>Консервативные проекты политической и правовой справедливости: отечественные доктринальные подходы</i>	34
Старшова У. А. <i>Социальная справедливость и ее место в доктрине российского социального государства</i>	41

РОССИЯ

Гордеев А. Г. <i>От Учредительного собрания к «непредрешению»: белый конституционализм в евроконтинентальном контексте</i>	48
Максимова О. Д. <i>Законодательство об образовании как отражение государственной кадровой политики в советский период (1918–1954)</i>	59
Королев П. Е. <i>Финансовый рынок инновационной эпохи: административно-правовые режимы в деятельности Банка России</i>	67
Трофимов В. А. <i>Проблемы правовой защиты семейных прав мужчин в отношении детей в российском законодательстве</i>	74
Никифорова Н. А. <i>Охрана цвета как товарного знака</i>	81

МИР

Капицын В. М. <i>Политизация фикций в португальском этатогенезе (перечитывая труды И. А. Исаева)</i>	87
Ануфриева Л. П. <i>Особенности принципов Устава ООН как основных принципов международного права</i>	94
Сигалерба Дж. <i>Анализ права детей на автономию, прав родителей на контроль и права государства на вмешательство (на англ. языке)</i>	100

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Алексеева Т. А. <i>«Историческая конституция» Испании: миф или источник конституционных актов в XIX–XXI вв.?</i>	111
Чертков А. Н. <i>Конституционный принцип гендерного равноправия и мифологемы патриархата</i>	119

CONTENTS

TRENDS

Borisov I. B. <i>Electoral Sovereignty as the Basis of Democracy</i>	5
Grachev N. I., Rumyantseva V. G. <i>The State and Supreme Power: The Theory of Traditionalism</i>	10
Medushevskaya N. F. <i>The Aesthetic Dimension of Law</i>	17

FOCUS

Kalinina E. Yu. <i>Divine and Human Justice: Trials by Ordeal in Medieval European Courts</i>	26
Kuzubova A. Yu. <i>Conservative Projects of Political and Legal Justice: Domestic Doctrinal Approaches</i>	34
Starshova U. A. <i>Social Justice and Its Place in the Doctrine of the Russian Welfare State</i>	41

RUSSIA

Gordeev A. G. <i>From the Constituent Assembly to «Non-Predetermination»: White Constitutionalism in the Continental European Context</i>	48
Maximova O. D. <i>Education Legislation as a Reflection of State Personnel Policy in the Soviet Period (1918–1954)</i>	59
Korolev P. E. <i>The Financial Market of the Innovation Era: Administrative and Legal Regimes in the Activities of the Bank of Russia</i>	67
Trofimov V. A. <i>Challenges of Legal Protection of Men's Family Rights regarding Children</i>	74
Nikiforova N. A. <i>Protection of Color as a Trademark</i>	81

THE WORLD

Kapitsyn V. M. <i>Politicization of Fictions in Portuguese State Formation (Revisiting the Works by I. A. Isaev)</i>	87
Anufrieva L. P. <i>Specific Features of the Principles of the UN Charter as Fundamental Principles of International Law</i>	94
Segalerba G. <i>An Analysis of the Right to Autonomy of the Children, of the Rights to Control of the Parents, and of the Right to Intervention of the State</i>	100

POINT OF VIEW

Alexeeva T. A. <i>«The Historical Constitution» of Spain: The Myth or Source of Constitutional Acts in the 19th–21st Centuries?</i>	111
Chertkova A. N. <i>The Constitutional Principle of Gender Equality and the Mythologemes of Patriarchy</i>	119

DOI: 10.17803/2542-2472.2025.36.4.005-009

ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ КАК ОСНОВА НАРОДОВЛАСТИЯ

Борисов Игорь Борисович,

член Центральной избирательной комиссии Российской Федерации,
председатель совета Российского общественного института избирательного права,
заслуженный юрист Российской Федерации, кандидат юридических наук
107031, Россия, г. Москва, ул. Рождественка, д. 5/7, стр. 2
borisov@roiip.ru

© Борисов И. Б., 2025

Аннотация. Право народа на определение своего будущего, положенное в основу народного суверенитета, является фундаментальным принципом организации современного демократического социума, основой народовластия. В качестве родового понятия исследуемого в статье электорального суверенитета выступает государственный суверенитет, который может проявляться в различных формах и отображаться в разных правовых категориях. Народный суверенитет не может существовать вне и помимо государства, является образующим для государственного суверенитета и становится принципом конституционного строя, одной из составляющих легитимации государственной власти и государственного суверенитета. Государственный суверенитет как одна из характеристик государства в той или иной мере может быть присущ конкретному государству. Посягательство на государственный суверенитет, по сути, является покушением на народный суверенитет и народовластие. Однако попытки повлиять извне на свободную волю народа стали достаточно обыденными в электоральной практике и приобретают всё более изощренные формы.

Ключевые слова: суверенитет; электоральный суверенитет; народовластие; выборы; референдумы; вмешательство в выборы извне; противодействие вмешательству в выборы; защита электорального суверенитета.

ELECTORAL SOVEREIGNTY AS THE BASIS OF DEMOCRACY

Igor B. Borisov,

Cand. Sci. (Law), Member of the Central Election Commission of the Russian Federation,
Chair of the Council of the Russian Public Institute of Electoral Law, Honored Lawyer
of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
borisov@roiip.ru

Abstract. The people's right to determine their future, the basis of popular sovereignty, is the fundamental organizing principle of modern democratic society and the foundation of democracy. In this paper, the generic concept of electoral sovereignty is understood as state sovereignty, which can manifest in various forms and across different legal categories. Popular sovereignty cannot exist apart from the state; it generates state sovereignty and becomes a principle of the constitutional order and a component in legitimizing the state power. State sovereignty, as a defining characteristic of a state,

may be present to varying degrees. Encroachments on state sovereignty constitute, in effect, attacks on popular sovereignty and democracy. However, external attempts to influence the people's free will have become commonplace in electoral practice and are growing increasingly sophisticated.

Keywords: *sovereignty; electoral sovereignty; democracy; elections; referendums; external election interference; countering election interference; protecting electoral sovereignty.*

В качестве родового понятия исследуемого в статье электорального суверенитета как основы народовластия положен «государственный суверенитет», который может проявляться в различных формах и отображаться в разных правовых категориях. Суверенитет как характеристика государственности, заложенная в трудах Жана Бодена, — «суверенитет есть абсолютная и постоянная власть государства»¹. При этом, несомненно, «народный суверенитет», рассматриваемый в научной литературе в различных значениях и который не может существовать вне и помимо государства, является образующим для государственного суверенитета. В демократических государствах народный суверенитет становится принципом конституционного строя, одной из составляющих легитимации государственной власти и государственного суверенитета². Народ является только «носителем суверенитета и источником власти»³, выступая своего рода источником и «правовым учредителем» государственного суверенитета, формируя в соответствии с установленным порядком государственные органы власти и наделяя их соответствующими полномочиями, де-факто конституируя государственный суверенитет. Власть в демократическом государстве хотя и исходит от народа, но становится настоящей властью лишь тогда, когда «овнешняется» по отношению к народу⁴.

Понятия «государственный суверенитет» и «народный суверенитет» не являются тождественными, так как невозможно представить демократию как управление народа самим собой. Как отмечал Франклин Анкерсмит, «народный суверенитет нацелен на легитимацию политической власти путем усмотрения ее истоков в народе, так сказать, в представляемом народе»⁵. И в этой связи совершенно справедливо замечает И. А. Исаев: «Для легитимной власти характерна четкая граница между представителями и представляемыми, нелегитимная власть жаждет слияния»⁶. Конституция России увязывает суверенитет именно с Российской Федерацией как неотъемлемую характеристику независимого правового государства, обладающего суверенными правами.

Государственный суверенитет как одна из характеристик государства в той или иной мере может быть присущ конкретному государству, что, несомненно, отражается и на суверенитете народа этого государства и его статусе как истинного источника

¹ Боден Ж. Шесть книг о государстве // Антология мировой правовой мысли : в 5 т. М. : Мысль, 1999. Т. 2. С. 692.

² Климова М. И. Народный суверенитет как конституционный принцип // Вопросы современной юриспруденции. 2015. № 45–46. С. 25–29.

³ «носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ» — ч. 1 ст. 3 Конституции РФ (с учетом поправок, внесенных от 30.12.2008, 5 февраля 2014 г., 21 июля 2014 г., 14 марта 2020 г., с изм., одобр. в ходе общерос. голосования июля 2020 г.) // Российская газета. 1993. № 237. 25 декабря.

⁴ Исаев И. А. Народ и суверен: одноразовое соглашение // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 4. С. 127.

⁵ Анкерсмит Ф. Эстетическая политика. Политическая философия по ту сторону факта и ценности. М. : Издательский дом Высшей школы экономики, 2014. С. 74–75.

⁶ Исаев И. А. Указ. соч. С. 127.

власти в государстве. При этом государство (а согласно Конвенции Монтевидео⁷, для того чтобы выступать субъектом международного права, государство должно обладать только четырьмя признаками, среди которых нет суверенитета, — постоянным населением, конкретной территорией, собственным правительством и способностью к вступлению в отношения с другими государствами) может обладать всеми признаками государственного суверенитета и может его делегировать, может на время терять и, затем, восстанавливать⁸.

Российская Федерация в лице государственных органов в соответствии с Основным законом государства не может произвольно распоряжаться государственным суверенитетом. Более того, согласно поправкам к Конституции РФ 2020 г. Российская Федерация обеспечивает защиту своего суверенитета. Президент РФ является гарантом Конституции РФ и в «установленном Конституцией Российской Федерации порядке он принимает меры по охране суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности» (ч. 2 ст. 80 Конституции РФ). «Существование нашей страны без суверенитета невозможно, ее просто не будет» — достаточно четко обозначает свою позицию по этому вопросу Президент РФ В. В. Путин⁹.

Политические права народов, населяющих отдельные государства, становятся производными от воли отдельных иностранных акторов, не имеющих ничего общего с населением этих стран, но обладающих ресурсными возможностями — финансовыми, военными, экономическими, медийными. Что де-юре не позволяет, но де-факто не мешает навязывать целым народам свою политическую волю квазидемократическими методами, вмешиваясь и влияя на выбор народа в ходе электоральных процедур под видом публичных «гуманитарных интервенций» либо скрытно — путем обмана, подкупа или запугивания.

В ходе организации и проведения электоральных кампаний, которые сегодня проходят в условиях непрекращающегося внешнего давления и вмешательства, наиболее остро встает проблема обеспечения и защиты государственного суверенитета как воплощение воли и выражение суверенитета народа при определении конкретной формы организации общества и государства. Посягательство на государственный суверенитет, по сути, является покушением на народный суверенитет и народовластие. Государство, наделенное суверенными полномочиями, обязано обеспечивать защиту своего суверенитета и гарантировать защиту прав и свобод человека и гражданина (ч. 1 ст. 45 Конституции РФ). В сложных условиях, в условиях стихийных бедствий или при чрезвычайных ситуациях, как совершенно справедливо отмечает В. Г. Румянцева, «суверен не может пытаться или ошибаться, он должен мгновенно принимать четкие политико-правовые решения, мобилизуя все ресурсы»¹⁰.

Очевидна прямая взаимосвязь государственного суверенитета в целом с такой его важной сферой, как самостоятельное, суверенное, независимое от внешних воздействий функционирование политической системы, демократических институтов, среди которых центральное место занимают институты непосредственного народовластия — референдум и свободные выборы. И в этом аспекте вполне возможно и допустимо говорить об электоральном суверенитете как основе народовластия.

Суверенитет в сфере обеспечения самостоятельных демократических процедур не рассматривается нами как некий отдельный от государственного суверенитета вид суверенитета. Напротив, по самой своей природе он является одной из сфер проявления единого и неделимого государственного суверенитета.

⁷ Конвенция о правах и обязанностях государств : заключена в г. Монтевидео 26.12.1933 // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. М., 1935. Вып. VIII. С. 30–34.

⁸ Субочев В. В. Исчезновение суверенитета: теоретический анализ политико-правовых реалий // Правовая политика и правовая жизнь. 2016. № 2. С. 13–21.

⁹ Путин В. В. на прямой линии и пресс-конференции 14 декабря 2023 г. // ГИА ТАСС: официальный сайт. URL: <https://tass.ru/politika/19533865> (дата обращения: 30.12.2025).

¹⁰ Румянцева В. Г. Государственный интерес: власть суверена по умолчанию // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 11. С. 169.

На текущем этапе государственного строительства и конституционно-правового развития России наблюдается несколько набирающих силу значимых тенденций развития механизмов, обеспечивающих электоральный суверенитет государства, в числе которых:

— дальнейшее совершенствование законодательства о выборах и референдумах в аспекте более эффективной защиты прав и повышения удобства способов их реализации для граждан, обеспечения всей этой системой гарантий главной цели демократических процедур — формирования стабильных легитимных органов публичной власти;

— расширение на законодательном уровне, уровне подзаконных актов и в правоприменительной плоскости механизмов противодействия иностранному вмешательству в выборы и референдумы, проводимые в Российской Федерации;

— дальнейшая выработка самобытных российских правовых механизмов в электоральной сфере, которые, развиваясь строго в рамках признаваемых международных избирательных стандартов, отражают новые подходы к обеспечению подлинно демократических электоральных процессов, которые могут быть предметом рецепции со стороны других государств как хорошо себя зарекомендовавшие современные механизмы;

— повышение уровня надежности и стабильности правовых и организационных механизмов, обеспечивающих проведение демократических процедур — референдумов, свободных выборов, иных видов голосований при необходимости — вне зависимости от каких-либо вызовов и угроз.

На практике мы наблюдаем увеличение интенсивности, форм и методов атак на электоральный суверенитет России и избирательную систему в целом. Атаки на российский электоральный суверенитет, направленные на искажение либо изменение свободной воли избирателей, можно условно классифицировать по следующим направлениям:

- атаки на цифровые электоральные сервисы;
- побуждение и провоцирование противоправных действий специальными субъектами избирательного процесса;
- инициирование и организация экстремистских деяний (электоральный экстремизм);
- запугивание избирателей, организаторов и участников выборов;
- деструктивное информационное воздействие на избирателей и организаторов выборов;
- дестабилизация работы института международного наблюдения на выборах;
- воспрепятствование голосованию за пределами государства;
- развертывание и поддержание сети иностранных агентов;
- другие методы и способы искажения волеизъявления избирателей.

Несмотря на достаточно обширный перечень форм и методов воздействия на российский электоральный суверенитет, все попытки вмешательства извне в российские выборы были успешно предотвращены¹¹.

Всестороннее обеспечение суверенитета государства во всех его проявлениях является необходимым условием обеспечения надежных гарантий прав и свобод человека и гражданина, качества жизни людей и социума в целом. Принципиально важным для этого является функционирование и периодическое воспроизводство в рамках установленных демократических процедур легитимной системы публичной власти в государстве, основанной на воле народа, без давления и вмешательства извне. Государство, как отмечалось выше, через свои государственные органы, включая избирательные комиссии, обязано обеспечивать и защищать государственный суверенитет, в том числе в ходе организации выборов и референдумов.

¹¹ Глава ЦИК заявила о беспрецедентной консолидации россиян во время выборов // Известия. URL: <https://iz.ru/1683112/inna-ianikeeva/glava-tcik-zaiavila-o-bespretcedentnoi-konsolidacii-rossiiian-vo-vremia-vyborov> (дата обращения: 30.12.2025).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Анкерсмит Ф. Эстетическая политика. Политическая философия по ту сторону факта и ценности. — М. : Издательский дом Высшей школы экономики, 2014. — 432 с.
2. Боден Ж. Шесть книг о государстве // Антология мировой правовой мысли : в 5 т. — М. : Мысль, 1999. — Т. 2. — 829 с.
3. Исаев И. А. Народ и суверен: одноразовое соглашение // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2023. — № 4. — С. 122-130.
4. Климова М. И. Народный суверенитет как конституционный принцип // Вопросы современной юриспруденции. — 2015. — № 45-46. — С. 25-29.
5. Клишас А. А. От борьбы за право к борьбе за суверенитет // Право и управление. XXI век. — 2018. — № 3. — С. 11-20.
6. Румянцева В. Г. Государственный интерес: власть суверена по умолчанию // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2023. — № 11. — С. 165-170.
7. Субочев В. В. Исчезновение суверенитета: теоретический анализ политико-правовых реалий // Правовая политика и правовая жизнь. — 2016. — № 2. — С. 13-21.

REFERENCES

1. Ankersmit F. Aesthetic policy. Political philosophy on the other side of fact and value. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics; 2014. (In Russ.).
2. Boden J. Six Books on the State. In: Anthology of World Legal Thinking. In 5 vols. Vol. 2. Moscow: Mysl Publ.; 1999. (In Russ.).
3. Isaev IA. The People and the Sovereign: A One-Time Agreement. *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2023;(4):122-130. (In Russ.). DOI: 10.17803/2311-5998.2023.104.4.122-130.
4. Klimova MI. Popular sovereignty as a constitutional principle. *Voprosy sovremennoy yurisprudentssii*. 2015;45-46:25-29. (In Russ.).
5. Klishas AA. From Struggle for Law to Struggle for Sovereignty. *Law and Management. 21st Century*. 2018;3. (In Russ.).
6. Rumyantseva VG. The State Interest: the Sovereign's Power by Default. *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2023;1(11):165-170. (In Russ.). DOI: 10.17803/2311-5998.2023.111.11.165-170.
7. Subochev VV. Dissolution of Sovereignty: theoretical approach to political and legal environment. *Legal Policy and Legal Life*. 2016;2:13-21. (In Russ.).

DOI: 10.17803/2542-2472.2025.36.4.010-016

О ГОСУДАРСТВЕ И ВЕРХОВНОЙ ВЛАСТИ: ТЕОРИЯ ТРАДИЦИОНАЛИЗМА

Грачев Николай Иванович,

профессор кафедры конституционного и административного права
Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент
400089, Россия, г. Волгоград, Историческая ул., д. 130
grachev.n.i@mail.ru

Румянцева Валентина Геннадьевна,

главный редактор журнала «Российское право онлайн», доцент кафедры
истории государства и права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук, доцент
125933, Россия, г. Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9
valentinorum@mail.ru

© Грачев Н. И., Румянцева В. Г., 2025

***Аннотация.** Кризисное состояние современных государств и государственности заставляет социальные науки искать глубинные причины такого положения. Теория традиционализма отрицает парадигму прогресса и линейного социального движения, признает инволюцию государства и права XXI в. В статье исследуется концепция государства и верховной власти в ракурсе традиционализма. В социальных науках, основанных на парадигме прогресса, для отделения современного западного общества, в котором господствуют рациональное знание и светская этика, от современных цивилизаций за его пределами и обществ предыдущих эпох, мировоззренческим ядром которых были и остаются собственные духовные и нравственные ценности, по отношению к последним используется понятие «традиционное общество». В авангарде всё так же находится модернизация традиционных обществ по западному образцу, их вестернизация, конечным пунктом которой объявляется формирование в них капиталистической экономики и демократической государственности. Несмотря на то что теория модернизации подвергается серьезной критике, так как на практике ведет к неокOLONIALной зависимости развивающихся стран от Запада, модернизационный дискурс в общественных науках остается по-прежнему доминирующим.*

***Ключевые слова:** государство; право; власть; суверен; суверенитет; религия; мифология; политика; традиционализм; традиции; традиционное общество; органическое государство; эволюция; инволюция.*

THE STATE AND SUPREME POWER: THE THEORY OF TRADITIONALISM

Nikolay I. Grachev,

Dr. Sci. (Law), Associate Professor; Professor, Department of Constitutional and Administrative Law, Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation
grachev.n.i@mail.ru

Valentina G. Rummyantseva,

Cand. Sci. (Law), Associate Professor; Editor-in-Chief of the Journal «Russian Law Online»; Department of the State History and Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
valentinorum@mail.ru

***Abstract.** The crisis of modern states and statehood compels the social sciences to seek underlying causes. Traditionalist theory rejects the paradigm of progress and linear social development, recognizing an involution of the state and law of the 21st century. This article examines the concepts of the state and supreme power from a traditionalist perspective. Within social science frameworks shaped by the progress paradigm, modern Western society — marked by rational knowledge and secular ethics — is contrasted with civilizations beyond its borders and with earlier societies whose ideological cores remain rooted in distinct spiritual and moral values; the latter are labeled «traditional societies». The dominant agenda remains the modernization and Westernization of these traditional societies, ostensibly culminating in the establishment of capitalist economies and democratic statehood. Although modernization theory has been widely criticized for promoting neocolonial dependence of developing countries on the West, modernization discourse still predominates in the social sciences.*

***Keywords:** state; law; power; sovereign; sovereignty; religion; mythology; politics; traditionalism; traditions; traditional society; an organic state; evolution; involution.*

Современная теория государства строится на стадильно-линейной концепции прогресса, согласно которой история человечества проходит через этапы, каждый последующий из которых качественно превосходит предыдущие. Для такой теории характерны постулаты:

- линейное понимание времени и уверенность, что история имеет устремленный в будущее смысл;
- единство человечества, его эволюционирование по одному пути;
- непрерывное улучшение мира посредством рациональной деятельности людей (хозяев природы).

«Идея прогресса является одной из теоретических предпосылок модерна»¹ (Ален Бенуа). Хотя идея прогресса зародилась еще в Древнем мире, в учениях античных материалистов (Демокрит, Эпикур, Тит Лукреций Кар), свое законченное выражение и доминирование в науке она получила лишь в XVIII в., когда с развитием буржуазных отношений распространились материалистические воззрения и атеизм, подменившие собой духовные ценности.

В Древнем мире и Средневековье общественное мировоззрение имело по преимуществу религиозно-мифологический характер, в нем господствовала циклическая доктрина. Это полное отрицание идеи прогресса, которое видим и во всех духовно-этических системах (индуизме, зороастризме, конфуцианстве, буддизме, даосизме, древнегреческой и древнеримской религиях, иудаизме, христианстве, исламе), а

¹ Бенуа А. Краткая история идеи прогресса // Против либерализма. К Четвертой политической теории. СПб. : Амфора, 2009. С. 120.

также в произведениях литературы и науки. Подобная трактовка содержится в поэме Гесиода «Труды и дни», она же занимает важное место в проекте идеального государства Платона, концепции кругооборота государственных форм греческого историка Полибия, сочинениях римских поэтов Вергилия и Овидия и пр.

Генезис цивилизаций, согласно доктрине циклизма, движется в нисходящем направлении (от высшего к низшему): «Развитие всякого проявления с необходимостью предполагает постепенно ускоряющееся движение в сторону удаления от порождающего Принципа»². Будучи творением Божьим, человек с течением времени забывает Создателя — и начинается инволюция: золотой век сменяется серебряным, бронзовым, железным и т.д. Так мир приближается к концу света. Удел человека — «быть современником гибельной эпохи и терпеть это, осознавая то место, которое занимает данная эпоха на нисходящей траектории космического цикла»³. Стоит упомянуть, что в большинстве древних традиций есть мифы о вечном возвращении, когда золотой век может повториться однократно (иудаизм, христианство, ислам) или многократно (индуизм и другие восточные религии): периоды разложения и упадка чередуются с периодами справедливости и порядка, когда вновь и вновь наступает Священное царство.

Наиболее серьезный вызов концепциям прогресса и модернизации был брошен теорией традиционализма, истоки которой лежат в идеологии консерватизма. В частности, критическая реакция на Великую французскую революцию со стороны роялистов — изобличение первопричин революции, которая сосредоточилась «на метафизических и религиозных предпосылках мышления XVIII в.»⁴. Приоритет безоговорочно отдавался государственно-правовым традициям. Само традиционное государство объявлялось органичным. В результате — обращение к органической теории. «Государство — та же самая длящаяся вещь, целое, подобное некоему животному, всегда являющемуся самотождественным, возраст которого не способен изменить его идентичность»⁵ (Жозеф Местр).

Позже основатель интегрального традиционализма Рене Генон представляет такие понятия, как «традиционное общество», «традиционная цивилизация», «примордиальная традиция». Мыслитель указывает, что «в современном мире мы видим, с одной стороны, цивилизации, оставшиеся стоять на традиционных позициях, — таковы цивилизации Востока; и с другой — откровенно антитрадиционную цивилизацию, или цивилизацию современного Запада»⁶.

Традиция фундирует всякое здоровое общество, от нее берет свое начало вся совокупность общественных институтов. Содержание примордиальной традиции — передаваемое из поколения в поколение сакральное знание о первопринципах организации мира с доисторических времен. Примордиальная традиция — мерило истины, метафизика, независимая «от всех конкретных религиозных систем или верований и одновременно присущая каждому подлинному и аутентичному религиозному учению»⁷. Не принадлежа ни к одной из конкретных религий, она служит и их источником в качестве единой истины, и языком для толкования всего в традиционных религиозно-мифологических системах.

Традиция всегда присутствует в современности, а современность — в традиции, в социальной жизни всегда есть место противоположным тенденциям: «В моменты кажущегося явного преобладания нисходящей тенденции в ходе одного из циклов развития мира происходит некое особое вмешательство, позволяющее укрепить

² Генон Р. Кризис современного мира. М. : Эксмо, 2008. С. 14.

³ Элиаде М. Миф о вечном возвращении // Избранные сочинения. М. : Ладомир, 2000. С. 97.

⁴ Исаев И. А. Идея порядка в консервативной ретроспективе. М. : Проспект, 2011. С. 87.

⁵ Местр Ж. Эссе об отсрочке Божественного Правосудия в наказаниях виновных // Об отсрочке Божественного Правосудия в наказаниях виновных. СПб. : Алетей, 2017. С. 43.

⁶ Генон Р. Кризис современного мира. С. 28–29.

⁷ Тонтон Г. Примордиальные традиции. М. : Тотенбург, 2022. С. 7–8.

противоположную восходящую тенденцию и восстановить, насколько это позволяют конкретные условия, некоторое, пусть даже относительное, равновесие»⁸.

Что касается современной западной цивилизации, то, по мнению Рене Генона и его последователей, она давно утратила связь с традицией, развиваясь в чисто материальном направлении, и, «кроме того, угрожает окутать своим собственным мраком весь мир»⁹. Отрицая парадигму прогресса и линейного развития, теория традиционализма признает безнадежной и эволюцию типов государства и верховной власти в сторону либерализации. В эпоху модерна внутреннее единство общества либо отсутствует, либо искусственно.

Духовное, религиозное и моральное состояние общества не представляет интереса для современного демократического государства. Отделив право от религии и политику от морали, либеральная идеология отвергла органический характер государства; органический взгляд на политическую природу вещей оказался ей глубоко чужд, поскольку государство стало всего лишь набором политических и правовых структур, легко поддающихся рационализации, нормированию и регулированию.

Отсюда проистекает самодовлеющий формализм западной правовой системы:

- отрицается естественная социально-политическая иерархия;
- признаются высшими ценностями формальное (юридическое) равенство индивидов и их личная свобода, понимаемая в качестве освобождения от ограничений, кроме экономических, обусловленных имущественным положением.

Сама жизнь переводится в область материального существования, где представления о реальности опираются исключительно на телесное, по отношению к которому любые философские взгляды вторичны. В противоположность этому теория традиционализма покоится на дуалистическом восприятии мира. «Мир бытия и мир становления затрагивает вещи, демонов и людей»¹⁰ (Юлиус Эвола). Например, это будут следующие полюсные пары:

- порядок физический и порядок метафизический;
- низшее царство и высшее царство;
- зримое (осязаемое) и незримое (неосязаемое).

Великие традиционные цивилизации — империи, монархии, аристократические республики или полисы — «в лучший период своего существования в большей или меньшей степени носили органичный характер», их единство имело и политическое, и духовное измерение, а «“органичное” и “традиционное” в широком понимании становились почти синонимами»¹¹.

Традиционализм рассматривает государство в качестве организма — духовного единого целого, интегрирующего в себя этносы, территории, конфессии, сословия без их подавления или жесткого принуждения. «Только исходя из представления о цельности можно говорить о государстве или империи как о политическом организме»¹² (Игорь Исаев). Единство и целостность такого организма требуют юридической неограниченности его верховной власти и ее персонификации, и присутствующее в нем многообразие составных этнокультурных элементов, особенно заметное в империи, детерминирует управленческую децентрализацию, «масштабы которой могут быть тем шире, чем более духовным и в некотором роде трансцендентным характером обладает объединяющий центр, чем могущественнее его верховная уравнивающая сила, его глубинное влияние»¹³.

Государство фундирует идея верховной власти. Для традиционного государства верховная власть сакральна. Царь — одновременно и первосвященник с трансцендентными сверхчеловеческими способностями ввиду божественного происхождения. «Царь, обладавший неземной силой, укорененной в “больше-чем-жизни”,

⁸ Генон Р. Кризис современного мира. С. 16.

⁹ Генон Р. Духовное владычество и мирская власть. М. : Беловодье, 2015. С. 42.

¹⁰ Эвола Ю. Восстание против современного мира. М. : Прометей, 2016. С. 23.

¹¹ Эвола Ю. Люди и руины. М. : Опустошитель, 2019. С. 66–68.

¹² Исаев И. А. Солидарность как политико-правовое состояние. М. : Проспект, 2009. С. 43.

¹³ Эвола Ю. Люди и руины. С. 68.

естественным образом представал как тот, кто по преимуществу способен обеспечить действенность силам обрядов и открыть пути, ведущие в высший мир»¹⁴.

Архитектура архетипа царской власти, ее функции построены на древнейших мифах и их символике. В мифологической картине вселенной царь — центр, духовная твердыня в непрерывном потоке колеса Сансары (метафоры описания цикличности бытия). Царь-жрец, король-маг, князь-волхв, священный император, то есть священный вождь, находится на вершине социальной и политико-правовой иерархии.

Символическая фигура идеального правителя, поддерживающая связь между землей и небом, есть практически во всех религиозных традициях:

— в индуистской мифологии — Чакраварти (который также ассоциируется с Ману¹⁵);

— Китае — сакральный император Хуан-ди;

— в иудеохристианстве — Мелхиседек;

— Древнем Риме — Янус.

Идеальный правитель ассоциируется со справедливостью и истиной. Он — ативарна, человек вне каст, стоящий выше всех социальных различий, хранитель гармонии, порядка, закона. Понятие закона в традиционном государстве выходит за рамки обыденного, профанного мировоззрения. Закон есть следование каждому собственной природе. Правопорядок отвечает внутреннему духовному и витальному строению человеческого организма. Идея справедливости, по Платону, роднится с «принципом, согласно которому каждый должен исполнять функцию, соответствующую собственной природе»¹⁶. Платон предлагает не абстрактную утопию, он повторяет традиции древности: «Справедливо отдавать каждому должное»¹⁷. Правовые системы традиционных государств руководствуются священными писаниями (Законы Ману и Веды, Авеста, конфуцианские произведения, Тора, Библия, Коран и Сунна, Великая Яса и др.). Священные тексты прежде всего имеют теологическое и этическое, а лишь затем юридическое значение, когда через богооткровения трактуются справедливость и истина.

Реальный земной правитель для легитимации должен отождествляться с идеальным правителем и органически сочетать в себе идеологическую и управленческую функции. В общественном сознании неявно проступает образ именно такого истинного правителя — суверена, воплощающего небесную волю. Суверен — обладатель всей полноты и духовной, и мирской власти, вокруг него происходят структуризация и институционализация государства и права, где народ, территория — «продолжение царя-жреца, его тело или тень»¹⁸.

Природа государства столь же сакральна, как и природа церкви. Царский сан, по сути, равен священническому. В обряде посвящения царь принимает власть (не получает), которую церковь хранит (не обладает). Хотя Рене Генон ставит во главу угла духовное владычество, а царствие на земле рассматривает как временную власть: «Духовное владычество именно потому, что оно в самом себе заключает это знание, также в самом себе обладает и незыблемостью»¹⁹. А вот Юлиус Эвола, напротив, ссылаясь на священные тексты индуизма и Ветхий завет, доказывает первенство царского сана: «Царский тип представлен здесь в соответствии со своей ценностью мужского принципа, который превосходит, индивидуализирует, подчиняет и “триумфально” правит духовной силой, представляемой в образе матери и

¹⁴ Эвола Ю. Восстание против современного мира. С. 31.

¹⁵ Ману — законодатель первозданных времен, его имя в несколько измененном виде встречается в текстах многих народов древности: Менес — у египтян, Менва — у кельтов, Минос — у греков.

¹⁶ См.: Эвола Ю. Восстание против современного мира. С. 43.

¹⁷ Платон. Государство // Собрание сочинений : в 4 т. СПб. : Издательство Санкт-Петербургского университета ; Издательство Олега Абышко, 2007. Т. 3. Ч. 1. С. 105.

¹⁸ Дугин А. Г. Философия политики. М. : Арктогея, 2004. С. 96.

¹⁹ Генон Р. Духовное владычество и мирская власть. С. 39.

женщины»²⁰. И в Законах Ману, с одной стороны, утверждается приоритет брахманов над кшатриями, с другой стороны, признается: «Брахман считается корнем дхармы, кшатрии — ее вершиной»²¹. Интересен тот факт, что в самых древних традициях сословие жрецов пополнялось только представителями воинской знати. Отголоски правила есть в платоновской концепции идеального государства, когда правители — это те, «которых мы недавно назвали совершенными стражами»²².

К какому бы из высших сословий ни принадлежала верховная власть, социально-политический порядок традиционного государства всегда строится на принципе сакральной иерархии²³. Органическое государство — иерархически упорядоченное единство народа, а также единство политико-правовой системы и духовно-нравственных ценностей народа. Базис такой иерархии — не политический или экономический статус индивидов, а их духовный уровень.

«В современную эпоху иерархия стала “социальной стратификацией”, т.е. подавленной иерархией, постыдной или неосознаваемой»²⁴ (Луи Дюмон). Сакральная иерархия сословий постепенно заменяется профанной социальной стратификацией. Акт узурпации верховной власти воинской аристократией (революция кшатриев) ограничивает священство идеологическим обоснованием светскости монаршей власти. Традиция не отменяется, а трансформируется в абсолютизм. В Новое время буржуазия, носитель идей формальной свободы и юридического равенства, ниспровергает сословный строй. Протестантизм сменяет сакральность военной аристократии фрагментированной сакральностью буржуа. С переходом к позитивизму, либерализму начинается полная секуляризация общественной жизни; XX век — эпоха революции шудр.

Что же XXI век? Юлиус Эвола, например, прорицает инволюцию государственности — приход к власти пятого сословия, лиц без традиций, оторвавшихся от своих корней, деградирующих духовно. Это «инфернальные силы, силы хаоса, которые уже не принадлежат собственно человеческому миру»²⁵. Так философ интерпретирует эсхатологические концепты. И его прогноз подтверждается сейчас тенденциями всё более ускоряющегося морального упадка, профессиональной деградации правящих элит современных государств, особенно западных стран, ибо «пришествие пятого сословия необходимо рассматривать не только в социальном или политическом контексте, но и на уровне личности, точнее — разрушения личности»²⁶.

По мере погружения человечества в материальное обнаруживается рост нестабильности в социальной, политической и правовой сферах. Вещизм под маской прогресса толкает нас к регрессу. Сохраняется вера в то, что господство пятого сословия, знаменуя собой последнюю фазу нисходящего исторического цикла, приведет к осознанию фатальности инволюции. Однако вряд ли всё произойдет само собой. Требуется кардинальная реконструкция политико-правовой теории, восстановление первичных идеологем государства и верховной власти.

Традиционализм показывает нам высокодуховный характер органического государства, тогда как практически полная десаκραлизация верховной власти ослабляет государство и его суверенитет. Меж тем государство и в XXI в. остается надежной опорой народов и цивилизаций. Загадочная, иррациональная природа власти рождает верховных правителей, способных быть и политическими, и духовными лидерами, во всяком случае пока есть государствообразующий народ. А потому рано или поздно вновь возвратится золотой век...

²⁰ Эвола Ю. Восстание против современного мира. С. 31.

²¹ Законы Ману. М.: Эксмо-Пресс, 2002. С. 440.

²² Платон. Государство. С. 236.

²³ Иерархия в переводе с древнегреческого — «священная власть».

²⁴ Дюмон Л. Номо hierarchicus: опыт описания системы каст. СПб.: Евразия, 2001. С. 91.

²⁵ Эвола Ю. Пришествие пятого сословия // Warha. 2019. № 6. С. 114.

²⁶ Эвола Ю. Пришествие пятого сословия. С. 112.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бенуа А. Краткая история идеи прогресса // Против либерализма. К Четвертой политической теории. — СПб. : Амфора. ТИД Амфора, 2009. — С. 120–132.
2. Генон Р. Духовное владычество и мирская власть. — М. : Беловодье, 2015. — 208 с.
3. Генон Р. Кризис современного мира. — М. : Эксмо, 2008. — 784 с.
4. Дугин А. Г. Философия политики. — М. : Арктогея, 2004. — 616 с.
5. Дюмон Л. Homo hierarchicus: опыт описания системы каст. — СПб. : Евразия, 2001. — 480 с.
6. Законы Ману. — М. : Эксмо-Пресс, 2002. — 496 с.
7. Исаев И. А. Идея порядка в консервативной ретроспективе. — М. : Проспект, 2011. — 400 с.
8. Исаев И. А. Солидарность как политико-правовое состояние. — М. : Проспект, 2009. — 175 с.
9. Местр Ж. Эссе об отсрочке Божественного Правосудия в наказаниях виновных // Об отсрочке Божественного Правосудия в наказаниях виновных. — СПб. : Алетейя, 2017. — С. 27–78.
10. Платон. Государство // Собрание сочинений : в 4 т. Т. 3. Ч. 1. — СПб. : Издательство Санкт-Петербургского университета ; Издательство Олега Абышко, 2007. — С. 97–493.
11. Тонтон Г. Примордиальные традиции. — М. : Тотенбург, 2022. — 458 с.
12. Эвола Ю. Восстание против современного мира. — М. : Прометей, 2016. — 476 с.
13. Эвола Ю. Люди и руины. — М. : Опустошитель, 2019. — 296 с.
14. Эвола Ю. Пришествие пятого сословия // Warha. — 2019. — № 6. — С. 110–114.
15. Элиаде М. Миф о вечном возвращении // Избранные сочинения. — М. : Ладомир, 2000. — С. 23–124.

REFERENCES

1. Benua A. A brief history of the idea of progress. In: Against liberalism. To the Fourth Political Theory. St. Petersburg: Amfora Publ.; 2009. (In Russ.).
2. Genon R. Spiritual Authority and Temporal Power. Moscow: Belovodje Publ.; 2015. (In Russ.).
3. Genon R. Crisis of the Modern World. Moscow: Eksmo Publ.; 2008. (In Russ.).
4. Dugin AG. Philosophy of Politics. Moscow: Arktogeya Publ.; 2004. (In Russ.).
5. Dyumon L. Homo hierarchicus: Caste System Description Experience. St. Petersburg; Evrasia Publ.; 2001. (In Russ.).
6. The Laws of Manu. Moscow: Eksmo-Press Publ.; 2002. (In Russ.).
7. Isaev IA. The idea of order in conservative retrospect. Moscow: Prospekt Publ.; 2011. (In Russ.).
8. Isaev IA. Solidarity as a political and legal state. Moscow: Prospekt Publ.; 2009. (In Russ.).
9. Mestre J. Essay on the postponement of Divine Justice in punishments of those responsible. In: On the postponement of Divine Justice in punishments of those responsible. St. Petersburg: Aleteiya Publ.; 2017. (In Russ.).
10. Platon. The State. Collection of Works. In 4 vols. Vol. 3, Part 1. St. Petersburg: St. Petersburg University Publ.; Oleg Abyshko Publ.; 2007. (In Russ.).
11. Tonton G. Primordial traditions. Moscow: Totenburg Publ.; 2022. (In Russ.).
12. Evola Yu. Rebellion against the modern world. Moscow: Prometey Publ.; 2016. (In Russ.).
13. Evola Yu. People and Ruins. Moscow: Opustoshitel Publ.; 2019. (In Russ.).
14. Evola Yu. The coming of the fifth estate. Warha. 2019;6:110-114. (In Russ.).
15. Eliade M. Myth of Eternal Return. In: Selected Works. Moscow: Ladomir Publ.; 2000. (In Russ.).

DOI: 10.17803/2542-2472.2025.36.4.017-025

ЭСТЕТИЧЕСКОЕ В ПРАВЕ

Медушевская Наталья Федоровна,

профессор кафедры истории государства и права Московского ордена Почета университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, доцент 117997, Россия, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12

Sapfo2@yandex.ru

© Медушевская Н. Ф., 2025

Аннотация. В статье рассматривается соотношение эстетического и правового в контексте органической теории права. Отмечается, что в научных исследованиях И. А. Исаева в рамках данной теории в историческом дискурсе анализируется соотношение права и литературы. Подчеркивается, что эстетическое и правовое укоренены в социальной деятельности, способствуют целостному восприятию реальности, являются способами познания мира, направлены на просвещение индивида, способствуют формированию ответственной личной позиции, активно вовлеченной в преобразование мира. Укорененность эстетического в праве рассматривается на трех уровнях — онтологическом, гносеологическом и аксиологическом. В контексте правового бытия внимание обращается на влияние художественной культуры на формирование правового сознания. При анализе гносеологического уровня рассмотрения сферы права отмечается эвристическая роль красоты в юридическом знании этапа постнеклассической науки, ее роль в языке права. А принцип красоты является промежуточным критерием научной истины, а также оказывает влияние на стиль научного исследования. С точки зрения аксиологии права анализируется роль эстетических категорий прекрасного, меры, трагического, низменного в праве и правовой культуре. Эстетическое гармонизирует право, расширяя поле социальной солидарности.

Ключевые слова: органическое государство; эстетическое; правовая норма; онтология правовой реальности; гносеология права; аксиология права; красота; мера; трагическое; низменное.

THE AESTHETIC DIMENSION OF LAW

Natalia F. Medushevskaya,

Dr. Sci. (Law), Associate Professor; Professor, Department of History of the State and Law, Vladimir Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation

Sapfo2@yandex.ru

Abstract. The paper examines the relationship between the aesthetic and the legal in the context of organic legal theory. It is noted that in the scientific research of I. A. Isaev, within the framework of this theory, the ratio of law and literature is analyzed in historical discourse. It is emphasized that the aesthetic and the legal are rooted in social activities, contribute to a holistic perception of reality, they are ways of knowing the world, aimed at educating the individual, contributing to the formation of a responsible personal position, actively involved in the transformation of the world. The rootedness

of the aesthetic in law is considered at three levels, namely: ontological, epistemological and axiological. In the context of legal existence, attention is drawn to the influence of artistic culture on the formation of legal consciousness. When analyzing the epistemological level of consideration of the sphere of law, the heuristic role of beauty in the legal knowledge of the stage of post-classical science, its role in the language of law is noted. And the principle of beauty is an intermediate criterion for scientific truth, and also affects the style of scientific research. From the point of view of the axiology of law, the author analyzes the role of aesthetic categories of beauty, measure, tragic, baseless in law and legal culture. The aesthetic harmonizes law, expanding the field of social solidarity.

Keywords: *organic state; aesthetic; legal rule; an ontology of legal reality; epistemology of law; axiology of law; beauty; measure; tragic; low.*

Обращаясь к системному рассмотрению права и исходя из проблем «солидарного единства, проявляющегося в форме политических и правовых институтов», профессор И. А. Исаев анализирует тему «политического воображения», создающего политические и правовые фикции и символы¹. В работе «Солидарность как политико-правовое состояние» автор с позиции органистической теории права отмечает, что «современное общество как “организм” — безгранично, но не беспредельно, подобно той земной поверхности, которую оно занимает»².

В начале XX столетия на проблему разграничения в понимании общества как организма и организации обращал внимание Н. А. Бердяев, выделяя в истории развития человечества три стадии: «природно-органическую, культурную в собственном смысле и технико-машинную». Организация связана с преобразующей деятельностью человека, в то время как «организм рождается из природной космической жизни, и он сам рождает»³. Философ фиксирует вступление человека в новую эру — эру организации жизни, и этот процесс несет в себе как положительный, так и отрицательный заряд, превращая индивида в придаток машины, ее раба.

Рассмотрение общества как организма не только предполагает его понимание как части природного бытия, но и включает всю совокупность связей и отношений, сфер и функций, которые составляют его целостное единство. И в этом контексте И. А. Исаев обращает внимание на связь эстетического и правового: «Нередко сам народ и возникает-то в истории благодаря мысли и знанию таких людей, которые составляют его сердцевину. Народность есть усиленный и концентрированный дух нации, выражающий себя в высших символических личностях и произведениях народа. Именно здесь и происходит духовное постоянное возвращение к жизни исторического прошлого, но происходит оно не в сюжетах и учениях, а в силе и в образе мыслей»⁴.

Категория эстетического не имеет однозначного толкования, ее содержание менялось в зависимости от развития исторической реальности и общественных отношений. Достаточно распространенными являются представления об эстетическом как сфере исключительно эстетики, которая является разделом философского знания и представляет собой учение о прекрасном. Такое сужение содержания эстетического неправомерно, поскольку исключает его проявления в природе, деятельности человека и общественном сознании, одной из форм которого является эстетическое сознание.

¹ Чупова М. Д., Филиппова Т. П., Румянцева В. Г. Метафизика власти и закона И. А. Исаева. К юбилею ученого // Lex russica. 2020. Т. 73. № 6 (163). С. 14.

² Исаев И. А. Солидарность как политико-правовое состояние : монография. М. : Проспект, 2017. С. 37.

³ Бердяев Н. А. Человек и машина. Проблема социологии и метафизики техники (извлечение) // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2022. № 4 (92). С. 249.

⁴ Исаев И. А. Народ и суверен: одноразовое соглашение // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 4. С. 124–125.

На первый взгляд, связь эстетического с правом может показаться надуманной. Исходя из тезиса А. Ф. Лосева, что «эстетическое есть выражение той или иной предметности, данной как самодовлеющая созерцательная ценность и обработанной как сгусток общественно-исторических отношений»⁵, выделим те посылки, которые позволяют нам искать и находить эстетическое в праве. Право будем рассматривать как форму духовности и способ регуляции общественных отношений, наполняющий человеческое существование аксиологическим содержанием и смыслом, как средство организации социальной жизни. И. А. Исаев, исходя из органической теории права, пишет: «Итак, закон и искусство — детища природы, порожденные ею благодаря человеку, они должны выполнять свой долг — оберегать и уважать мать-природу»⁶.

Первая посылка. Эстетическое и правовое укоренены в человеческой деятельности, они присущи человеку, его жизни и сознанию. Как художник, так и правовед вторгаются в жизненные миры и повседневные ситуации, которые являются лишь приблизительной копией реальности.

Вторая посылка. Искусство и право суть способы познания социальной реальности. По Г. Гегелю, искусство есть звено самопознания духа, но и право есть способ самосознания, присущий определенной исторической эпохе.

Третья посылка. Высшая цель искусства — это всесторонне развитый социальный субъект, возвысившийся до осознания себя личностью в контексте своей самоценности и значимости. Но и право формирует самоценную личность, обладающую развитой правовой культурой и правовой ответственностью.

Четвертая посылка. Эстетическое освоение мира ориентировано на его целостное и всестороннее освоение и восприятие. Именно на эту целостность права указывает Р. Дворкин, которая в его интерпретации заключается в следующем:

- принятие законных прав человека;
- ограничение закона;
- обеспечение определенного равенства граждан;
- следование принципам права принципам морали;
- рецепция коллективного принуждения как политической добродетели;
- целостность права как средство и способ защиты от коррупции, пристрастности и обмана⁷.

Пятая посылка. Эстетическое отношение способствует просвещению человека, его приобщению к социальному опыту и историко-культурной памяти своей нации и всего человечества. И в этом смысле оно помогает индивиду освоить правовой опыт, проникнуться правовыми традициями, теми гуманистическими ценностями, которые в нем сокрыты.

Шестая посылка. Иррациональное характеризует как право, так и эстетическое. Как правило, иррациональное, которое лежит вне разумного постижения мира, способно наполнять его содержание в последующих исторических условиях. Иррациональное является низшим уровнем психической деятельности человека, оно способствует предельной идеализации изучаемого объекта в форме идеи. Как отмечает П. В. Копнин, «в идее предмет отражается в аспекте идеала, т.е. не только таким, как “он есть”, но и каким он “должен быть”. Идея направляет практическую деятельность, образуя идеальную форму будущей вещи или процесса»⁸. Иррациональное, содержащееся в любой идее, придает ей аксиологический смысл. Как ученый-правовед, так и художник обладают способностью распознать, расшифровать тот смысл, который

⁵ Лосев А. Ф. История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития : в 2 кн. М. : Искусство, 1992. Кн. 1. С. 311.

⁶ Исаев И. А. Алхимия власти : очерки по истории и мифологии права. М. : Проспект, 2025. С. 7.

⁷ Дворкин Р. Империя права / пер. с англ. С. Моисеева. М. : Издательство Института Гайдара, 2020. С. 242–293.

⁸ Философская энциклопедия / гл. ред. Ф. В. Константинов. М. : Сов. энциклопедия, 1962. Т. 2. С. 236.

имеет особую значимость для конкретной культуры. И в правовой, и в эстетической идее укореняется ее ценность для конкретно-исторического сообщества людей.

Итак, эстетическое имеет социальную природу, и, как отмечает Ю. Борев, «эстетические свойства в природе, в общественной жизни, в искусстве принципиально ничем не различаются. И в том, и в другом, и в третьем случаях эстетические свойства объективны, не зависят от прихоти воспринимающего, имеют общественную сущность, являются положительной ценностью и сферой свободы. Красота в общественной жизни — сфера политической и социальной свободы»⁹. И этой своей сущностью оно не только соприкасается с правовым, но и порождает его более глубокие смыслы, способствует его укоренению в правосознании и правовой культуре в целом, в правотворческой и правоприменительной деятельности.

Рассмотрим области права, в которых наиболее наглядно и выпукло присутствует эстетическое.

Во-первых, это сфера правового бытия, или онтологическая сторона правовой реальности. К ней относится прежде всего правовое сознание, которое формируется, с одной стороны, под влиянием эстетического, с другой стороны, художественное воплощение явлений правовой ментальности воспроизводится в произведениях художественной культуры. Леонид Андреев, Александр Радищев, Аполлон Майков, Александр Островский, Лев Толстой и многие другие имели полное или незаконченное высшее юридическое образование. Получил степень кандидата прав и А. С. Грибоедов. Во многих произведениях русских писателей мы находим художественное воплощение правовой реальности своего времени («Братья Карамазовы» Ф. М. Достоевского, «Воскресение» Л. Н. Толстого).

Особый интерес для реконструкции правового менталитета представляют фольклорные произведения средневекового периода. Так, в XVI в. происходит расцвет жанра исторической песни, в которой положительно оценивается стремление Ивана Грозного отстранить от государственного управления боярство. Другой жанр, отражающий правовые эмоции русских людей, — это баллады. Конечно, их главная тема любовная, но единению влюбленных препятствует их неравенство, сословные различия и предрассудки, а пафос свободы чувств переплетается с надеждой на свободу воли. Следует отметить также разбойничьи баллады, в которых трагизм ситуации сопровождается радостным ощущением удали и озорства. При этом неправовые действия разбойников не находят осуждения, наоборот, в них сквозит печаль в связи с тем тяжелым состоянием, в котором вынуждены пребывать «борцы за справедливость». Их действия оправдываются тем, что они выступают против социального гнета, разбойники вызывают скорее сочувствие, поскольку их жизнь полна страданий: они лишены отеческого крова, живут вне семьи, испытывают нужду, находятся в постоянном страхе быть разоблаченными.

Мессианиззм, поиск общественного идеала и устремление к воплощению в социальной жизни правды-справедливости — все эти интенции проявились в правовом менталитете россиянина уже в процессе генезиса российской государственности и воплотились в сказании о граде Китеже, легенде, волновавшей долгое время умы художников, литераторов и композиторов России. Поэтизация предания олицетворяет процесс становления русской национальной идентичности, когда страна находилась под игом татаро-монгольских орд. Именно праведность жителей Китежа помогла им переместиться в иное измерение после захвата града чужеземцами и избежать исчезновения. Благодаря своей экспрессивно-эмоциональной форме и глубине содержания эта легенда способствовала укреплению национального духа россиян.

Литература трагического времени в истории нашей страны, а именно татаро-монгольского ига, представляет особый интерес с точки зрения художественного воплощения правовых принципов и идей, поскольку отражает генезис самосознания русичей в борьбе за независимость на первых порах становления российской государственности. В это время чрезвычайно низко падает авторитет тех князей, которые вели братоубийственные войны, сотрудничали с врагом, подвергая свою

⁹ Борев Ю. Б. Эстетика : учебник. М. : Высш. шк., 2002. С. 54.

Родину опасности и разорению. В этом смысле особый интерес, пожалуй, представляют поучения владимирского епископа Серапиона, относящиеся к XIII в. В дошедших до нашего времени списках поучений мы видим умение автора логически осмыслить причины надвигающейся катастрофы. Уже в первом поучении, созданном примерно в 1230 г., т.е. еще до нашествия Батыя, напряженность политической ситуации воспринимается Серапионом как следствие внутренних противоречий и братоубийственных войн, которые князья вели между собой. Д. С. Лихачев отмечает, что это первое поучение изображается особенно мрачными красками, в то время как «четыре других поучения с удивительной образностью и художественной энергией и лаконизмом говорят о иге и нашествии: гнев божий застиг людей “аки дождь съ небеси”, пролитая кровь “аки вода многа землю напои”, но тем не менее он (Серапион — Н. М.) уверен, что, сохранив моральную чистоту и стойкость, не идя ни на какие сделки с совестью, “гнев божий престанеть <...> мы же в радости поживем в земли нашей”»¹⁰. Серапион обладал достаточно высоким для своего времени уровнем книжности, а его правовые взгляды отмечены мудростью и глубиной: он выступает против суеверий, против расправ с женщинами, которым приписывались колдовские качества, против испытания водой и самосуда.

Вторая проблема онтологического уровня связана со спецификой языка права. И. А. Исаев в книге «Мифологемы закона: право и литература» справедливо отмечает: «Закон живет повсюду в своих проявлениях. Кодексы написаны на том же языке, что и романы современников. Литераторы обращаются к правовым проблемам, чтобы развить сюжет своего произведения. Законодатель пользуется литературным языком, чтобы четче и полнее выразить правовую идею. Взаимопроникновение двух культурных сфер порождает неожиданные последствия. Лингвистическое или литературное толкование в юриспруденции фактически порождает новые нормативные составляющие: “закон рождается в процессе применения”. Литературный контекст не выпускает закон из-под своего незаметного и располагающего к себе влияния»¹¹.

Массовое правосознание россиянина не приемлет сухость и усложненность языка права, воспринимая это как попытку сокрыть правду и запутать правового субъекта с целью лоббировать узкогрупповые цели, следуя интересам определенных элит. Восстребованными оказываются те свойства русского языка, которые свидетельствуют о его красоте, богатстве, умении обозначить тончайшие нюансы словоупотребления. «Специалисты утверждают, что, например, в русском языке 80 % всех слов эмоционально окрашены, т.е. выражают определенные чувства по отношению к тому, о чем идет речь: восхищение, презрение, неодобрение, радость, уныние и т.д. В английском языке таких слов только 20 %»¹².

Для отечественного общественного сознания характерна нерасчлененность восприятия реальности, что сопровождается интуитивностью и чуткостью ко всем нюансам происходящего, поиском красоты в природе, жизни и внутреннем мире человека, что находит отражение и воплощение в языке права, для которого благозвучность, выразительность и гармония более убедительны в процессе рецепции правовых норм.

Во-вторых, гносеологический уровень. Красота помогает человеку приблизиться к идеалу, в котором принцип красоты играет важную эвристическую роль. Н. А. Бердяев отмечает, что красота позволяет постичь мир в целостности, она есть главная цель человека и мира.

Платон выделил онтологическую и гносеологическую проблематику, связанную с понятием красоты. На роль красоты в научном познании указывали многие ученые,

¹⁰ Лихачев Д. С. Литература трагического века в истории России // Памятники литературы Древней Руси: XIII век / вступ. ст. Д. С. Лихачева; общ. ред. Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачева. М.: Худож. лит., 1981. С. 23.

¹¹ Исаев И. А. Мифологемы закона: право и литература: монография. М.: Проспект, 2021. С. 3.

¹² Лекторский В. А. Эпистемология классическая и неклассическая. Изд. 3-е. М.: Эдиториал УРСС, 2009. С. 199.

обращая внимание на то, что она обладает мощным эвристическим потенциалом. Принцип красоты в юридическом научном знании воплощает инвариантность, согласованность, простоту, системность. При выборе наиболее адекватной теории из числа конкурирующих научно-исследовательских программ принцип красоты играет особую роль. В современной постнеклассической юридической науке человек рассматривается как эмоционально-волевое существо, преобразующее социум. В этом познавательном акте большую роль играет интуиция, основанная в том числе на художественно-образном мышлении и воображении. М. Полани в своей концепции личностного знания особо выделял «интеллектуальные чувства», которые приводят к значимым результатам как в науке, так и в искусстве. К ним он относил чувства красоты и убежденности, эвристическое чувство и интерес: вкупе с воображением они способствуют рождению новых научных идей.

Но красота является не только принципом познания правовой реальности, она позиционирует себя и как промежуточный критерий истины наряду с мировоззренчески-аксиологическим и логическим критериями.

Третий момент в понимании красоты в научном познании связан с отысканием адекватной формы в научном познании при изложении и структурировании материалов теоретического исследования. Стиль научного мышления предполагает не только связность, эмпиричность, логичность и доказательность, но и форму изложения, которая обладает необходимыми эстетическими качествами. Красивое в юридическом познании означает экономичность, умение свести сложное к простому без ущерба для содержания, избежать тавтологий и желания одну и ту же мысль повторить многократно, прибегая к разным стилистическим приемам, в том числе к метафоричности.

В-третьих, аксиологический уровень, который предполагает укорененность эстетических ценностей в праве. Например, понятие меры, в которой заложена способность человека к освоению социального мира, соразмерная служению человеку. История развития права демонстрирует стремление субъекта найти адекватную меру, лежащую в основе урегулирования общественных отношений. Неслучайно Гегель писал, что право есть мера свободы. Но одновременно человечество постоянно и неизбежно сталкивается с трагическим, поскольку в его истории мы не найдем ни одного примера последовательной реализации идей свободы, равенства и братства. Даже в самом демократичном обществе всегда есть преступность, самоубийства, трагизм человеческого бытия, а противоречия между человеком и обществом являются вечными и неотвратимыми (Э. Фромм).

На значимость ценности трагического обращает внимание И. А. Исаев в книге «Мифологемы закона: право и литература». Обращаясь в античной литературе и эстетике, ученый отмечает, что человек в этот исторический период еще не противопоставлен природе. Космоцентризм ранней древнегреческой философии еще не выделял человека из природы, не видел его как личность, персону, и если космос есть порядок, то и жизнь человека должна быть упорядочена законом. «Законам покорствуй» — гласит мудрость древнегреческих мыслителей. Средствами художественного воплощения древний грек приобщается к тем проявлениям правовой жизни, понятийный строй которых формируется в дальнейшем. Античные трагедии воспроизводят свои трактовки вины, кары, воздаяния, наказания, и всё это связывается с природными явлениями и катаклизмами. «Герой трагедии значим в своих поступках и чувствах лишь постольку, поскольку он воплощает и персонифицирует стихии космоса: у Еврипида Геракл, совершающий свои безумные поступки, выражает ни больше ни меньше как «срыв всей мировой законности и морального равновесия на земле»¹³. И. А. Исаев отмечает, что впервые понятия появились в творчестве Еврипида, когда он «номос» и «фюсис» трактовал как закон, обычай, т.е. как установление человека, а не природы.

Пифагорейцы отмечали, что красота существует в гармонии, а гармония есть единство многообразного, она возникает из противоречий и неравенства. Космос

¹³ Исаев И. А. Мифологемы закона: право и литература. С. 30.

есть порядок и «все небо есть гармония и число». Но порядок существует не только в природе, он присутствует и в социальной жизни, в попытке найти гармонию правовых норм и суждений. Порядок непосредственно соотносится с системой. Как пишет И. А. Исаев, «система — это синоним порядка, его воплощение»¹⁴. Анализируя понятие порядка в истории социально-гуманитарной мысли, ученый обращается к принципу механицизма первой научной революции, вдохновлявшему ученых и искусство. В Новое время основным критерием миропорядка становится целостность, что нашло отражение в доминанте метафизического способа познания реальности: «Для сохранения равновесия и баланса были необходимы взаимосвязанность и взаимозависимость порядка и беспорядка»¹⁵.

Эстетическое воплощение действительности предполагает не только обращение к положительным ценностям, таким как красота, возвышенное или прекрасное. Им противостоят эстетические антиценности ужасного, низменного и безобразного, которые отражают темные стороны человеческой личности, на искоренение проявления которых нацелено право. И. А. Исаев, обращаясь к книге М. Г. Каччари «Геофилософия Европы», пишет: «Конституция, понимаемая как наивысший результат политического искусства, совсем не собиралась поддерживать здоровье того, что и так достаточно здорово, она позволяет лечить, заботиться там, где здоровье потеряно: следовательно, она неизбежно предполагает наличие порока и конфликта»¹⁶.

Эстетическое и правовое не исчезают бесследно даже в том случае, когда меняются правовые нормы. Они практически одновременно формируют некие архетипы, которые фиксируются в общественном сознании, переплетаясь и рождая новые образы социального мира. И. А. Исаев относит их к сфере стойких привычек, отмечая, что «многолетнее применение правовых норм и правовых представлений оставляет в массовом сознании в виде осадка более или менее актуализированную идею права»¹⁷. Эстетические образы, в свою очередь, будучи рефлексией социального бытия, частью которого является и правовая реальность, укореняются особым способом в сознании человека своей эпохи, придавая всей рефлексии в целостности комплексный характер, стимулируя определенные переживания и эмотивные реакции, психическое освоение которых способствует предвосхищению грядущих изменений и фундирует диалектическое освоение социальной действительности и углубление тех новых значений, которые в ней просыпаются. Цитируя строчку из поэмы Гете «Фауст» — «Правитель тот, кто нам покой дарует», И. А. Исаев подчеркивает неизменную мудрость художественного творения, утверждая, что «это и есть та навсегда осознанная базовая норма, на которой основывается действие всего позитивного права»¹⁸. Нельзя преуменьшить значение основной нормы в конкретном позитивном праве, на что справедливо указывал Г. Кельзен, она придает ему искомую системную форму и способствует устойчивости правового порядка.

Необходимость идеи базовой нормы была осмыслена задолго до ее теоретической рецепции и оформления. Анализируя революционные события Нового времени и их правовые последствия, связанные с рождением конституционализма, И. А. Исаев пишет: «Идея писаной конституции, рожденная в недрах тайных обществ и сект, свидетельствовала о безграничной вере их адептов в силу человеческого разума и сознания. Поэтому предпочтение должно было отдаваться основным и стабильным принципам верховного закона, а не меняющимся искушениям момента, и поскольку конституция возбуждает благороднейшие и глубочайшие эмоции человека, она и будет обращена к той его части, благодаря которой он только и является человеком»¹⁹.

¹⁴ Исаев И. А., Корнев А. В., Липень С. В. Иерархия и сети: власть и закон. М. : Проспект, 2022. С. 18.

¹⁵ Исаев И. А., Корнев А. В., Липень С. В. Указ. соч. С. 26.

¹⁶ Исаев И. А. Основная норма («скрижали революционного закона») // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 8. С. 23.

¹⁷ Исаев И. А. Основная норма... С. 23–24.

¹⁸ Исаев И. А. Основная норма... С. 25.

¹⁹ Исаев И. А. Основная норма... С. 27.

В этой фразе подчеркивается не только роль конституции как документа, стабилизирующего и упорядочивающего быстро меняющуюся реальность бурного времени эпохи революций, но и ее эстетическое воздействие на аффективно-эмоциональную сферу человеческого сознания, которая является одним из его составных частей наряду с предметным сознанием и самосознанием.

Связь эстетического и правового не исчерпывается указанными выше примерами, она существует и на других уровнях в соответствии с иными коннотациями, например антропологическими и праксеологическими. Цель эстетического заключается в развитии активной, творчески и духовно развитой личности, обладающей сформированными ценностными ориентациями. И в этом его тесная связь с правом, освященная идеями гуманизма и разумной упорядоченности мира.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бердяев Н. А. Человек и машина. Проблема социологии и метафизики техники (извлечение) // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2022. — № 4 (92). — С. 246–256.
2. Боров Ю. Б. Эстетика : учебник. — М. : Высш. шк., 2002. — 511 с.
3. Дворкин Р. Империя права / пер. с англ. С. Моисеева. — М. : Издательство Института Гайдара, 2020. — 592 с.
4. Исаев И. А. Алхимия власти : очерки по истории и мифологии права. — М. : Проспект, 2025. — 144 с.
5. Исаев И. А. Мифологемы закона: право и литература : монография. — М. : Проспект, 2021. — 304 с.
6. Исаев И. А. Народ и суверен: одноразовое соглашение // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2023. — № 4. — С. 122–130.
7. Исаев И. А. Основная норма («скрижали революционного закона») // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2018. — № 8. — С. 20–33.
8. Исаев И. А. Солидарность как политико-правовое состояние : монография. — М. : Проспект, 2017. — 176 с.
9. Исаев И. А., Корнев А. В., Липень С. В. Иерархия и сети: власть и закон. — М. : Проспект, 2022. — 200 с.
10. Лекторский В. А. Эпистемология классическая и неклассическая. — Изд. 3-е. — М. : Эдиториал УРСС, 2009. — 256 с.
11. Лихачев Д. С. Литература трагического века в истории России // Памятники литературы Древней Руси: XIII век / вступ. ст. Д. С. Лихачева ; общ. ред. Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачева. — М. : Худож. лит., 1981. — С. 5–27.
12. Лосев А. Ф. История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития : в 2 кн. Кн. 1. — М. : Искусство, 1992. — 656 с.
13. Чупова М. Д., Филиппова Т. П., Румянцева В. Г. Метафизика власти и закона И. А. Исаева. К юбилею ученого // Lex russica. — 2020. — Т. 73. — № 6 (163). — С. 9–17.

REFERENCES

1. Berdyayev NA. Man and Machine. The Problem of Sociology and the Metaphysics of Technology (excerpt). *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2022;4(92):246-256. (In Russ.).
2. Borev YuB. Aesthetics: Textbook. Moscow: Vysshaya Shkola Publ.; 2002. (In Russ.).
3. Dvorkin R. Empire of Law. Trans. from English by S. Moiseeva. Moscow: Gaidar Institute Publ.; 2020.
4. Isaev IA. Alchemy of Power: Essays on the History and Mythology of Law. Moscow: Prospekt Publ.; 2025. (In Russ.).
5. Isaev IA. Mythologemes of Law: Law and Literature. Moscow: Prospekt Publ.; 2021. (In Russ.).

6. Isaev IA. The People and the Sovereign: A One-Time Agreement. *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2023;4:122-130. (In Russ.).
7. Isaev IA. The Basic Norm («Tablets of the Revolutionary Law»). *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2018;8:20-33. (In Russ.).
8. Isaev IA. Solidarity as a Political-Legal Condition. Moscow: Prospekt Publ.; 2017. (In Russ.).
9. Isaev IA, Kornev AV, Lipen SV. Hierarchy and Networks: Power and Law. Moscow: Prospekt Publ.; 2022. (In Russ.).
10. Lektorsky VA. Classical and Nonclassical Epistemology. 3rd ed. Moscow: Editorial URSS Publ.; 2009. (In Russ.).
11. Likhachev DS. Literature of the Tragic Century in the History of Russia. In: Monuments of Ancient Russian Literature: 13th Century. Introductory article by D. S. Likhachev. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura Publ.; 1981. (In Russ.).
12. Losev AF. History of Ancient Aesthetics. Results of a Millennial Development. In 2 vols. Vol. 1. Moscow: Iskusstvo Publ.; 1992. (In Russ.).
13. Chupova MD, Filippova TP, Rumyantseva VG. The Metaphysics of Power and Law of I. A. Isaev. On the Occasion of the Scholar's Anniversary. *Lex russica*. 2020;73(6(163)):9-17. (In Russ.).

DOI: 10.17803/2542-2472.2025.36.4.026-033

СПРАВЕДЛИВОСТЬ БОЖЕСТВЕННАЯ И ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ: ОРДАЛИИ В СРЕДНЕВЕКОВОМ ЕВРОПЕЙСКОМ СУДЕБНОМ ПРОЦЕССЕ

РАКУРС

Калинина Елена Юрьевна,

профессор кафедры теории права и гражданско-правового образования
юридического факультета Российского государственного педагогического
университета имени А.И. Герцена, доктор юридических наук, доцент
191186, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48
bellaflor@mail.ru

© Калинина Е. Ю., 2025

***Аннотация.** Ордалии представляют собой обычную практику доказывания в судебном процессе. Их природа и правовое содержание обычно определяется как иррациональное, а разумность и применимость отвергаются. Целью настоящего исследования является выявление их рациональной составляющей в контексте эпохи, что позволяет совершить более глубокое погружение и предложить новые перспективы исследования. Выявлено, что применение ордалий основано на обстоятельствах, которые могут быть рационально обоснованными. Показано, что ордалии могут быть определены как средства доказывания, отличные от свидетельских показаний и документальных свидетельств. Они практиковались в Европе в IV–XIII вв., представляли собой обычную судебную процедуру, подкрепляемую в ряде случаев нормативной базой, и применялись, когда не было других способов доказывания. Церковь в основном относилась к ним с недоверием и с XIII в. начала напрямую запрещать, что привело к постепенному их отмиранию. Этот процесс совпал с окончанием институционализации государства и права современного типа, центром которых является суверенная публичная власть.*

Ключевые слова: ордалии; судебные испытания; обычное право; Средние века; Европа; справедливость; иррациональность; правосознание; правовая культура.

DIVINE AND HUMAN JUSTICE: TRIALS BY ORDEAL IN MEDIEVAL EUROPEAN COURTS

Elena Yu. Kalinina,

Dr. Sci. (Law), Associate Professor; Professor, Department of Theory of Law and Civil Law Education, Law Faculty, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russian Federation
bellaflor@mail.ru

Abstract. *Ordeals were a common means of proof in medieval litigation. Their nature and legal content are often characterized as irrational, and their rationality and applicability are commonly rejected. This study aims to identify the rational component of ordeals in the context of their era, offering deeper insight and new research perspectives. It reveals that the use of ordeals was based on circumstances that could be rationally justified and that ordeals can be understood as a form of evidence distinct from testimony and documentary proof. Practiced in Europe from the 4th to the 13th centuries, they were a widespread judicial procedure, sometimes supported by regulatory frameworks, and were used when no other methods of proof were available. The Church generally regarded them with distrust and, beginning in the 13th century, began to ban them outright, leading to their gradual demise. This development coincided with the emergence of modern state and legal institutions centered on sovereign public power.*

Keywords: *ordeals; judicial ordeals; customary law; middle ages; europe; justice; irrationality; legal consciousness; legal culture.*

И. А. Исаев ввел в российскую историко-правовую науку концепцию иррациональности и разработал методологический базис исследований¹, что позволило изучать историко-правовые процедуры, не укладывающиеся в современную картину мира. Ордалия — факт правосознания, обусловленный картиной мира. Убеждения наших предшественников, какими бы ни были их «заблуждения» (по нашим научным и юридическим стандартам), не являются безответственными и недобросовестными². Как заметил И. А. Исаев, «скрытая мудрость содержится преимущественно в предрассудке, который обладает движущей силой, а не в пассивной теоретической рассудительности»³. Ордалии нельзя считать «юридической аномалией», тупиковой формой эволюции судебного процесса. Они соответствовали обществу и времени; являлись воплощением права и справедливости, существовавшими в то время; считались допустимыми в соответствии с действующим правовым режимом.

В средневековой Европе эффективность судебных разбирательств с помощью ордалий неоднократно ставилась под сомнение как действительность «божественного вмешательства». Король Теодорих (VI в.) допустил проведение судебных поединков между остготами, поскольку это была традиция, но они именовались «порочным обычаем» (*consuetudinem reguersam*), а подданным рекомендовалось разрешать дела в рамках судебных процедур⁴. Григорий Турский в труде «История франков» (VI в.)

¹ Исаев И. А. Символизм правовой формы (историческая перспектива) // Правоведение. 2002. № 6 (245). С. 4–10.

² Maddox T. M. The Lawyer, the Witch, and the Witness: Proving Witchcraft in the English Courts // Yale Journal of Law & the Humanities. 2024. Vol. 35:4. P. 666–709.

³ Исаев И. А. Основная норма («скрижали революционного закона») // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 8. С. 21.

⁴ Moreno Resano E. Observaciones acerca del uso de las ordalías durante la Antigüedad Tardía (siglos IV–VII d. C.) // Cuadernos de Historia del Derecho. 2014. № 21. P. 180.

сообщает, что бывали случаи, когда власти оспаривали свидетельства, полученные в результате испытаний⁵.

Король Гунтрам не был удовлетворен исходом поединка между лесничим, указавшим на его постельничего как виновного в убийстве королевского буйвола, и выставленным вместо того на бой племянником. Согласно Салической правде, закон строго наказывал виновных в убийстве принадлежащей кому-то дичи⁶ (особенно королевской), но доказать было невозможно правоту ни одного, ни другого. Поединок закончился гибелью обоих бойцов. Вероятно, подобные случаи могли вызвать затруднения у судебной власти. Данная ситуация разрешилась спонтанно: обвиненный решил бежать и скрыться в церкви (право убежища), но король приказал поймать его и казнить (незвизрая на результат поединка). Еще один пример, будучи литературным, отражает, как образованная публика могла относиться к подобным процедурам. Готфрид Страсбургский, поэт конца XII — начала XIII в., в своей версии легенды о Тристане и Изольде описывает, как королева, явно виновная, дала клятву, в которой, жонглируя словами, придала другой смысл сообщению о факте измены, а затем прошла испытание железом. «Так стало очевидно и было доказано миру, что Иисус Христос всемогущий податлив, как плащ на ветру. Он умеет приспособливаться, если кто-то правильно его попросит, ведет себя так снисходительно и доброжелательно, как и подобает по справедливости. <...> Это было ясно в случае с королевой. Она была спасена обманом и ложной клятвой, которую она дала перед Богом, чтобы Он восстановил ее честь»⁷.

Другую сторону понимания этой практики демонстрирует пассаж из Хроники Жана Фруассара (XIV в.), посвященный судебному поединку из-за чести женщины (обвинение в изнасиловании, основанное только на словах пострадавшей)⁸: герои были готовы подвергнуться испытанию, полагая, что в случае даже непреднамеренной лжи они не смогут его пройти. Правовое обоснование этому факту обнаруживается в гл. XLV Бургундской правды, где еще в V–VI вв. законодатель записал, что «...если сторона, которой принесена присяга, не желает принять клятву, но заявляет, что ее противник может убедить в верности истине с помощью оружия, а другая сторона не сдается, пусть ему не будет отказано в разрешении сражаться. Таким образом, пусть один из тех же свидетелей, которые были бы вызваны для принесения присяги, предстанет перед судом Божьим. Ибо справедливо, что не колеблясь вступит в бой тот, кто без колебаний заявляет, что знает правду о деле...»⁹.

Хроники Фредегара (VII в.) повествуют о том, как королева Гундоберга была обвинена неким Адалульфом перед лицом ее мужа, короля Ариоальда, в том, что она в сговоре с герцогом Тассоном хотела отравить его и занять престол. Для доказательства невиновности королевы было предложено провести поединок между обвинителем и представителем оклеветанной женщины (хронист утверждает, что до этого она отвергла назойливые ухаживания обвинителя): «По Божьему рассуждению, когда они сразятся, станет ясно, виновна ли королева Гундоберга»¹⁰. Похожая ситуация сложилась в XI в.: королева Кунигунда Люксембургская, императрица Священной Римской империи, супруга императора Генриха II, была оклеветана и обвинена в супружеской измене. Она предпочла лично очистить свое имя посредством участия в испытании каленым железом.

⁵ Григорий Турский. История франков. Кн. 10. М. : Наука, 1987. С. 292.

⁶ Салическая правда. XXXIII. Прибав. 1, 2 / пер. проф. Н. П. Грацианского. М. : Московский государственный педагогический институт имени В.И. Ленина, 1950. С. 35.

⁷ *Gracia Alonso P.* El arco de los leales amadores A propósito de algunas ordalías literarias // *Revista de Literatura Medieval.* 1991. № 3. P. 100.

⁸ Фруассар Ж. Хроники. 1340–1350 / пер. и примеч. М. В. Аникиева. СПб. : Издательство РХГА; Ювента, 2012. С. 659–663.

⁹ *Moreno Resano E.* Op. cit. P. 179–180.

¹⁰ Хроники Фредегара / пер. с лат., комм., вступ. ст. Г. А. Шмидта. СПб. : Евразия; М. : ИД Клио, 2015. С. 213–214.

Стоит отметить законодательную деятельность лангобардского короля Лиутпранда (VIII в.), который был религиозным человеком: он преследовал язычество, магию и оккультизм, а основной функцией государства провозглашалось «выполнение божественной воли»¹¹. Он в 731 г. придал ордалиям юридическую силу в соответствии с их обычным характером, но с оговорками, основываясь на том, что результаты многих поединков привели к распространению *causas sine iustitia* — неюрисдикционному рассмотрению дел¹².

Судя по источникам и по многовековому существованию этой практики, люди были уверены в том, что смогут пройти эту процедуру и, очевидно, проходили. В частности, М. Ф. Владимирский-Буданов констатирует, что законодатель предполагает вероятность благополучного прохождения испытания, ведь если бы это было не так, то ордалии не смогли бы сохраняться так долго¹³. Обращение к высшим силам в судебном процессе в поиске справедливости в несправедливом мире сохранялось еще многие столетия¹⁴. Общий контекст общественных отношений обуславливал мифологическую картину мира, которая опиралась на повседневную рациональность. Это допускало вероятность получения информации от трансцендентных источников, особенно если не хватало иных средств доказывания и существовала опасность того, что дело не подлежит разрешению. Религиозная доктрина учила доверию по отношению к вмешательству высших сил в социальные практики. Но и оставалось пространство для рациональных сомнений.

Источниковая база изучения ордалий ограничена и противоречива, к ней относятся правовые акты, исходящие от публичной власти, и неправовые акты, содержащие упоминания о праве, «ряд памятников, занимающих промежуточное положение между нормативными и литургическими текстами»¹⁵: хроники, жития, фольклор, литературные тексты, эпические песни жеста, саги и т.п. В неправовых источниках описание ордалий превращается со временем в стереотипизированное повествование — о реальных фактах судить по ним невозможно. Трудности добавляет их иррациональность. В средневековой литературе нет более любопытного испытания, чем описанное в Первой общей хронике Кастилии (XIII в.)¹⁶. После подробного рассказа об историческом поединке, который должен был решить, заменит ли римский литургический обряд мосарабский, сообщается, что король Альфонсо VI не был удовлетворен результатом и настоял, чтобы состоялось второе испытание — огнем. Был разведен большой костер, и после того, как все присутствующие провели день в молитве и посте, в огонь были брошены кодексы каждого из обрядов: в то время как копия римского жаловалась и пыталась вырваться из пламени, пока не выпрыгнула из него, мосарабская копия осталась в огне без каких-либо повреждений¹⁷.

Определяющими признаками ордалий являются обычное происхождение, отсутствие всеобщего признания, принципиально вспомогательный характер и ограничение сферы их применения в зависимости от институциональных связей сторон и их этнической принадлежности¹⁸. Интерпретации ордалий учеными Нового времени показывают, что суд, который оставлял решение на милость воли Бога, как бы

¹¹ Цытин В., протоиерей. История Европы: дохристианской и христианской : в 16 т. Т. 7 : Новый Рим — центр вселенной. М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2011.

¹² Moreno Resano E. Op. cit. P. 171.

¹³ Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. М. : Территория будущего, 2005. С. 722.

¹⁴ Torquemada Sánchez M. J. El divino defensor ordañas y mujeres en los fueros medievales castellanos // Historia de la abogacía española. 2015. Vol. 1. P. 364.

¹⁵ Золотарев А. Ю. Ордалии в англо-нормандское время // Известия Саратовского университета. Серия «История. Международные отношения». 2018. № 3. С. 314.

¹⁶ Primera Crónica General. Estoria de España. Que mandó componer Alfonso El Sabio y se continuaba bajo Sancho IV en 1289. Madrid : Agencia Estatal Boletín Oficial Del Estado, 2022. P. 543.

¹⁷ Gracia Alonso P. Op. cit. P. 100.

¹⁸ Moreno Resano E. Op. cit. P. 169.

устранялся от принятия решения, перекладывая ответственность на высшие силы. Это свидетельствовало о слабости власти, о том, что она еще не приобрела признаки публичности. Переход к формальным доказательствам знаменовал трансформацию права из обычая и прецедента как основополагающих источников в норму права. Р. ван Канегем, связывая использование ордалий с примитивной стадией развития права, считал, что глубокие изменения в социальной структуре и менталитете вызвали мощный поток модернизации, который положил конец примитивному правовому развитию¹⁹.

С VI в. происходит закрепление в правовых актах возможности использования в судебном процессе ордалии в качестве инструмента доказывания (Салическая правда, Бургундские законы, Вестготская правда, испанские фуэро, например Фуэро Куэнки, Русская Правда и т.п.), появляются акты, закрепляющие процедурные аспекты. До VII в. понятие суда божьего используется нечасто: например, в Бургундском законе (VI в.) есть упоминание о вмешательстве высших сил в юрисдикционный процесс (*Deo iudicante*). С VII в. этот вид судебного испытания упоминается как *Dei iudicium* (суд божий). В 198 ст. Эдикта короля Ротари (лангобарды, VII в.) говорится о поединке в случае оскорбления девушки или свободной женщины («назовет ее потаскухой или ведьмой») и отсутствия доказательств. «Однако же если упорствовал [в своем] и сказал, что он может доказать [свое обвинение], решается тогда само дело через *samphionem*, то есть посредством поединка, божьим приговором (*ad Dei iudicium*)»²⁰. В Салической правде существуют отсылки как к божьему суду, так и к божьей помощи франкам. В средневековой Европе не было безоговорочной веры по отношению к результатам подобных процедур. Уже к X в. среди священнослужителей начинает складываться устойчиво негативное отношение, возникает вопрос, не идет ли речь о завуалированных магических дохристианских практиках.

Острая дискуссия развернулась между такими церковными деятелями, как Гинкмар Реймский и Агобард Лионский (IX в.)²¹. Гинкмар был одним из немногих священнослужителей эпохи, которые выступали за применение ордалии и обосновывали его значение для христианской правовой практики. Его оппонентом был Агобард Лионский. В это время среди судебных процессов, в которых использовалась ордалии, выделялось дело о разводе короля Лотаря II и его жены Теутберги. У короля до брака было незаконное сожительство с некоей Вальдрадой. Некоторые исследователи считают, что между ними был заключен тайный брак, который в дальнейшем король пытался легализовать. Но по политическим причинам он вступил в супружество с Теутбергой. Поскольку детей у них не было, в скором времени Лотарь вернулся к отношениям с Вальдрадой, с которой имел сына Гуго. Он обратился к близким ему епископам с просьбой о разводе. Те сослались на то, что королева в исповеди якобы призналась в кровосмесительной неверности с собственным братом. Епископы организовали испытание кипятком. Королева его прошла (вместо нее выступил близкий ей дворянин), но гонения продолжались: епископы утверждали, что либо она солгала на исповеди, либо обманула Бога в процессе испытания. Склонялись они ко второму варианту, что оправдывало последующее одобрение ими развода, который не был принят папой и привел к их низложению.

На основании этой дискуссии выявлены аргументы за и против ордалий. Среди аргументов в пользу ордалий:

¹⁹ White S. D. La Traición En La Ficción Literaria. Derecho, Hecho y Ordalías En La Narrativa y La Épica En Francés Antiguo // *Hispania*. 2019. Vol. 57. No. 197. P. 963.

²⁰ Эдикт короля Ротари // *Законы лангобардов. Обычное право древнегерманского племени. (К раннему этногенезу итальянцев)* / Российская академия наук. М. : Наука, 1992. С. 39.

²¹ При изложении их позиций мы обращаемся к А. Ларсону: Larson A. *Playing with Fire: The Medieval Judicial Ordeals and their Downfall* // *Swarthmore Undergraduate History Journal*. 2021. Vol. 2. Iss. 2. P. 53–78.

— возможные истоки в Ветхом завете²². Потоп — прототип испытания водой, а Содом и Гоморра — огнем. Если Бог применяет такие испытания, то люди обязаны применять эту модель, поскольку система судопроизводства — интерпретация божественного закона;

— обман мог состояться на исповеди, поскольку на испытании (непосредственном общении с Богом) это невозможно. Тогда к испытанию стоило привлечь священнослужителя, который раскрыл тайну исповеди. Его также можно осудить за то, что он, зная тайну, открытую на исповеди, не остановил испытание, позволив королеве лжесвидетельствовать.

Среди аргументов против:

— если обвиняемый признан виновным или один из участников погибал во время прохождения испытания, служители Церкви замешаны в этом. Люди не могут наказывать грешников, поскольку только Бог может знать истинную меру греха и полагающееся наказание. Нередко акты Церкви называют победившего убийцей, как, например, в «Послании митрополита Фотия в Новгород о соблюдении законоположений церковных» 1410 г.²³;

— со стороны судей самонадеянно утверждать, что они однозначно и верно интерпретировали Его волю;

— вода и огонь как очищающие субстанции характерны для языческого мышления. Сама процедура ордалий — способ «допрашивать» или «искушать» Бога — вызывает сомнения.

Можно определить ордалии как процедуру, применяемую в отдельных случаях для разрешения спора вне рамок обычных средств доказывания. Она могла предоставить доказательства, если не было свидетельских показаний или документальных свидетельств, разрешить спор, который не мог быть разрешен в судебном порядке. В 1215 г. на IV Латеранском соборе принимается ряд решений, которые касаются и этого инструмента правосудия, и в течение нескольких столетий практика начинает затухать. Эти практики для Средневековья не более иррациональны, чем для современности суд присяжных²⁴. По сравнению с позднеримской системой правосудия, они обладали прозрачностью и простотой толкования. Римляне и германцы могли предпочесть опасную, но предсказуемую систему судебных испытаний, а потому нередко просили разрешить дело, например, путем поединка, прежде чем сталкиваться с длительными и дорогостоящими процессами с неопределенным результатом. Трудно провести границу между рациональной и иррациональной составляющей этих практик: «В жизни нет четких границ между рационально мотивированной ориентацией на порядок и верой в его легитимность»²⁵. Их применение обуславливалось обстоятельствами, поддающимися изучению. Пока не сложилось право как «защищенный государством интерес» и в качестве защиты не «выступают виды принудительного осуществления права: судебный иск, исполнительное производство по судебному приговору, наказание»²⁶, — обычай в том виде, как он понимается обществом, будет доминировать среди инструментов защиты прав. Право — отражение ментальности общества. То, что мы считаем иррациональностью, — результат нашего неполного понимания, неполного погружения в историко-правовой процесс, попытка применить рассудочные схемы, созданные в контексте современности.

Испытания были проявлением мужества со стороны того, кто решился их пройти, чтобы очистить свое имя, доказать правоту в мире, где право и государство еще

²² Hierrezuelo Conde G. El problema del germanismo en el Derecho español // Revista de estudios histórico-jurídicos. 2014. № 22. P. 569.

²³ См.: Оспенников Ю. В. Божий суд в древнерусском праве // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2010. № 1. С. 128.

²⁴ Larson A. Op. cit. P. 52.

²⁵ Исаев И. А. Симулякры: виртуальная реальность закона // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 5. С. 32.

²⁶ Румянцева В. Г. «Власть должна быть ограничена правом во имя справедливости» // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 6. С. 209.

не институционализированы. Ордалии предполагали опасность гибели или получения увечий, но были отражением социальной жизни. Кризис политико-правовых ценностей, последовавший за исчезновением Римской империи с жестким укладом жизни, сформированным правом и государственным управлением, требовал создания новых норм и институтов, регулирующих применение силы, легализующих монополию на принуждение со стороны публичной власти.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. — М. : Территория будущего, 2005. — 800 с.
2. *Григорий Турский.* История франков. — М. : Наука, 1987. — 464 с.
3. *Золотарев А. Ю.* Ордалии в англо-нормандское время // Известия Саратовского университета. Серия «История. Международные отношения». — 2018. — № 3. — С. 314–318.
4. *Исаев И. А.* Основная норма («скрижали революционного закона») // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2018. — № 8. — С. 20–33.
5. *Исаев И. А.* Символизм правовой формы (историческая перспектива) // Правоведение. — 2002. — № 6 (245). — С. 4–10.
6. *Исаев И. А.* Симулякры: виртуальная реальность закона // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2021. — № 5. — С. 30–40.
7. *Оспенников Ю. В.* Божий суд в древнерусском праве // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. — 2010. — № 1. — С. 127–131.
8. *Румянцева В. Г.* «Власть должна быть ограничена правом во имя справедливости» // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2021. — № 6. — С. 207–209.
9. Салическая правда / пер. проф. Н. П. Грацианского. — М. : Московский государственный педагогический институт имени В.И. Ленина, 1950. — 168 с.
10. *Фруассар Ж.* Хроники. 1340–1350 / пер. и примеч. М. В. Аникиева. — СПб. : Издательство РХГА ; Ювента, 2012. — 856 с.
11. Хроники Фредегара / пер. с лат., комм., вступ. ст. Г. А. Шмидта. — СПб. : Евразия; М. : ИД Клио, 2015. — 464 с.
12. *Цыпин В., протоиерей.* История Европы: дохристианской и христианской : в 16 т. Т. 7 : Новый Рим — центр вселенной. — М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2011. — 776 с.
13. Эдикт короля Ротари // Законы лангобардов. Обычное право древнегерманского племени. (К раннему этногенезу итальянцев) / Российская академия наук. — М. : Наука, 1992. — 283 с.
14. *Gracia Alonso P.* El arco de los leales amadores A propósito de algunas ordalías literarias // Revista de Literatura Medieval. — 1991. — № 3. — P. 95–116.
15. *Hierrezuelo Conde G.* El problema del germanismo en el Derecho español // Revista de estudios histórico-jurídicos. — 2014. — № 22. — P. 567–569.
16. *Larson A.* Playing with Fire: The Medieval Judicial Ordeals and their Downfall // Swarthmore Undergraduate History Journal. — 2021. — Vol. 2. — Iss. 2. — P. 53–78.
17. *Maddox T. M.* The Lawyer, the Witch, and the Witness: Proving Witchcraft in the English Courts // Yale Journal of Law & the Humanities. — 2024. — Vol. 35:4. — P. 666–709.
18. *Moreno Resano E.* Observaciones acerca del uso de las ordalías durante la Antigüedad Tardía (siglos IV–VII d. C.) // Cuadernos de Historia del Derecho. — 2014. — № 21. — P. 167–188.
19. Primera Crónica General. Estoria de España. Que mandó componer Alfonso El Sabio y se continuaba bajo Sancho IV en 1289 / Edición de Ramón Menéndez Pidal, 1906. — Madrid : Agencia Estatal Boletín Oficial Del Estado, 2022. — 794 p.
20. *Torquemada Sánchez M. J.* El divino defensor ordalías y mujeres en los fueros medievales castellanos // Historia de la abogacía española. — 2015. — Vol. 1. — P. 329–369.
21. *White S. D.* La Traición En La Ficción Literaria. Derecho, Hecho y Ordalías En La Narrativa y La Épica En Francés Antiguo // Hispania. — 2019. — Vol. 57. — № 197. — P. 957–980.

REFERENCES

1. Vladimirskii-Budanov MF. A Survey of the History of Russian Law. Moscow: Territoriya Budushchego Publ.; 2005. (In Russ.).
2. Gregoriy Turskiy. History of the Franks. Moscow: Nauka Publ.; 1987. (In Russ.).
3. Zolotarev AYu. Ordeals in Anglo-Norman Times. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*. 2018;3:314-318. (In Russ.).
4. Isaev IA. The Basic Norma («Tablets of the Revolutionary Law»). *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2018;8:20-33. (In Russ.).
5. Isaev IA. Symbolism of Legal Form (Historical Perspective). *Pravovedenie*. 2002;6(245):4-10.
6. Isaev IA. Simulacra: The Virtual Reality of Law. *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2021;5:30-40. (In Russ.).
7. Ospennikov YuV. God's Judgment in Old Russian Law. *Vector of Science, Togliatti State University*. 2010;1:127-131. (In Russ.).
8. Rumyantseva VG. Power Must Be Limited by Law in the Name of Justice. *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2021;6:207-209. (In Russ.).
9. Salic Law. Trans. by Prof. N. P. Gratziansky. Moscow: Lenin Moscow State Pedagogical Institute Publ.; 1950. (In Russ.).
10. Froissart J. Chronicles. 1340–1350. Trans. and notes by M. V. Anikieva. St. Petersburg: RKhGA Publ.; Yuventa Publ.; 2012. (In Russ.).
11. The Chronicle of Fredegar. Trans. from Latin, commentary and intro by G. A. Schmidt. St. Petersburg: Evraziya Publ.; Moscow: ID Klio Publ.; 2015. (In Russ.).
12. Tsylin V, Archpriest. History of Europe: Pre-Christian and Christian. In 16 vols. Vol. 7: New Rome — the Center of the Universe. Moscow: Sretensky Monastery Publ.; 2011. (In Russ.).
13. Edict of King Rotari. In: The Laws of the Lombards. Customary Law of an Ancient Germanic Tribe (On the Early Ethnogenesis of the Italians). Russian Academy of Sciences. Moscow: Nauka Publ.; 1992. (In Russ.).
14. Gracia Alonso P. El arco de los leales amadores A propósito de algunas ordalías literarias. *Revista de Literatura Medieval*. 1991;3:95-116.
15. Hierrezuelo Conde G. El problema del germanismo en el Derecho español. *Revista de estudios histórico-jurídicos*. 2014;2:567-569.
16. Larson A. Playing with Fire: The Medieval Judicial Ordeals and their Downfall. *Swarthmore Undergraduate History Journal*. 2021;2(2):53-78.
17. Maddox TM. The Lawyer, the Witch, and the Witness: Proving Witchcraft in the English Courts. *Yale Journal of Law & the Humanities*. 2024;35(4):666-709.
18. Moreno Resano E. Observaciones acerca del uso de las ordalías durante la Antigüedad Tardía (siglos IV–VII d. C.). *Cuadernos de Historia del Derecho*. 2014;21:167-188.
19. Primera Crónica General. Estoria de España. Que mandó componer Alfonso El Sabio y se continuaba bajo Sancho IV en 1289. In: Edición de Ramón Menéndez Pidal; 1906. Madrid: Agencia Estatal Boletín Oficial Del Estado; 2022.
20. Torquemada Sánchez MJ. El divino defensor ordalías y mujeres en los fueros medievales castellanos. *Historia de la abogacía española*. 2015;1:329-369.
21. White SD. La Traición En La Ficción Literaria. Derecho, Hecho y Ordalías En La Narrativa y La Épica En Francés Antiguo. *Hispania*. 2019;57(197):957-980.

DOI: 10.17803/2542-2472.2025.36.4.034-040

КОНСЕРВАТИВНЫЕ ПРОЕКТЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ПРАВОВОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ: ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ДОКТРИНАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ

РАКУРС

Кузубова Ангелина Юрьевна,
профессор кафедры философии, экономики и социально-гуманитарных
дисциплин Воронежского государственного педагогического университета,
доктор юридических наук, доцент
394043, Россия, г. Воронеж, ул. Ленина, д. 86
angelinakuzubova@mail.ru

© Кузубова А. Ю., 2025

Аннотация. В статье представлена авторская трактовка феномена справедливости в контексте его интерпретации отечественной консервативной юридической доктриной периода XIX — начала XX в. Актуальность историко-правовых исследований, обращенных к познанию ценностно-сущностных оснований права, заключена в том, что они способны повышать эффективность правового регулирования, содействовать гармоничному совершенствованию политико-правовой системы в канолах национальной культуры. Автор отмечает, что категория справедливости ориентирует на идеалы функционирования политической сферы общества, что в консервативной мысли ассоциировалось с нравственной политикой на фоне сохранения традиционных политических институтов, социальной иерархии и сложившегося порядка в обществе. Делается вывод о том, что правовая справедливость как основание и направление развития права интерпретировалась отечественным консерватизмом как обусловленный нравственно-религиозными началами императив должностования, принцип поведения, ориентирующий на воздаяние каждому по его делам в деле достижения высшей правды. Утверждается, что в отечественном консервативном учении происходила агрегация религии, нравственности и права, выводящая регуляцию общественных отношений на новый уровень. Констатируется, что консервативные доктринальные подходы исследуемого периода сформировали особые представления о справедливости, опирающиеся на христианское политико-правовое мировоззрение, позволяющие усматривать в категории потенциал обеспечения сознательно-волевого правового поведения.

Ключевые слова: право; политическая справедливость; правовая справедливость; правовые ценности; доктрина консерватизма; нравственность; правопонимание; правовая аксиология; правовая мысль; история права.

CONSERVATIVE PROJECTS OF POLITICAL AND LEGAL JUSTICE: DOMESTIC DOCTRINAL APPROACHES

Angelina Yu. Kuzubova

Dr. Sci. (Law), Associate Professor; Professor, Department of Philosophy, Economica and Sicio-Humanitarian Sciences, Voronezh State Pedagogical University, Voronezh, Russian Federation

angelinakuzubova@mail.ru

Abstract. *The paper offers the author's interpretation of the phenomenon of justice as understood by the domestic conservative legal doctrine of the 19th to the early 20th centuries. The relevance of historical and legal research that revisits the value and essential foundations of law lies in its potential to increase the effectiveness of legal regulation and to contribute to the harmonious development of the political and legal system within the canons of national culture. The author observes that the category of justice in conservative thought was oriented toward ideals governing the political sphere, where it was associated with moral policy and with the preservation of traditional political institutions, social hierarchy, and the prevailing social order. The study concludes that legal justice, conceived as both the basis and the guiding direction of legal development, was interpreted by domestic conservatism as an imperative of improvement grounded in moral and religious principles — a principle of conduct that seeks to reward each person in their affairs in the pursuit of the highest truth. The author argues that within the domestic conservative doctrine there was an integration of religion, morality, and law, which elevated the regulation of social relations to a new level. The paper asserts that the conservative doctrinal approaches of the period produced distinctive conceptions of justice, rooted in a Christian political and legal worldview, and reveal the category's potential for promoting conscientious, volitional legal behavior.*

Keywords: *law; political justice; legal justice; legal values; conservatism doctrine; morality; legal understanding; legal axiology; legal thinking; legal history.*

Внерациональные способы постижения правовой действительности возможны благодаря метафизическим категориям. Обращение к метафизической методологии способствует приближению к трансцендентным понятиям, осмыслению духовных, иррациональных начал даже привычных феноменов. Ведь, как справедливо указывает И. А. Исаев, «правовая реальность намного глубже и многообразнее, чем набор кодифицированных норм»¹. И метафизические подходы предоставляют возможность выйти за пределы стандартизированных установок в восприятии права, позволяют увидеть в нем воплощение справедливости.

Необходимость синтеза правового и морально-нравственного начал отмечается рядом исследователей, считающих, что справедливость — категория, объединяющая нравственность, право и религию². Изучение феноменов права в контексте ценностей и сущностных оснований предполагает сопоставление с абсолютными морально-нравственными константами, что в итоге позволяет выйти на уровень постижения их духовного содержания.

Экстраполяция аксиологических категорий в сферу права — это движение в сторону выхода за нормативные пределы правовой реальности, попытка познания его ценностной природы. Существуют ключевые правовые ценности, в том числе справедливость, влияющие как на внутреннее содержание, так и на процессы эволюции норм права. Одной из важнейших задач права является своевременное

¹ Исаев И. А. Теневая сторона закона. Иррациональное в праве : монография. М. : Проспект, 2012. С. 3.

² Мальцев Г. В. Нравственные основания права. М. : Изд-во СГУ, 2008. С. 108 ; Лукашева Е. А. Право. Мораль. Личность. М. : Наука, 1986. С. 88.

включение в нормы ценностей, наличествующих в конкретном обществе. И наше исследование направлено на изучение интерпретации феномена «справедливость» консервативной юридической доктриной периода XIX — начала XX в.

Консервативную политико-правовую доктрину мы рассматриваем как объективированную в научных трудах систему знаний о консервативном устройстве политической власти и права, в рамках которой происходит сближение метафизических методов и начал с рациональными идеями в условиях следования исторической и цивилизационной традиции. Консервативных взглядов придерживались многие отечественные мыслители периода XIX — начала XX в., в том числе Н. М. Карамзин, А. С. Шишков, С. Н. Глинка, Ф. И. Тютчев, А. С. Хомяков, И. В. и П. В. Киреевские, К. С. и И. С. Аксаковы, Ю. Ф. Самарин, Н. Я. Данилевский, К. Н. Леонтьев, Ф. М. Достоевский, М. Н. Катков, К. П. Победоносцев, Л. А. Тихомиров, И. А. Ильин и др. Многообразие их трудов и суждений всё же объединяло обоснование вневременных ценностных начал в виде традиционализма, теократии, социальной иерархии, самодержавия, соборности общества, доминирования этических начал над формально-юридическими.

Категориально-методологическое своеобразие русского консерватизма, на наш взгляд, является следствием исторически сложившегося этнического типа рациональности, в рамках которого христианское учение о мире формировало восприятие государственно-правовых феноменов. Благодаря чему правовая реальность постигалась не рационально, а в контексте основанного на вере чувства. Консервативная мысль обосновывала тезис, согласно которому нравственно-правовое предчувствие позволяло принимать правильные решения в ситуациях выбора между законом и правонарушением, порядком и анархией, истинным и ложным, гармонией и хаосом.

Правовые ценности обусловлены цивилизационно-культурным своеобразием, конкретной эпохой существования, преобладающим типом правопонимания, при этом они отражают восприятие правовой сферы через выстраивание определенной иерархии приоритетов. Правовые ценности выступают матрицей, предопределяющей социальную активность и реализацию конкретных форм поведения. Свообразие правовых ценностей русского консерватизма заключено в том, что они отражают позитивные представления о правовых феноменах в рамках правового сознания и правовой культуры, получающие признание в опоре на нравственно-религиозные регуляторные системы.

Справедливость относится к числу непреходящих ценностей, выступающих залогом социокультурной идентичности русского народа. Единый дискурс политической и правовой справедливости невозможен. Можно рассуждать о различных интерпретациях, как минимум в идеологических, цивилизационных, социальных преломлениях. Ведь право всегда есть отражение историко-культурного типа общества. В связи с этим мы поставили цель описать место и роль политической и правовой справедливости в аксиологическом пространстве русского консерватизма XIX — начала XX в.

Политическая справедливость ориентирует на идеалы функционирования политической сферы общества, включающие аспекты государственного управления, государственного устройства, взаимодействия социальных субъектов по поводу публичной власти. В российской консервативной политико-правовой доктрине это сопоставимо скорее с нравственной политикой. Русский консерватизм отождествляет политическую справедливость с сохранением традиционных политических институтов, централизованного сильного государства, социальной иерархии и сложившегося порядка в обществе.

Правовая справедливость — формируемый в процессе правового дискурса ориентир правового регулирования, содержание которого эволюционирует вместе с развитием общественных отношений, но вместе с тем сохраняет традиционное начало, заложенное на начальном социогенезе. Как категория высшего порядка справедливость предопределяет индивидуальную и групповую правовую идентификацию, обуславливает выбор алгоритмов поведения, оценку поведения иных субъектов, неся потенциал поиска гармоничного состояния в праве.

Многие представители русского консерватизма XIX — начала XX в. считали возможным согласованное, синхронное действие правовых и религиозных, культурных, нравственных ценностей. В частности, И. В. Киреевский акцентировал внимание на том, что в российском обществе не сложилось традиции восприятия права в его европейской интерпретации, напротив, у нас право ассоциировалось со справедливостью и правдой³. Теоретик славянофильства был убежден: внутренняя справедливость, объективированная в ценностном потенциале бытовых преданий и внутреннего убеждения, в противовес формальным законодательным регуляторам способна более эффективно упорядочивать общественные отношения.

И. В. Киреевский развивал тезис об объективном существовании категорий правды и справедливости, вследствие чего считал ошибочным связывать их генезис с общественным договором или волей законодателей, как это принято в европейской политико-правовой традиции. Мыслитель полагал, что на отечественной почве многие политико-правовые феномены обретают смысл только в религиозном контексте, поэтому антропологические, субъектоцентристские концепции правового мировоззрения ему представлялись неприемлемыми⁴.

Консервативным учениям свойственна направленность на познание глубинных слоев права, обращение к его архетипным уровням, предопределенным культурной средой. Это отражено, например, в отдельных трудах Ф. М. Достоевского, сформулировавшего тезис о том, что к ценности справедливости невозможно приблизиться без обращения к высшей правде. В своих произведениях автор приводил читателя к выводу о том, что ограниченность чистой рациональности, изолированной от религиозных догм, порождает заблуждения и искаженные представления о справедливости. Подходы к справедливости Ф. М. Достоевского отражают разведение автором ее нравственно-религиозного и социально-политического воплощений. Признавая онтологический статус феномена, философ, с одной стороны, обосновывал возможность его существования независимо от сознания субъекта, с другой стороны, подчеркивал то, что человек в контексте ценностворческой деятельности может приблизиться к справедливости через следование божественным установлениям. Ф. М. Достоевский был убежден, что позитивное право содержит начала как добра, так и зла, поэтому оно не способно избавить человечество от греха и его последствий и привести к спасению.

Оригинальные подходы к феномену справедливости демонстрируют труды Л. А. Тихомирова, указывавшего, что правовая система должна стремиться «не к уравнительности, не к одинаковости, а к справедливости, к ответственности прав с обязанностями...»⁵. Отрицая концепты распределительной справедливости и равенства возможностей и прав как априори ложные и лицемерные, автор «монархической государственности» напоминал, что природа человека предопределяет разный уровень способностей, физических данных, личностных качеств, материального состояния и др. Онтологический статус мира изначально построен на иерархии, в силу чего неравенство выступает условием развития. По Л. А. Тихомирову, справедливость соразмерности прав и обязанностей является тем системообразующим нравственным и цивилизационным началом, которое в синтезе с монархической властью способно содействовать укреплению Российской империи.

В центре правовой концепции И. А. Ильина находилось право как средство воплощения в жизнь внутренних нравственных сил и форма духовного бытия человека. В отличие от многих отечественных консервативных мыслителей, автор работ о сущности и проблемах правосознания не акцентировал внимание на негативной семантике права, не ассоциировал его функционал с противостоянием греховной

³ Киреевский И. В. В ответ А. С. Хомякову // Духовные основы русской жизни. М. : Институт русской цивилизации, 2007. С. 355.

⁴ Киреевский И. В. Отрывки // Духовные основы русской жизни. М. : Институт русской цивилизации, 2007. С. 321.

⁵ Тихомиров Л. А. Руководящие идеи русской жизни. М. : Институт русской цивилизации, 2008. С. 151.

природе человека. И. А. Ильин исходил из того, что право, как способ достижения подлинно христианского способа бытия, уже несет в себе справедливость, позволяет достичь компромисса между естественным социальным неравенством и равенством в духовной сущности⁶. И. А. Ильин много размышлял на тему разрешения конфликта закона и справедливости, который неизбежен в силу того, что закон направлен на формально-юридическое уравнивание, а справедливость ориентирует на индивидуализированные подходы. Но даже справедливый закон, подчеркивал мыслитель, для реального действия требует наличия справедливого правосознания, порождаемого человеческим исканием и творчеством.

И. А. Ильин считал, что люди, созданные по образу и подобию Божьему, объединены и уравниваются между собой в любви Бога, то есть равны в своем духовном достоинстве. Мыслитель рассматривал социальную иерархию и неравенство как естественные, органические, объективно существующие явления, вместе с тем он указывал, что отклонения от столь естественного хода вещей возможны исключительно в категории человеческого достоинства. В отдельных работах И. А. Ильин высказывал мысли о возможности нормативно-правового закрепления равенства прав. Он предлагал дифференцированные подходы, допускал признание и формализацию равенства перед судом в рамках процессуального производства, но исключал эквивалентность политических прав. По мнению И. А. Ильина, природа справедливости подразумевает естественное неравенство, а значит, кому-то следует предоставить привилегии, а кого-то целесообразно ограничить в правах⁷. В его авторской версии, природа справедливости обуславливает необходимость применения дифференцированных, неравных подходов к отличающимся по своим качествам субъектам. И это объясняет востребованность персонифицированного уравнивания, благодаря которому можно попытаться нивелировать неравенство прав и обязанностей, в том числе через предоставление справедливых преимуществ. Таким образом, И. А. Ильин сформулировал мысль об одновременном равенстве и неравенстве людей, установил корреляцию уровня правосознания и воплощения справедливости, предостерег от идеализации идеи всеобщего равенства. Привлек внимание автор и к проблеме одновременно возможной несправедливости как равенства, так и наделяния привилегиями.

Доминирующим началом консервативной юридической доктрины выступал теоцентризм, и в данной мировоззренческой модели православие предопределяло синтез религиозных, нравственных и правовых ценностей. Традиционализм концепции выражался в идее постепенного восхождения человека к абсолюту, к Богу. Государство и общество консерваторами представлялись органическими и иерархическими структурами, онтологический статус которых не подразумевал социального и юридического равенства и паритета прав. Считалось, что мир и его сохранение опирались на иерархию, обеспечивающую разнообразие как социальных форм, так и неоднородность систем прав и обязанностей.

Консервативная традиция аргументировала идею справедливости неравенства: ее последователи утверждали, что обладание специальными статусами подразумевает наделяние преимущественными правами и обязанностями, соразмерными различиям людей. По мнению ряда идеологов консерватизма, правовая ценность справедливости могла быть объективирована в нормативной регламентации иерархии прав и обязанностей, законодательно подтверждающей существующее естественное разделение социума.

Философы консерватизма исходили из идеи детерминизма духовного совершенствования и внерационального познания, в контексте чего движение в сторону справедливости подразумевало должное отношение к миру путем нравственного развития. Предполагалось, что общее благо достижимо, если каждый выполняет

⁶ Ильин И. А. Общее учение о праве и государстве // Теория права и государства / под ред., биогр. очерк В. А. Томсинова. Изд. 2-е, доп. М. : Зерцало, 2008. С. 247–248.

⁷ Ильин И. А. В поисках справедливости II // Собрание сочинений : в 10 т. М. : Русская книга, 1993. Т. 2. С. 235.

свой нравственный долг. Следует отметить многослойность интерпретации справедливости консервативной доктриной, ведь она трактовалась и как внутренний императив, нормирующий систему деяний конкретной личности, и как внешний идеал — ориентир или идеальное представление о социальной добродетели, направляющие в сторону желаемого общественного состояния (порядка). Внутренний уровень справедливости вытекал из ее божественного присутствия в душе человека, на этой ступени сосредоточивался инструментарий познания мира через категории веры, добра, красоты. Считалось, что внутреннее чувство справедливости в процессе социальных коммуникаций позволяло интерпретировать явления, оценивать поступки, делать выводы и принимать решения.

Обобщив высказывания ряда консервативных мыслителей, можно заключить, что они различали внешнюю (правовую) справедливость и нравственную справедливость как императив любви и милосердия. Правовая справедливость акцентировала внимание на проблемах равенства, эквивалентности воздаяния, адекватности наказания, тогда как внутренняя справедливость, восходящая к христианской этике всепрощения, милосердия, интерпретировала всё в контексте вечных категорий добра и зла. Отечественная консервативная мысль XIX — начала XX в. ориентировала на синтез религиозных, нравственных и правовых начал на пути к постижению сущности справедливости.

Метафизические подходы к справедливости, свойственные русскому консерватизму, основывались на теоцентрической методологии, в силу чего категория не рассматривалась как равное воздаяние за поступки. Речь шла о воздаянии каждому равной любви и, в силу этого, торжестве нравственно-религиозного в содержании права. Воплощение политической справедливости консерваторы усматривали в сохранении исторически существующих общественных институтов, а также сложившейся иерархии и дифференциации социальных статусов. Отечественный традиционализм скептически относился к теории прав человека, считал, что закрепление паритета прав неспособно приблизить человечество к справедливому общественному устройству. Следует подчеркнуть, что теоцентризм юридической доктрины русского консерватизма predetermined отрицание возможности создания Рая (совершенного общества и государства) на Земле. Большинство мыслителей указанной идеологии сходились в мнении, что греховность человеческой природы, субъективность как помеха для объективного познания привели к тому, что существующие социальные организации и институты априори не могли быть абсолютно справедливыми, поэтому человечеству не стоило увлекаться ложными идеями.

Юридическая доктрина русского консерватизма рассматриваемого периода отождествляла правовую справедливость с императивом долженствования, принципом поведения, ориентирующим на воздаяние каждому по его делам. Речь шла о согласованном действии нравственной и правовой справедливости, позволяющем нравственным началам посредством индивидуализации преодолевать формальность и бездушие правовых основ. Консерваторы полагали: степень справедливости права обусловлена нравственным статусом общества на определенном историческом этапе развития конкретной цивилизации, поэтому введение на основе рационального выбора определенных прав или установление кажущейся лучшей формы правления не принесет должного результата. Справедливость подразумевает нравственное совершенствование, воздаяние каждому по его делам в деле достижения правды, равенство в исполнении должного.

Европейские либеральные концепции правовой справедливости, трактовавшие ее в качестве равного воздаяния, в виде ответного действия на деяние, в корне отличались от отечественных консервативных теорий правовой справедливости, восходящих к принципу милосердного отношения к человеку. В доктрине русского консерватизма тема соотношения милосердия и справедливости рассматривалась в русле православной гуманности, ориентирующей на такое же отношение к другим людям, как отношение к ним Бога, а значит, на основе любви. Обосновывалось, что сострадание возникает на почве неравенства и зависимости друг от друга, тогда

как любовь к ближнему выступает тем руководящим началом, которое позволяет умножать добро на пути в Царствие Божие.

Рассматриваемая доктрина сформулировала тезис об утопичности идеи формального равенства, воспринимаемой как зло, влекущее разрушение общества. Напротив, консерваторы настаивали на необходимости достижения подлинного (справедливого) равенства, подразумевающего всеобщность служения. Русский консерватизм сместил акцент с уравнилельно-возмездных модусов справедливости в сторону обретения единства значимого и должного через эволюцию нравственного чувства. Доктрина актуализировала проблему конгруэнтности действия права, нравственности и религии, тем самым подвергнув критике либеральные концепции изоляции регуляторных систем, ограничения морально-религиозного содержания в праве.

Взяв за основу достижения отечественной историко-правовой науки, мы приблизились к пониманию сути политической и правовой справедливости в российской интеллектуальной традиции. В современном российском политико-правовом пространстве проекты отечественной консервативной доктрины представляются весьма актуальными, ведь они обращены в сторону построения справедливой системы, базирующейся на уважении прав, воздаянии каждому должного, разумном соотношении индивидуализации ответственности и компетенции. Достижением русского консерватизма XIX — начала XX в. можно считать формирование и введение в публичный дискурс особых представлений о справедливости, опирающихся на христианское политико-правовое мировоззрение и цивилизационную обусловленность права.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Ильин И. А. В поисках справедливости II // Собрание сочинений : в 10 т. Т. 2 / сост. и коммент. Ю. Т. Лисицы ; худож. Л. Ф. Шканов. — М. : Русская книга, 1993. — 496 с.
2. Ильин И. А. Общее учение о праве и государстве // Теория права и государства / под ред., биогр. очерк В. А. Томсинова. — Изд. 2-е, доп. — М. : Зерцало, 2008. — 550 с.
3. Исаев И. А. Теневая сторона закона. Иррациональное в праве : монография. — М. : Проспект, 2012. — 368 с.
4. Киреевский И. В. Духовные основы русской жизни. — М. : Институт русской цивилизации, 2007. — 448 с.
5. Лукашева Е. А. Право. Мораль. Личность. — М. : Наука, 1986. — 262 с.
6. Мальцев Г. В. Нравственные основания права. — М. : Изд-во СГУ, 2008. — 552 с.
7. Тихомиров Л. А. Руководящие идеи русской жизни. — М. : Институт русской цивилизации, 2008. — 640 с.

REFERENCES

1. Ilyin IA. In search of justice II. Collected works. In 10 vols. Vol. 2. Moscow: Russkaya kniga Publ.; 1993. (In Russ.).
2. Ilyin IA. The general doctrine of law and the state. In: Tomsimov BG (ed.). Theory of Law and the State. 2nd ed. Moscow: Zerkalo Publ.; 2008. (In Russ.).
3. Isaev IA. The shadow side of the law. The Irrational in Law. Moscow: Prospekt Publ.; 2012. (In Russ.).
4. Kireevsky IV. The spiritual foundations of Russian life. Moscow: Institute of Russian Civilization Publ.; 2007. (In Russ.).
5. Lukashova EA. Law. Moral. Personality. Moscow: Nauka Publ.; 1986. (In Russ.).
6. Maltsev GV. Moral grounds of law. Moscow: SSU Publ.; 2008. (In Russ.).
7. Tikhomirov LA. Guiding ideas of Russian life. Moscow: Institute of Russian Civilization Publ.; 2008. (In Russ.).

DOI: 10.17803/2542-2472.2025.36.4.041-047

СОЦИАЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ И ЕЕ МЕСТО В ДОКТРИНЕ РОССИЙСКОГО СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

Старшова Ульяна Александровна,
доцент кафедры конституционного права имени профессора И.Е. Фарбера
и профессора В.Т. Кабышева Саратовской государственной юридической академии,
кандидат юридических наук, доцент
410056, Россия, г. Саратов, ул. им. Чернышевского Н. Г., д. 104
uastarshova@yandex.ru

© Старшова У. А., 2025

Аннотация. Термин «социальная справедливость» прочно вошел в науку конституционного права, и социальная справедливость является одной из основополагающих основ конституционной доктрины социального государства в России. Социальная справедливость в авторской концепции представляет собой необходимую составляющую социального государства в различных его проявлениях. В конституционно-правовой плоскости социальная справедливость находит свое отражение через гарантии социальных прав и свобод граждан, через социальную политику государства. В этой связи автор анализирует современное состояние реализации социального государства в России через призму социальной справедливости в ее общетеоретическом и конкретно-адресном понимании. Статья представляет собой попытку осмысления эволюции доктрины социального государства в конституционном праве через ее важный компонент — социальную справедливость.

Ключевые слова: доктрина социального государства; социальная справедливость; Конституция Российской Федерации; гарантии социального государства; социальная политика; социальные права и свободы.

SOCIAL JUSTICE AND ITS PLACE IN THE DOCTRINE OF THE RUSSIAN WELFARE STATE

Ulyana A. Starshova,
Cand. Sci. (Law), Associate Professor; Department of Constitutional Law named after
Professor I.E. Farber and Professor V.T. Kabyshev, Saratov State Law Academy, Saratov,
Russian Federation
uastarshova@yandex.ru

Abstract. The term «social justice» has become firmly established in the science of constitutional law and constitutes one of the fundamental pillars of the constitutional doctrine of the social state in Russia. In the author's view, social justice is a necessary element of the social state in all its manifestations. In the constitutional law sphere, social justice is expressed through guarantees of citizens' social rights and freedoms

and through the state's social policy. Accordingly, the author analyzes the current implementation of the social state in Russia through the prism of social justice, in both its general theoretical and its specific, targeted meanings. The study attempts to trace the evolution of the doctrine of the social state within constitutional law by focusing on this crucial component — social justice.

Keywords: *doctrine of the welfare state; social justice; Constitution of the Russian Federation; guarantees of the welfare state; social policy; social rights and freedoms.*

В Конституции РФ используется термин «социальное государство». Данное понятие трактуется, на наш взгляд, в различных плоскостях (смыслах):

- социальное государство — основа конституционного строя;
- социальное государство — конституционная ценность;
- социальное государство к концептуальному смыслу — «как доктрина»;
- социальное государство как принцип, который ложится в основу современной социальной политики и деятельности органов публичной власти по его реализации и др.

Однако социальное государство во всех его проявлениях — это высокоразвитое государство, одной из приоритетных целей которого является установление в таком государстве социальной справедливости. Известные ученые-конституционалисты определяют социальное государство только через призму социальной справедливости, констатируя, что без «социальной справедливости и солидарности»¹ государство нельзя назвать социальным; либо делая акцент на обязанности государства заботиться о социальной справедливости².

Термин «социальная справедливость» прочно вошел в науку конституционного права. Для логики изложения необходимо уточнить понимание социальной справедливости в конституционном праве. Социальная справедливость — первоначальный критерий социального государства, общественное благо. Реальными проявлениями такого блага выступают принцип равноправия, приоритет прав и свобод человека, закрепленный российской конституцией. В конституционно-правовой плоскости социальная справедливость находит свое отражение через гарантии социальных прав и свобод граждан, через социальную политику государства.

В главе 1 Конституции РФ отсутствует норма о социальной справедливости. Если обратиться к Саратовскому проекту Конституции России, то в нем предлагалось закрепить данную норму. В статье 9 закреплялось: «Российская Федеративная Республика гарантирует каждому человеку на своей территории неотъемлемые права, вытекающие из человеческого достоинства, как основу общества, свободы личности и социальной справедливости»³.

Бывшие республики СССР пошли по разным путям, закрепив в своих нормах либо принцип социального государства (практически все республики), либо социальную справедливость.

Республика Армения, Республика Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан закрепляют себя в качестве социального государства.

В статье 14 Конституции Узбекистана данный принцип закрепляется несколько под другим углом, через конституционное закрепление непосредственно принципа социальной справедливости, который направлен на развитие благосостояния человека и общества.

Основа современной доктрины социального государства строится на социальной справедливости, однако конституционно-правового закрепления данного принципа в российском законодательстве, по сути, не существует.

¹ Гончаров П. К. Социальное государство: сущность, мировой опыт, российская модель // Социально-гуманитарные знания. 2000. № 2. С. 27.

² Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации. М., 1997. С. 118–119.

³ Саратовский проект Конституции России / предисл. В. Т. Кабышева. М.: Формула права, 2006. 64 с.

Можно отметить, что термин «справедливость» все-таки встречается в Конституции России: «В Российской Федерации формируется система пенсионного обеспечения граждан на основе принципов всеобщности, справедливости и солидарности поколений»⁴. Иллюстрацией и актуализацией внедрения принципа социальной справедливости в современную идеологическую и правовую составляющую социальной доктрины (в данном контексте доктрина социального государства, конституционная доктрина социального государства, социальная доктрина равнозначны) являются нормы реформированной Конституции России. Отдельно хотелось бы отметить дополнение текста Конституции России ст. 75 (1), которая закрепляет политику России, направленную на повышение уровня жизни граждан, рост экономики государства, перераспределение доходов, социальную ответственность крупного бизнеса.

Перечисленные нормы — конституционно-правовая гарантия социальной справедливости.

Однако социальная справедливость — насущный и острый вопрос российского общества. Наверное, трудно найти тему общественной жизни, которая на протяжении долгого времени интересовала бы умы ученых, политических деятелей и граждан. Социальная справедливость стала одним из важнейших социально-экономических положений конституционного права. Социальная справедливость большинством воспринимается не как отвлеченное философское понятие, а в связи с политическими процессами в государстве, с деятельностью органов публичной власти, эффективностью правовых норм.

Соглашаясь с В. Е. Чиркиным, что «принцип социальной справедливости в своем фактическом проявлении вовне имеет две стороны: общесоциальную и конкретно-адресную»⁵, конечно, нельзя говорить, что это два абсолютно разных явления, но под общесоциальной стороной социальной справедливости следует понимать общие принципы и нормы, закрепляемые в первую очередь основным законом. О них было сказано выше. Далее необходимо остановиться на конкретно-адресном проявлении принципа социальной справедливости в современной России, которые берут свое начало в конституционных нормах, но более адресно развиваются в законодательстве (конституционном и отраслевом).

Маркером социальной справедливости в России сегодня, на наш взгляд, является защита материнства, отцовства и детства — основное направление сегодняшней социальной политики государства. Государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства закрепляется частью 2 ст. 7 Конституции РФ и развивается в отраслевом законодательстве.

Например, большой перечень полномочий в данной сфере возлагается на Правительство РФ, которое обязано проводить действенную социальную политику в сфере защиты института брака как союза мужчины и женщины; обеспечивать создание условий для достойного воспитания детей в семье; реализовывать молодежную политику и др.

Сегодня дан старт новому национальному проекту «Семья», реализация которого рассчитана на перспективу. Интерес представляет федеральный проект «Семейные ценности и инфраструктура культуры», целью которого является создание доступной среды в культурной сфере с упором на укрепление института семьи и продвижение традиционных семейных ценностей, что является непосредственной реализацией норм основного закона в области защиты семьи, материнства и детства.

Можно сделать вывод о формировании вертикали органов публичной власти (на федеральном и региональном уровнях) для обеспечения доступности медицинской помощи. После внесения изменений в ст. 72 Конституции России, касающихся вопросов координации здравоохранения, можно говорить о распределении обязанностей и

⁴ Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // СЗ РФ. 2020. № 11. Ст. 1416.

⁵ Чиркин В. Е. Социальная справедливость в конституционном праве // Журнал российского права. 2016. № 7. С. 9.

ответственности федеральных и региональных органов власти в решении вопросов обеспечения качественной медицинской помощи, общественного здоровья и др. Основным закон данной нормой гарантирует системное взаимодействие всех органов публичной власти для решения вопросов в области здравоохранения и вопросов, связанных с ним. Нормы, закрепленные в данной статье, заложили основу единства функционирования системы здравоохранения в Российской Федерации.

Глава 6 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»⁶ закрепляет основные положения охраны здоровья матери и ребенка, регулирует отношения в области семьи и репродукции. Сегодня Российская Федерация вышла на высокий уровень по сохранению жизни и здоровья детей, рожденных на ранних сроках беременности. Например, Москва ежегодно улучшает показатели по выживаемости детей с низкой массой тела, увеличив выживаемость младенцев с низкой массой тела до 99 %.

Основным достижением на среднесрочную перспективу является национальный проект «Семья», который начал свое действие с 1 января 2025 г. и рассчитан на перспективу до 2030 г. Основная задача, которую ставит перед собой государство, — укрепить семейные ценности, достигнуть устойчивого роста рождаемости, снижения уровня бедности. Можно сделать вывод, что проект затрагивает не только молодые семьи с детьми, но и все поколения во взаимосвязи для укрепления традиционного семейного духа и материальных потребностей.

Если отметить адресную материальную поддержку, то сегодня это:

- пособие по беременности и родам, сумма которого рассчитывается от заработной платы для работающих женщин;
- ежемесячные пособия на ребенка до полутора лет;
- материнский капитал;
- единое пособие, сумма которого рассчитывается исходя из прожиточного минимума, установленного в каждом субъекте Российской Федерации;
- действует также региональное стимулирование.

Для нашей страны данная идея защиты и государственной поддержки семьи не новая и закрепились еще в конституционных нормах советского периода. Однако в тот исторический период акцент делался именно на обязанность советского государства заботиться о детях и матерях.

Социальная справедливость реализуется и через «функционирования системы социальной защиты инвалидов, основанной на полном и равном осуществлении ими прав и свобод человека и гражданина, их социальную интеграцию без какой-либо дискриминации, создание доступной среды для инвалидов и улучшение качества их жизни» (п. «в.2» ст. 114 Конституции РФ). Данное положение закрепляется как полномочие Правительства РФ. Так, Федеральный закон «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» действует в новой редакции от 29.10.2024 и закрепляет существенные изменения. Появляется понятие «ребенок-инвалид», вводится «Единая централизованная платформа в социальной сфере», в которую вносятся различные сведения о персональных особенностях реабилитации инвалидов, данная платформа позволит оценить эффективность реализации комплекса программ для реабилитации инвалида.

Государственная программа «Доступная среда», утвержденная постановлением Правительства РФ от 29.03.2019 № 3632, реализует принцип социальной справедливости, ставя своей целью безболезненное внедрение инвалидов в общественную жизнь. Сегодня реализация программы вышла на второй этап, смыслом которого является «формирование безбарьерной среды в Российской Федерации посредством повышения доли доступных для инвалидов и других маломобильных групп населения приоритетных объектов до 73,2 процента к 2030 году»; «повышение

⁶ Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (с изм. и доп.) // СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.

качества жизни инвалидов посредством обеспечения 98 процентов нуждающихся качественными реабилитационными услугами к 2030 году»⁷.

Основные цели госпрограммы достигаются различными мероприятиями, план которых был утвержден распоряжением Правительства РФ от 16.08.2022 № 2253-р и касался в основном вопросов комплексной реабилитации и абилитации инвалидов и инвалидов-детей.

Обязанность социального государства — заботиться о социальной справедливости в том числе и при решении проблем занятости населения и обеспечения достойной оплаты труда.

Достойный доход, соразмерный знаниям, умениям и навыкам работника, и достойная рабочая среда — одна из плоскостей социальной справедливости.

Конституционный Суд РФ достаточно четко определил свою позицию по поводу справедливой оплаты труда работнику. Так, в постановлении от 15.06.2023 № 32-П⁸ он отметил, что «при выполнении работником установленных требований к количеству и качеству труда, при достижении показателей и соблюдении условий, необходимых для приобретения права на получение определенных системой оплаты труда денежных выплат, ему должно быть обеспечено справедливое вознаграждение за труд в размере, соответствующем затраченным им трудовым усилиям. Лишение же работника тех или иных денежных выплат, входящих в состав его заработной платы, вне связи с оценкой выполнения установленных действующим правовым регулированием требований (показателей, условий) противоречило бы вытекающим из Конституции РФ принципам справедливости, равенства, соразмерности, уважения человека труда и самого труда, а также приводило бы к нарушению конституционного права на вознаграждение за труд без какой бы то ни было дискриминации и права на справедливую заработную плату, обеспечивающую достойное человека существование для него самого и его семьи». Вступившие в законную силу поправки к Конституции РФ дали жизнь данной категории как конституционному принципу.

Недавно принятый Федеральный закон «О занятости населения в Российской Федерации» продолжил взятое государством направление в политике занятости, закрепил основополагающие принципы в сфере занятости: обеспечение равных возможностей гражданам при удовлетворении их занятости, добровольности труда и свободы выбора форм занятости и т.п. Современная политика занятости изменила подходы к защите своих граждан от безработицы, выделив в группу рисков не только граждан, уже находящихся без работы и ищущих ее, а также категорию граждан, находящихся под угрозой быть уволенными. В группу риска закон определил категории лиц, которые предположительно могут иметь проблемы с трудоустройством: инвалиды, несовершеннолетние 14–18 лет, граждане так называемого предпенсионного возраста, многодетные родители. В политике в области занятости претерпели изменения и меры государственной поддержки для категории граждан, которые прошли военную службу, и для членов их семей; для инвалидов и молодежи.

Интересным представляется изменение, связанное со снижением уровня нелегальной занятости и борьбой с ней. Федеральный закон утверждает понятие нелегальной занятости (ч. 1 ст. 66) — «осуществление трудовой деятельности в нарушение установленного трудовым законодательством порядка оформления трудовых отношений»⁹.

⁷ Паспорт государственной программы Российской Федерации «Доступная среда» // Министерство труда и социальной защиты РФ: официальный сайт. URL: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/3/0> (дата обращения: 30.12.2025).

⁸ Постановление Конституционного Суда РФ от 15.06.2023 № 32-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 135 и части первой статьи 193 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Е. В. Царегородской» // Официальный сайт Конституционного Суда РФ. URL: <https://www.ksrf.ru>.

⁹ Федеральный закон от 12.12.2023 № 565-ФЗ (в ред. от 08.08.2024) «О занятости населения в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2023. № 51. Ст. 9138.

Эксперты Научно-исследовательского центра социально-политического мониторинга ИОН РАНХиГС выявили, что на период 2023 г. 21,9 % россиян работают в тени, однако стóбит пояснить, что под «теневой занятостью» здесь понимаются «неформальные социально-трудовые отношения, которые вознаграждаются скрытыми от государства доходами. Эксперты отмечают, что по сравнению с 2022-м показатель уменьшился на 2,1 %. В 2019 г., до начала пандемии, в неформальных трудовых отношениях состояла треть (32,5 %) экономически активного населения»¹⁰.

Во исполнение норм Федерального закона Правительство РФ устанавливает план мероприятий на 2025–2027 гг., направленный на противодействие данному негативному явлению. Мероприятия, включенные в план, разнонаправленные: мониторинг выявления незаконной деятельности; информационно-разъяснительная работа; ведение реестра организаций-работодателей, которые ранее имели факты-нарушения легальной занятости населения.

Задумываясь над развитием модели российского государства на перспективу до 2030 г., необходимо понимать, что в его основу ложится современная конституционная доктрина социального государства, одной из идей которой является социальная справедливость как в общесоциальном ее проявлении, так и в конкретной адресной помощи государства в рамках его социальной политики конкретным социальным группам. Обязанность социального государства гарантировать социальную справедливость является основополагающей для обеспечения социального спокойствия, уважения прав человека и достойной жизни, социального благополучия.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Баглай М. В.* Конституционное право Российской Федерации : учебник для юридических вузов и факультетов. — М. : Инфра-М, Норма, 1997. — 741 с.
2. *Гончаров П. К.* Социальное государство: сущность, мировой опыт, российская модель // Социально-гуманитарные знания. — 2000. — № 2. — С. 18–36.
3. *Косова О. Ю.* О конституционном принципе защиты семьи государством // Государство и право. — 1997. — № 3. — С. 14–23.
4. Национальный проект «Семья» // Правительство РФ: официальный сайт. — URL: <http://government.ru/rugovclassifier/915/about/> (дата обращения: 30.12.2025).
5. *Нечаева А. М.* Реализация конституционного принципа защиты семьи государством // Советская юстиция. — 1979. — № 21. — С. 3–6.
6. *Паластина С. Я.* Конституция СССР и законодательство о браке и семье // Правоведение. — 1978. — № 4. — С. 13–22.
7. Паспорт государственной программы Российской Федерации «Доступная среда» // Министерство труда и социальной защиты РФ: официальный сайт. — URL: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/3/0> (дата обращения: 30.12.2025).
8. Саратовский проект Конституции России / предисл. В. Т. Кабышева. — М. : ООО «Формула права», 2006. — С. 12.
9. *Строительева М.* Серым по белому: каждый пятый россиянин работает в тени (20 августа 2023 г.) // Известия: официальный сайт. — URL: https://iz.ru/1557571/mariia-stroiteleva/serym-po-belomu-kazhdyi-piatyi-rossiianin-rabotaet-v-teni?utm_source=uxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 30.12.2025).
10. *Чиркин В. Е.* Социальная справедливость в конституционном праве // Журнал российского права. — № 7. — 2016. — С. 5–12.

¹⁰ *Строительева М.* Серым по белому: каждый пятый россиянин работает в тени (20 августа 2023 г.) // Известия: официальный сайт. URL: https://iz.ru/1557571/mariia-stroiteleva/serym-po-belomu-kazhdyi-piatyi-rossiianin-rabotaet-v-teni?utm_source=uxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 30.12.2025).

REFERENCES

1. Baglay MV. Constitutional Law of the Russian Federation. A textbook for law schools and faculties. Moscow: Infra-M, Norma Publ.; 1997. (In Russ.).
2. Goncharov PK. The Social State: Essence, World Experience, Russian Model. *Social and Humanitarian Knowledge*. 2000;2:18-36. (In Russ.).
3. Kosova OYu. On the Constitutional Principle of Family Protection by the State. *Gosudarstvo i pravo [The State and Law]*. 1997;3:14-23. (In Russ.).
4. National project «Family», Government of the Russian Federation: official website. Available at: <http://government.ru/rugovclassifier/915/about/> [Accessed 30.12.2025]. (In Russ.).
5. Nechaeva AM. Implementation of the constitutional principle of family protection by the state. *Sovetskaja justitsija [Soviet Justice]*. 1979;21:3-6. (In Russ.).
6. Palastina SYa. Constitution of the USSR and Legislation on Marriage and Family. *Pravovedenie [Jurisprudence]*. 1978;4:13-22. (In Russ.).
7. Passport of the state program of the Russian Federation «Accessible Environment». Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation: official website. Available at: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/3/0> [Accessed 30.12.2025]. (In Russ.).
8. Saratov Draft Constitution of Russia. Foreword by V.T. Kabyshev. Moscow: Formula Prava LLC Publ.; 2006. (In Russ.).
9. Stroiteleva M. Gray in white: every fifth Russian works in the shadows (August 20, 2023). *Izvestia: official website*. Available at: https://iz.ru/1557571/mariia-stroiteleva/serym-po-belomu-kazhdyi-piatyi-rossiianin-rabotaet-v-teni?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop [Accessed 30.12.2025]. (In Russ.).
10. Chirkin VE. Social Justice in Constitutional Law. *Journal of Russian Law*. 2016;7:5-12. (In Russ.).

DOI: 10.17803/2542-2472.2025.36.4.048-058

ОТ УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ К «НЕПРЕДРЕШЕНИЮ»: БЕЛЫЙ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ В ЕВРОКОНТИНЕНТАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ

Гордеев Александр Геннадьевич,
доцент кафедры истории государства и права Университета имени О.Е. Кутафина
(МГЮА), кандидат исторических наук
125933, Россия, г. Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9
lex.ag@mail.ru

© Гордеев А. Г., 2025

Аннотация. Статья посвящена сравнительному анализу источников легитимации власти в Центральной и Восточной Европе после Первой мировой войны и в антибольшевистских режимах на территории бывшей Российской империи. Опираясь на работы О. А. Кудинова, Я. А. Бутакова, В. Д. Зиминной, Д. Р. Зайнутдинова и корпус актов Белого движения, автор показывает, что белое правовое наследие представляет альтернативную, совместимую с европейской, траекторию российской государственности. Выявляются ключевые механизмы легитимации белых режимов: правопреемство дореволюционного права и решений Временного правительства; доктрина непредрешения с обещанием Учредительного собрания; реставрация земств и судов; декларации прав и принцип разделения властей при фактической военной диктатуре. Показан внутренний синтез либеральных и консервативных начал, а также спор о писаной и неписаной конституции как моделях будущего государственного устройства. В параллельном европейском контексте реконструируется траектория от либерально-демократических конституций начала 1920-х гг. (Польша, Чехословакия и др.) к авторитарному дрейфу 1930-х, легализованному через новые основные законы, плебисциты и фигуру лидера. Предлагается типология межвоенных моделей легитимации: народный суверенитет и конституционализм; имперское правопреемство и национальное единство; персоналистская вождистская монархия / президентализм; идеологическая мобилизация. В этой оптике Белое движение сочетает ряд моделей: ориентируется на правовое государство и европейские стандарты, одновременно настаивая на «единой и неделимой» России и временной диктатуре как инструменте спасения государства. Научная новизна заключается в том, что проясняется место белых конституционных проектов в европейском правовом континууме и уточняются причины несостоявшейся институционализации белой альтернативы. Результаты поддерживают дальнейшие сравнительные исследования механизмов легитимации в евразийском пространстве.

Ключевые слова: легитимация власти; Белое движение; белый конституционализм; дореволюционное правопреемство; непредрешение; Центральная и Восточная Европа; межвоенный период; конституционализм; евразийский контекст.

FROM THE CONSTITUENT ASSEMBLY TO «NON-PREDETERMINATION»: WHITE CONSTITUTIONALISM IN THE CONTINENTAL EUROPEAN CONTEXT

Alexander G. Gordeev,

Cand. Sci. (Law), Associate Professor; Department of History of the State and Law,
Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation

lex.ag@mail.ru

Abstract. *The article is devoted to a comparative analysis of the sources of legitimation of power in Central and Eastern Europe after the First World War and in anti-Bolshevik regimes on the territory of the former Russian Empire. Relying on the works by O. A. Kudinov, Ya. A. Butakov, V. D. Zimina, D. R. Zaynutdinov and on the corpus of acts of the White Movement, the author demonstrates that the «White» legal legacy represents an alternative trajectory of Russian statehood that is compatible with European developments. The study identifies the key mechanisms of legitimation employed by White regimes: legal succession to pre-revolutionary law and the decisions of the Provisional Government; the doctrine of nepredresheniya [non-predetermination] with the promise of the Constituent Assembly; the restoration of zemstvos and courts; declarations of rights and the principle of separation of powers implemented alongside a de facto military dictatorship. The analysis reveals an internal synthesis of liberal and conservative elements, as well as the debate over a «written» versus an «unwritten» constitution as competing models for future state organization. Within a parallel European context, the paper reconstructs the trajectory from the liberal-democratic constitutions of the early 1920s (Poland, Czechoslovakia, etc.) to the authoritarian drift of the 1930s, legitimized through new fundamental laws, plebiscites, and the figure of a leader. The study proposes a typology of interwar models of legitimation, namely: popular sovereignty and constitutionalism; imperial succession and national unity; personalist, leader-centered monarchy/presidentialism; and ideological mobilization. From this perspective, the White Movement combines several models: it is oriented toward the rule of law and European standards while simultaneously insisting on a «united and indivisible» Russia and on temporary dictatorship as an instrument for saving the state. The scientific novelty of the study lies in clarifying the place of White constitutional projects within the European legal continuum and in specifying the reasons for the failed institutionalization of the White Alternative. The findings support further comparative research into mechanisms of legitimation across the Eurasian area.*

Keywords: *legitimization of power; White Movement; white constitutionalism; pre-revolutionary succession; non-resolution; Central and Eastern Europe; interwar period; constitutionalism; Eurasian context.*

Вопрос легитимации является краеугольным для любой власти. Особенно в переломные моменты истории, которыми, бесспорно, являются процессы, охватившие Центральную, Восточную Европу и территории бывшей Российской империи после окончания Первой мировой войны. Государства, образовавшиеся на осколках многонациональных империй, многочисленные антибольшевистские правительства на территории России прошли сходный путь поиска источника легитимности своей власти.

В постсоветский период происходит переоценка вклада Белого движения в историю российского государства и права. Современные академические подходы рассматривают правовое наследие белых правительств не как «исторический курьез», а как важную альтернативную традицию российской государственности, которая ведет диалог с европейским правом и конституционализмом. Исследователи анализируют программные документы белых в поисках отвечающей сегодняшним критериям правовой мысли.

Один из первых системных трудов — монография О. А. Кудинова «Российский конституционализм в годы революции, Гражданской войны и в эмиграции (1917–1940-е гг.)». Кудинов показывает преемственность идей: от проектов Временного правительства 1917 г. через наработки белой эмиграции к конституционным планам, которые могли бы сблизить Россию с либерально-демократической Европой. Он ввел в научный оборот ряд эмигрантских проектов конституций, раскрывая понятие белого конституционализма. В статье 2006 г.¹ Кудинов детально разбирает конституционные проекты Белого движения, отмечая, что они были во многом шаблонными по отношению к проектам Временного правительства, отражая взгляды либеральных кругов, тогда как реализация их на местах зависела от консервативных сил. Это указывает на сложный синтез либеральных и консервативных начал в белой правовой идеологии.

Я. А. Бутаков² исследовал практическую административно-правовую деятельность белых режимов. Он анализирует, как белые на местах восстанавливали дореволюционные институты (земства, суды), вводили временное законодательство, пытались наладить налоги и управление в условиях войны. Я. А. Бутаков показывает, что белые режимы стремились утвердить верховенство закона (по крайней мере тех законов, которые сами признавали легитимными) — в противовес большевистской чрезвычайщине. В работе Я. А. Бутакова и других авторов подчеркивается, что несмотря на военную обстановку «белая государственность» пыталась опереться на понятие права: в ее основах лежала идея правопреемства Российской республики (февраля 1917 г.) и сохранения правовых норм, понятных европейскому сознанию.

В. Д. Зиминая посвятила ряд трудов политико-правовым режимам Гражданской войны, например: «Белое дело взбунтовавшейся России. Политические режимы гражданской войны», а также более раннюю работу (1997) о Белом движении и российской государственности³. Зиминая анализирует разные белые правительства — Колчака, Деникина, Врангеля, региональные — и сравнивает их подходы к легитимации. Она вводит понятие неписаной конституции Белой России — совокупности принципов (единовластие, непредрешение⁴, сохранение частной собственности, сильная центральная власть), которым следовали белые де-факто даже без формального Основного закона. В недавней статье Д. Р. Зайнутдинова «Конституционная доктрина “белой” России: писаная и неписаная конституция»⁵ также развивается эта тема. Исследование Д. Р. Зайнутдинова показывает, как белые юристы-эмигранты спорили, нужна ли России жестко закрепленная (писаная) конституция западного типа или лучше эластичная система без единого акта (по образцу британской традиции). Вывод в том, что либерально-демократическое крыло Белого движения (Н. Н. Щепкин, П. Н. Милюков, В. А. Маклаков) стояло за письменную конституцию с гарантиями прав, а консервативно-монархическое (И. А. Ильин и др.) допускало эволюционный «неписаный» путь, но в любом случае оба лагеря видели будущее

¹ Кудинов О. А. Конституционные проекты Белого движения в годы Гражданской войны в России // История государства и права Советской России. 2006. № 2. С. 30–37.

² См.: Бутаков Я. А. Белое движение на Юге России: концепция и практика государственного строительства (конец 1917 — начало 1920 г.). М.: Изд-во РАГС, 2000. 248 с.; Он же. Гражданская война в России: альтернативные модели государственного строительства и управления. М.: Изд-во РАГС, 2001. 347 с.

³ Зиминая В. Д. Белое движение и российская государственность в период Гражданской войны. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1997. 200 с.

⁴ Непредрешение (непредрешенчество) — принцип внутренней политики, проводимой Временным правительством России в ходе революций 1917 г., и один из основных принципов внутренней политики Белого движения во время Гражданской войны в России. Согласно ему разрешение основных государственно-национальных и социальных вопросов откладывалось до созыва Учредительного собрания.

⁵ Зайнутдинов Д. Р. Конституционная доктрина «белой» России: писаная и неписаная конституция // Актуальные проблемы государства и права. 2021. Vol. 5. № 20. С. 627–644.

России как правового государства, интегрируемого в семью цивилизованных наций Европы.

Многие элементы правового наследия белых прямо восходят к европейским идеям. Так, концепция разделения властей (Монтескье) и гарантии прав личности были включены в белые декларации (см. воззвание Юденича о свободах и неприкосновенности личности). Белые правительства декларировали приверженность международным обязательствам России и принципам международного права, стремясь показать Европе свою легитимность как продолжателя Российской державы, связанного договорами с Антантой⁶. Г. А. Трукан⁷ отмечает, что белые в целом выступали за «европейскую Россию» — их правовые проекты отражали ценности парламентской демократии, рыночной экономики и частной собственности, которые позже, в СССР, были отвергнуты на несколько десятилетий. Сегодня изучение этих проектов позволяет заново включить Россию начала XX в. в общеевропейский правовой контекст, увидеть, что альтернативой большевизму был путь, сходный с тем, по которому пошли Польша или Чехословакия.

Таким образом, видно, что непосредственное сравнение источников легитимации власти центрально- и восточноевропейских стран с антибольшевистскими режимами в России является актуальным. Прежде чем перейти к непосредственному сравнению режимов восточноевропейских государств и правительств Белого движения, кратко рассмотрим основные черты власти каждого.

Белое движение в годы Гражданской войны в России (1918–1920) предпринимало попытки определить принципы будущего государственного строя, хотя единого всеобъемлющего конституционного проекта разработано не было. Лидеры белых декларировали политику непредрешенчества, то есть отказа до победы над большевиками окончательно решать вопрос о форме правления России. Адмирал А. В. Колчак и другие руководители утверждали, что окончательное устройство страны определит вновь созданное Учредительное собрание после войны. Тем не менее на местах белыми властями издавались законодательные акты, манифесты и декларации, отражающие основные идеи их государственного строительства.

В Сибири провозглашенное в ноябре 1918 г. Российское государство во главе с Верховным правителем Колчаком опиралось на дореволюционное законодательство (а также законы Временного правительства). Правительство Колчака 6 декабря 1918 г. опубликовало декларацию о стремлении к восстановлению государственности «на началах истинного народовластия, свободы и равенства». 8 апреля 1919 г. была издана Декларация по земельному вопросу, обещавшая закрепить землю за фактическими хозяевами (крестьянами) и провести аграрную реформу в пользу безземельных, с последующим окончательным решением на Учредительном собрании. Эти шаги Колчака стали самыми радикальными среди белых правительств в социально-экономической сфере, хотя и носили вынужденный характер. В национальной политике колчаковское правительство провозгласило лозунг «единой и неделимой» России, признавая лишь культурное самоопределение народов и откладывая вопрос о политическом статусе окраин до общероссийского собрания. Например, на Парижской мирной конференции представители Украины, Кавказа, Прибалтики требовали признания независимости, но Колчак, отказавшись от идеи федеративной конфедерации регионов, что впоследствии оценивалось как политически ошибочный шаг⁸, настаивал, что окончательно этот вопрос решит Всероссийский Национальный (Учредительный) собор.

На Юге России (Добровольческая армия, Вооруженные силы Юга России) также господствовала концепция военной диктатуры на переходный период. Еще в августе

⁶ *Исаев И. А.* У входа в Новое время: политическое единство или политическая целостность? // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 1 (12). С. 28.

⁷ *Трукан Г. А.* Антибольшевистские правительства России / Ин-т рос. истории РАН. М. : ИРИ РАН, 2000. 255 с.

⁸ *Колчак А. В.* Декларация Верховного Правителя от 06.12.1918 // Сибирская речь (Омск). 1918. 7 дек.

1918 г. генерал А. И. Деникин утвердил принцип, что временная власть должна быть «неограниченной, в виде единоличной диктатуры», оправданной чрезвычайными условиями войны и рассматриваемой как этап перед восстановлением демократии. Эту «национальную диктатуру» Деникин называл необходимой для спасения государства с последующей передачей власти представительным органам. В декабре 1917 г. был опубликован Манифест Добровольческой армии (написан П. Н. Милюковым) с обещанием свободных выборов в Учредительное собрание после победы над большевиками⁹. Однако вскоре лозунг Учредительного собрания перестал использоваться, так как часть белых (например, ген. А. С. Лукомский) критиковала его и допускала предпочтительность монархии. В начале 1919 г. с белым командованием сотрудничал подпольный Тактический центр, представивший проекты, предлагавшие созвать Национальное собрание (с совещательными функциями) для выработки основного закона, при сохранении независимого от него переходного правительства. Эти проекты отражали стремление объединить широкий спектр антибольшевистских сил и предусматривали, что после принятия конституции Национальным собранием временное военное правительство сложит полномочия.

На Дону и Кубани местные казачьи правительства также издавали собственные конституционные акты. Всевеликое войско Донское под атаманом П. Н. Красновым в сентябре 1918 г. приняло Основные законы Всевеликого войска Донского — фактическую конституцию Донской области¹⁰. Согласно этому Закону, полная власть принадлежала выбранному казачьим Кругом атаману, который единолично утверждал законы, командовал армией, назначал правительство и осуществлял внешние сношения. Этот правовой акт закреплял автономную государственность казачьего региона впредь до воссоздания общероссийской власти. Текст Закона Всевеликого Войска Донского опубликован, например, в сборнике «Белое дело: Дон и Добровольческая армия». После отстранения Краснова Деникиным донские атаманы (генерал А. П. Богаевский и др.) продолжали действовать в русле политики единой России, хотя Дон сохранял определенную автономию управления.

На северо-западе силы генерала Н. Н. Юденича в 1919 г. также провозглашали отказ от старого режима и опору будущей всероссийской власти на народовластие при единстве России. В воззвании Юденича (август 1919 г.) говорилось о гарантии национально-культурных прав всех народностей России, развитии земского самоуправления и равенстве граждан перед законом, провозглашались гражданские свободы (совести, слова, собраний) и обещалось решить земельный вопрос в интересах трудящихся крестьян. Эти декларации показывают, что Белое движение, несмотря на военную диктатуру, пыталось легитимировать себя через обещание либеральных реформ и правопорядка, сопоставимых с дореволюционными правовыми нормами и европейскими стандартами свободы.

В конце Гражданской войны оставшиеся белые силы под командованием генерала П. Н. Врангеля в Крыму (правительство Юга России, 1920 г.) сделали последнюю попытку юридического оформления власти. 22 марта 1920 г. Врангель официально принял на себя всю полноту власти (военной и гражданской) с санкции оставшегося от Временного правительства Сената¹¹. Его правительство разработало ряд реформ: Правила о восстановлении земств (ввод крестьянского местного самоуправления), проект конституционных положений (август 1920 г.), включавший основы равноправия граждан, социальную политику (передача обрабатываемой земли крестьянам в собственность, защита прав рабочих), декларировал федеративный принцип объединения всех областей России на основе свободного соглашения, а также приверженность международным обязательствам России. Таким образом, даже в эмиграции белые пытались вписать свою легитимацию в русло европейского правового поля.

⁹ Деникин А. И. Очерки русской смуты. Париж, 1921–1923 (репринт: М., 1991). Т. 3–4. 423 с.

¹⁰ Белое дело : Избранные произведения. Дон и Добровольческая армия. М. : Голос, 1992. С. 14–15.

¹¹ Воспоминания генерала П. Н. Врангеля. М. : Вита Нова, 1992. Ч. 2. 472 с.

Хотя до практической реализации конституционных идей дело не дошло, в белоэмигрантских кругах велась работа над проектами Основного закона. Наиболее известен проект «Основы Конституции Российского государства», опубликованный в январе 1920 г. в Париже и обсуждавшийся политиками в Крыму, Ростове и за рубежом. Авторами проекта называли ряд юристов и общественных деятелей (упоминаются Г. Е. Львов, П. Б. Струве, Б. В. Савинков, П. И. Новгородцев и др.). Проект предполагал парламентскую республику: глава государства (президент) избирается двухпалатным парламентом и действует в основном через ответственного канцлера (премьер-министра), двухпалатное народное представительство (Госдума, избираемая всеобщим голосованием, и Государственный совет, формируемый областными сеймами) осуществляет законодательную власть. Форму правления (республика или монархия) откладывали до решения Учредительного (Национального) собрания, что соответствовало идее непредрешения. Этот проект впитал в себя идеи европейского конституционализма (разделение властей, парламентаризм, федеративные элементы) и стал важным документальным свидетельством правовой мысли Белой России. Полный текст проекта был опубликован в эмигрантском сборнике «Архив русской революции»¹².

После Первой мировой войны на карте Центральной и Восточной Европы возникли новые национальные государства — Польша, Чехословакия, Югославия, Финляндия, страны Балтии, Венгрия, Австрия, а также значительно расширились или изменили строй Румыния, Болгария, Греция. Первоначально многие из этих «молодых демократий» стремились утвердить свою власть на основании либерально-демократических конституций, беря за образец западноевропейский опыт. Так, в Польше учредительный сейм принял 17 марта 1921 г. Мартовскую конституцию, закрепившую республиканский строй, парламентское верховенство (Сейм и Сенат) и широкий перечень демократических прав граждан. Польская конституция 1921 г. гарантировала свободу слова, печати, собраний, равенство всех перед законом, вводила всеобщее избирательное право (в том числе для женщин) и ответственное перед парламентом правительство. Аналогично в соседней Чехословакии после провозглашения независимости в октябре 1918 г. был обнародован Вашингтонский декларационный акт, утверждавший принципы демократии и равноправия в новом государстве. В 1920 г. Учредительное собрание Чехословакии приняло Конституцию 1920 г., создавшую парламентскую республику с двухпалатным Национальным собранием и президентом (Т. Г. Масариком) как главой государства, избираемым парламентом. Эта конституция юридически закрепила буржуазно-демократический характер строя Чехословакии и содержала подробный каталог гражданских прав, включая защиту прав меньшинств¹³.

Балканские и восточноевропейские страны также первоначально имели конституционные монархии с демократическими элементами. Например, объединенное Королевство сербов, хорватов и словенцев (КСХС, с 1929 г. — Югославия) приняло в июне 1921 г. Видовданскую конституцию, установившую парламентскую монархию Карагеоргиевичей. Конституция декларировала единое югославское народное государство с гарантией основных свобод, однако на практике учитывала преимущественно сербские интересы и централизованную власть Белграда. В Польской Республике наряду с Мартовской конституцией действовал Малый конституционный акт 1919 г., а также гарантировались права национальных меньшинств (польское правительство подписало так называемый Малый Версальский трактат о защите меньшинств).

Во Второй Речи Посполитой (Польше) после государственного переворота 1926 г. маршала Юзефа Пилсудского произошел отход от парламентской демократии. Тем не менее вплоть до 1935 г. продолжала формально действовать конституция 1921 г. (с поправками), и лишь в апреле 1935 г. была введена новая Апрельская конституция,

¹² Архив русской революции / под ред. Г. В. Гессена. Берлин : Слово, 1923. Т. 1. С. 263–287.

¹³ Медушевский А. Н. Конституционные циклы в Центральной и Восточной Европе // Социологический журнал. 2004. № 3–4. С. 5–23.

которая значительно усилила власть президента за счет парламента. Апрельская конституция фактически оформила авторитарный режим (санационный режим Пилсудского), легитимируя его через идею «национального вождизма»: президент получил чрезвычайно широкие полномочия, отвечая «перед Богом и историей» (без политической ответственности перед парламентом). Таким образом, Польша эволюционировала от парламентской республики к режиму с чертами авторитарного президентализма, обосновываемого необходимостью «оздоровления» государства.

В других странах региона прослеживается похожая динамика. Литва после провозглашения республики в 1918 г. приняла демократическую Конституцию 1922 г., но в результате переворота 1926 г. установился режим президента А. Сметоны, который отменил многопартийные выборы. Латвия и Эстония приняли конституции в 1922 г. с демократическими парламентами (Сейм в Латвии, Рийгикогу в Эстонии) и слабыми президентами (в Эстонии пост главы государства вообще был заменен коллегиальным «старейшиной государства»). Однако и там к середине 1930-х произошел уход к авторитаризму: в 1934 г. К. Улманис в Латвии и К. Пятс в Эстонии осуществили государственные перевороты, распустили парламента и установили режимы личной власти, мотивируя это защитой нации от «неуправляемой демократии»¹⁴.

Балканские монархии пережили сходные процессы. В Королевстве Югославия король Александр I в январе 1929 г. разогнал парламент и ввел прямую королевскую диктатуру, позже оформив ее в Конституции 1931 г., которая хотя и провозглашала некоторые свободы, но, по сути, узаконила неограниченное правление монарха. В Болгарии после демократической Тырновской конституции 1879 г. в межвоенный период также произошел авторитарный поворот: царь Борис III, опираясь на переворот 19 мая 1934 г., распустил партии и парламент, установив к концу 1930-х личный режим (хотя формально Конституция 1879 г. не была отменена, ее действие было приостановлено). В Румынии парламентская жизнь 1920-х (Конституция 1923 г., одна из самых прогрессивных в регионе) завершилась установлением королевской диктатуры Кароля II: в феврале 1938 г. он распустил парламент и ввел новую конституцию, резко ограничившую политические права и провозгласившую корпоративное государство под эгидой монарха. Даже демократическая Чехословакия, которая долго оставалась единственной сохранявшей демократические институты, в 1938–39 гг. потеряла суверенитет вследствие Мюнхенского соглашения и немецкой оккупации, что прервало ее демократическое развитие.

Формы легитимации власти в межвоенной Центральной и Восточной Европе прошли путь от либерально-демократической (1918 — начало 1920-х) к авторитарной (конец 1920-х — 1930-е). Первоначальная легитимность новых режимов основывалась на принципе национального самоопределения (национально-освободительные манифесты 1918 г., провозглашение народного суверенитета) и на конституционализме (парламенты, гарантии прав). К концу 1930-х доминирующей стала легитимация через лидера/монарха и идеологию: режимы апеллировали к необходимости национального единства, защиты от внешних и внутренних врагов, традиционных ценностей. Правители выступали в роли «отцов нации»: они считали свой народ «незрелым», требующим твердой руки, и тем оправдывали свертывание демократии. Например, латвийский лидер К. Улманис рассматривал избирателей как «недостаточно взрослых», а маршал Пилсудский в Польше откровенно презирал парламентскую систему, называя конституцию «проституцией». Тем не менее все эти режимы сохраняли внешние атрибуты законности — новые конституции, плебисциты, одобрение монархом, — то есть пытались придать своей власти юридическую форму, вписанную в континентальную правовую традицию (которой свойственно наличие конституции как основного закона даже при авторитарном характере режима).

После того как мы обзорно рассмотрели положение сравниваемых элементов, перейдем к непосредственному сравнению тех правовых категорий, к которым

¹⁴ Constitutional Order in Post-Versailles Central and Eastern Europe 1919–1939/41 / *Makłła D.* (ed.). Warsaw : Deutsches Historisches Institut, 2019. P. 45–48, 84.

обращались различные правительства в поисках источников легитимности. Континентальная правовая традиция (т. н. романо-германская, европейская континентальная) исторически выработала ряд моделей легитимации государственной власти. К началу XX в. в Европе утвердились представления о том, что легитимность власти основывается на законе и воле народа («правовое государство», конституционализм). Конституции и выборные институты стали главным инструментом придания власти легального и общепризнанного характера. В то же время сохранялись традиционные элементы легитимации — монархическая династическая законность (право династий на престол, освященное историей и религией) — и появились новые идеологические обоснования, когда вместо одного принципа народного суверенитета на первый план вышли политические идеологии. Так, национализм обосновывал власть необходимостью выражения воли определенной нации, либерализм — защитой прав и свобод граждан, коммунизм — диктатурой пролетариата во имя будущего равенства, фашизм — харизмой лидера и единством нации против внешних и внутренних врагов. Несмотря на различия, все эти модели в Европе имели юридическое оформление: даже авторитарные режимы принимали конституции и законы, придавая своим идеологиям форму права (пример — фашистская Италия сохраняла статуты Королевства, на основе которых Муссолини правил; нацистская Германия формально действовала по Веймарской конституции с поправками)¹⁵.

Евразийский контекст легитимации власти часто предполагает синтез восточных (азиатских, степных) традиций и европейских заимствований. Понятие «Евразия» применимо прежде всего к Российской империи и прилегающим обществам, где европейские правовые идеи взаимодействовали с местными условиями. К началу XX в. российская политико-правовая культура существенно отставала от западноевропейской в части конституционализма: самодержавная монархия в России до 1905 г. не признавала принципов разделения властей и народного представительства. Модели легитимации в Российской империи традиционно базировались на божественном праве монарха (православная концепция царской власти) и на имперской идее — объединяющей роли царя для множества народов Евразии. После революций 1905 и 1917 гг. в российское пространство вошли и европейские модели: появилась Конституция 1906 г. (Основные законы Российской империи после Манифеста 17 октября), учреждавшая парламент (Государственную думу) — попытка легитимации через народное представительство, хотя царь сохранил обширные полномочия. Февральская революция 1917 г. провозгласила республику и демократию, но эти принципы быстро сменились более радикальными.

Гражданская война в бывшей империи стала ареной столкновения двух новых идеологий легитимации: большевистской (советская власть опиралась на марксистскую доктрину — легитимность через классовую революцию, диктатуру пролетариата) и белой (которая апеллировала к реставрации законности, Учредительному собранию, национальному спасению). Белое движение, хотя и воевало против советов, во многом привнесло в евразийский контекст европейские правовые идеи. Их лидеры были носителями дореволюционной образованности, многие — юристы, офицеры, знакомые с западными конституционными теориями. Например, видные правоведы, работавшие с белыми правительствами (П. Г. Виноградов, В. А. Маклаков, С. А. Корф, И. А. Ильин), дискутировали о том, нужна ли России писаная конституция по западному образцу или лучше неписаная (как в Британской империи)¹⁶. Многие из них склонялись к конституционной монархии с законом ограниченной властью монарха, другие — к республике, но все сходились в том, что будущая власть должна основываться на праве, а не на одной лишь силе оружия. Таким образом, Белая Россия попыталась соединить традиционную монархическую легитимность (преемственность Российской государственности, единая и неделимая империя) и конституционно-демократическую (воля народа через Учредительное собрание).

¹⁵ Constitutional Order in Post-Versailles Central and Eastern Europe 1919–1939/41. P. 101–104.

¹⁶ Кудинов О. А. Конституционные проекты Белого движения в годы Гражданской войны в России // История государства и права Советской России. 2006. № 2. С. 33–35.

Практически это выразилось в провозглашении диктатуры «лишь на время войны» с обещанием конституционных свобод впоследствии.

Сравнивая европейские модели и их евразийские проявления, можно выделить несколько ключевых концептов легитимации:

1. В Западной и Центральной Европе после 1918 г. это главный принцип (республиканские конституции, выборные органы). В Белом движении — декларируется уважение к народному волеизъявлению (новые выборы в Учредительное собрание), но откладывается на поствоенный период. Белые правительства опирались на юридическую преемственность (дореволюционные законы) и временные законодательства, стараясь сохранить видимость правового поля даже в отсутствие общепризнанной конституции.

2. Европейская континентальная традиция после Первой мировой войны приняла идею каждой нации — свое государство (отсюда независимость Польши, Финляндии, стран Балтии и т.д., подкрепленная международным признанием). Белое движение, напротив, легитимировало себя идеей восстановления «единой и неделимой» многонациональной России. Отсюда негативное отношение белых к отделению окраин: ни Колчак, ни Деникин не признали независимость Украины, Кавказа или Средней Азии, считая своей миссией вернуть территории под центральную власть (что они считали условием легитимности всей власти). В европейском контексте такое имперское мышление уже противоречило духу Версальско-вашингтонской системы — но белые видели легитимность именно в преемственности Российской империи.

3. В континентальной Европе к 1920 г. большинство монархий стали конституционными, а республики — парламентскими. Однако 1930-е вернули авторитарную диктатуру (личную власть) как модель легитимации (через культ вождя, «отца народа»). В евразийской (российской) среде идея харизматичной личности как источника власти тоже была сильна: и белые, и красные опирались на авторитет лидеров (генералы — Колчак, Деникин; у красных — Ленин, Троцкий). Белые называли свою диктатуру «национальной» и оправдывали ее высшими интересами нации, что сходно с риторикой, скажем, режимов Пилсудского или Муссолини. Отличие в том, что белые не успели институционализировать свою диктатуру в мирное время — она оставалась военной необходимостью, тогда как в Европе диктатуры получили долговременное оформление (законы о чрезвычайных полномочиях, однопартийная система и т.п.).

4. На европейском континенте межвоенного периода соревновались либеральная демократия, коммунизм и фашизм как идеологические основы легитимности. В евразийском (советском) контексте победил коммунистический вариант: СССР провозгласил новую легитимность — власть Советов, что отвергало и царизм, и идеи белых как «буржуазно-демократические». Белое движение в эмиграции продолжило диалог с европейским правом — многие белые правоведы (И. Ильин, Н. Н. Алексеев, Б. Э. Нольде) участвовали в теоретических дискуссиях, пытаясь синтезировать русский опыт и западные теории государственного права. Их труды по правовой государственности, федерализму и демократии стали частью интеллектуального наследия, связывающего довоенную Россию с европейской правовой мыслью. Современные исследователи подчеркивают, что белая альтернативная модель развития России представляла собой попытку реализовать «несбывшийся либерально-конституционный путь» России в русле западной демократии.

Европейская континентальная традиция к началу XX в. делала акцент на правовых процедурах и национальном принципе, тогда как евразийская (русская) практика зачастую ставила государственное единство и преемственность выше принципа самоопределения. Однако Белое движение в целом вписывалось в логику континентального правопорядка — оно несло с собой идеи парламентаризма, права и свобод, которые просто были отложены до «лучших времен». Это подтверждает, что модели легитимации власти в континентальной Европе служили ориентиром и для евразийского пространства, хотя реализовывались там с существенными поправками на особую политическую ситуацию и историческое наследие.

Белые конституционные проекты находятся в одном ряду с европейскими конституциями того времени, а легитимация власти должна рассматриваться сравнительно — чтобы понять, почему одни модели (демократия, правовое государство) прижились в одних частях Европы, а в других (включая Евразию) на долгие годы утвердились иные (тоталитарные) формы. Такой подход позволяет полнее оценить место белого правового наследия: оно служит мостом между дореволюционной Россией и европейской правовой традицией, демонстрируя, что наша страна могла бы развиваться по пути, более созвучному остальной Европе, и что элементы этого пути позднее все равно пробились в российскую правовую систему.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Белое дело : Избранные произведения. Дон и Добровольческая армия. — М. : Голос, 1992. — 416 с.
2. Бутаков Я. А. Белое движение на Юге России: концепция и практика государственного строительства (конец 1917 — начало 1920 г.). — М. : Изд-во РАГС, 2000. — 248 с.
3. Бутаков Я. А. Гражданская война в России: альтернативные модели государственного строительства и управления. — М. : Изд-во РАГС, 2001. — 347 с.
4. Воспоминания ген. П. Н. Врангеля. — М. : Вита Нова, 1992. — Ч. 2. — 472 с.
5. Деникин А. И. Очерки русской смуты. — М., 1991. — Т. 3–4. — 423 с.
6. Зайнутдинов Д. Р. Конституционная доктрина «белой» России: писаная и неписаная конституция // Актуальные проблемы государства и права. — 2021. — Т. 5. — № 20. — С. 627–644.
7. Зимица В. Д. Белое движение и российская государственность в период Гражданской войны. — Волгоград : Издательство ВолГУ, 1997. — 200 с.
8. Зимица В. Д. Белое дело взбунтовавшейся России: политические режимы Гражданской войны. — М. : РАГС, 2006. — 304 с.
9. Исаев И. А. У входа в Новое время: политическое единство или политическая целостность? // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2024. — № 1 (12). — С. 23–30.
10. Колчак А. В. Декларация Верховного Правительства от 6 декабря 1918 г. // Сибирская речь (Омск). — 1918. — 7 дек.
11. Кудинов О. А. Конституционные проекты Белого движения в годы Гражданской войны в России // История государства и права Советской России. — 2006. — № 2. — С. 30–37.
12. Кудинов О. А. Российский конституционализм в годы революции, Гражданской войны и в эмиграции (1917–1940-е гг.). — М. : МЭСИ, 2001. — 190 с.
13. Медушевский А. Н. Конституционные циклы в Центральной и Восточной Европе // Социологический журнал. — 2004. — № 3–4. — С. 5–23.
14. Токарева Д. В. Конституционно-правовые концепции государственных преобразований в программных документах Белого движения // Известия вузов. Поволжский регион. Гуманитарные науки. — 2010. — № 4 (16). — С. 3–10.
15. Трухан Г. А. Антибольшевистские правительства России / Ин-т рос. истории РАН. — М. : ИРИ РАН, 2000. — 255 с.
16. Makitła D. (ed.) Constitutional Order in Post-Versailles Central and Eastern Europe 1919–1939/41. — Warsaw : Deutsches Historisches Institut, 2019. — 430 p.

REFERENCES

1. The White Movement: Selected Works. The Don and the Volunteer Army. Moscow: Golos Publ.; 1992. (In Russ.).
2. Butakov YA. The White Movement in the South of Russia: The concept and practice of state building (the end of 1917 — the beginning of 1920s). Moscow: Publishing House of RAGS, 2000. (In Russ.).

3. Butakov YA. Civil War in Russia: Alternative Models of State Building and Management. Moscow: RAGS Publ.; 2001. (In Russ.).
4. Memoirs of General P.N. Wrangel. Part 2. Moscow: Vita Nova Publ.; 1992. (In Russ.).
5. Denikin AI. Essays on Russian Unrest. Vols. 3-4. Moscow: 1991. (In Russ.).
6. Zainutdinov DR. The constitutional doctrine of «White» Russia: A Written and Unwritten Constitution. *Actual Problems of the State and Law*. 2021;5(20):627-644. (In Russ.).
7. Zimina VD. The White Movement and Russian Statehood during the Civil War. Volgograd: VolsU Publ.; 1997. (In Russ.).
8. Zimina VD. The White Cause of Rebellious Russia: Political Regimes of the Civil War. Moscow: RAGS Publ.; 2006. (In Russ.).
9. Isaev IA. At the Entrance to the Early Modern Period: Political Unity or Political Integrity? *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2024;1(12):23-30. (In Russ.). DOI: 10.17803/2311-5998.2024.124.12.023-030.
10. Kolchak AV. Declaration of the Supreme Ruler of December 6, 1918. Siberian speech (Omsk). 1918. (In Russ.).
11. Kudinov OA. Constitutional projects of the White movement during the Civil War in Russia. *History of the State and the Law of Soviet Russia*. 2006;2:30-37. (In Russ.).
12. Kudinov OA. Russian constitutionalism during the years of the revolution, the Civil War and in exile (1917–1940s). Moscow: MESI Publ.; 2001. (In Russ.).
13. Medushevsky AN. Constitutional cycles in Central and Eastern Europe. *Sociological Journal*. 2004;3-4:5-23. (In Russ.).
14. Tokareva DV. Constitutional and legal concepts of state transformations in the program documents of the White movement. *Izvestija vuzov. Volga region. Humanities*. 2010;4(16):3-10. (In Russ.).
15. Trukan GA. Anti-Bolshevik Governments of Russia. Institute of History of the Russian Academy of Sciences. Moscow: IRI RAS Publ.; 2000. (In Russ.).
16. Makiła D. (ed.) Constitutional Order in Post-Versailles Central and Eastern Europe 1919–1939/41. Warsaw: Deutsches Historisches Institut Publ.; 2019.

DOI: 10.17803/2542-2472.2025.36.4.059-066

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ОБ ОБРАЗОВАНИИ КАК ОТРАЖЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КАДРОВОЙ ПОЛИТИКИ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД (1918–1954)

Максимова Ольга Дмитриевна,

профессор кафедры международного и публичного права Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент
105187, Россия, г. Москва, Щербаковская ул., д. 38
odmaksimova@fa.ru

© Максимова О. Д., 2025

***Аннотация.** В статье рассматриваются значимые законодательные акты Советского государства, регулировавшие вопросы образования с 1918 по 1954 г. Специалитет как уровень высшего образования был разработан в СССР и успешно обеспечивал народное хозяйство квалифицированными кадрами. Становление советской системы образования происходило поэтапно. К наиболее значимым достижениям советской системы образования в рассматриваемый период следует отнести: 1) введение всеобщего школьного образования в первые годы Советской власти и достижение всеобщей грамотности населения; 2) обеспечение промышленности инженерами и техниками в период индустриализации; 3) активное развитие заочной и вечерней форм образования в послевоенный период для повышения доступности среднего и высшего образования для трудящихся. Существенную роль в достижении целей государственной кадровой политики сыграло конституционное закрепление права на образование. Несмотря на временные и вынужденные отступления от принципа бесплатности образования, в итоге цель, указанная в Конституции 1936 г., была достигнута в послевоенный период. Для анализа советского законодательства об образовании в статье использовались методы семиотики, что помогло глубже понять, каким образом законодатель формулировал положения нормативных правовых актов и какие факторы влияли на принятие таких решений.*

***Ключевые слова:** образование; советское законодательство; единая школа; высшая школа; право на образование; подготовка специалистов; специалитет; заочная форма обучения; кадровая политика.*

EDUCATION LEGISLATION AS A REFLECTION OF STATE PERSONNEL POLICY IN THE SOVIET PERIOD (1918–1954)

Olga D. Maximova,

Dr. Sci. (Law), Associate Professor; Professor, Department of International and Public Law, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

odmaksimova@fa.ru

Abstract. *The paper examines major legislative acts of the Soviet State that regulated education from 1918 to 1954. «Spetsialitet» programs as a level of higher education were developed in the USSR and effectively supplied the national economy with qualified personnel. The formation of the Soviet education system occurred in stages. The most important achievements of the Soviet education system in the period under review include: 1) the introduction of universal schooling in the early years of Soviet power and the attainment of universal literacy; 2) the provision of industry with engineers and technicians during the period of industrialization; 3) the active development of correspondence and evening forms of education in the post-war period to expand access to secondary and higher education for workers. The constitutional enshrinement of the right to education played a significant role in achieving the goals of state personnel policy. Despite temporary and forced departures from the principle of free education, the objective set out in the 1936 Constitution was ultimately realized in the post-war period. To analyze Soviet education legislation, the paper employs semiotic methods, which facilitate a deeper understanding of how legislators formulated the provisions of regulatory legal acts and of the factors that influenced those decisions.*

Keywords: *education; Soviet legislation; a single school; high school; the right to education; training of specialists; spetsialitet; correspondence training; personnel policy.*

Советское законодательство — ценный источник сведений о развитии системы отечественного образования. В ходе обсуждений проектов советских законов вырабатывались кадровая политика Советского государства и требования к образованию.

Актуальность изучения особенностей советской системы образования в современной России возросла в связи с отказом от Болонской системы и возвратом от бакалавриата и магистратуры к специалитету как уровню высшего образования, который был разработан в советский период. Отметим, что в настоящее время в России в качестве одной из целей развития является устойчивая и динамичная экономика, а для ее достижения предусматривается создание системы профессиональной подготовки и повышения квалификации кадров для приоритетных отраслей с учетом прогнозируемой потребности. Данная формулировка похожа на формулировки советского законодательства об образовании. Анализ текстов советских нормативных правовых актов, а также изучение их толкований и актов реализации может дать более глубокое и точное понимание развития системы отечественного образования в ее тесной связи с кадровой политикой государства. Для более качественной работы с текстами советских законов можно было бы применить методы семиотики, так как семиотические объекты рассматриваются как «мыслящие структуры» и «некоторые тексты из хронологически более ранних пластов вносятся в культуру, взаимодействуя с ее современными механизмами»¹.

На первом этапе развития советской системы образования решалась задача введения всеобщего начального образования. Несомненно, что именно Советская власть за 70 лет своего существования достигла всеобщей грамотности и образованности

¹ Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. СПб. : Азбука, 2016. С. 441. См. также: Бикс Б. Право, язык и правовая определенность. М. : Канон плюс, 2024. 304 с.

населения страны. До Октябрьской революции дело всеобщего народного образования развивалось медленно и процент неграмотного населения оставался высоким. Например, А. Г. Рашин в труде «Население России за 100 лет (1813–1913)» отмечал, что грамотность находилась на низком уровне и в 1913 г. более 60 % населения старше 8 лет оставались неграмотными². В Российской империи так и не было введено всеобщее начальное обучение, хотя соответствующий проект был подготовлен в 1908 г. под названием «О введении всеобщего начального обучения в Российской империи». Инициатором внесения этого проекта в Государственную думу Российской империи была конституционно-демократическая партия. В этом документе предлагалось обучение детей обоего пола в течение 4 лет. Ответственными за реализацию всеобщего начального обучения предполагалось назначить учреждения местного самоуправления³.

Советская власть закрепила достижение в стране всеобщего школьного образования в качестве задачи в ст. 17 Конституции РСФСР 1918 г. Для реализации этой задачи в октябре 1918 г. был издан Декрет ВЦИК «О единой трудовой школе Российской Социалистической Федеративной Советской Республики». Советскую школу было решено назвать «единой», потому что декретом упразднялось деление учебных заведений на училища и гимназии. Обучение должно было длиться девять лет и имело две ступени. Провозглашалось бесплатное обучение, посещение школы являлось обязательным. Количество учеников в классе устанавливалось до 25 человек, для сравнения — в дореволюционном проекте планировалось до 50 человек. Согласно декрету 1918 г. советская школа называлась трудовой, при этом давалось разъяснение, что труд «органически связан с обучением, освещающим светом знания всю окружающую жизнь»⁴. При этом подчеркивалось, что труд школьников не связан с возмещением расходов на образование. Назовем ряд важных нововведений советской школы согласно закону 1918 г. Школы были открыты для посещения учащихся семь дней в неделю, домашние задания не предусматривались, отменялись все экзамены, вводились обязательные горячие завтраки, школьники должны были состоять под регулярным наблюдением медицинских работников.

Следующим этапом в развитии образования, который был закреплён в советском законодательстве, было создание системы высшего образования. 12 июля 1928 г. Пленум ЦК ВКП(б) заслушал доклад В. М. Молотова, члена Политбюро ЦК ВКП(б), «Об улучшении подготовки новых специалистов (ВТУЗы)». В. М. Молотов подготовил данный доклад по итогам работы специальной комиссии, которая изучала деятельность Наркомпроса РСФСР в связи с кадровой проблемой в промышленности, остро обозначившейся в ходе расследования Шахтинского дела. Целью партии и советского государства становилось: выиграть экономическую конкуренцию у передовых индустриальных стран за счет максимальной реализации возможностей через обучение специалистов из рабочей среды, и в целом — трудящихся масс⁵. В. М. Молотов предлагал использовать западный опыт и сократить срок подготовки специалистов с 5–6 лет до 3–4 лет. Наиболее важным моментом в докладе В. М. Молотова был вопрос о передаче нескольких втузов в ведение ВСНХ и НКПС из системы Наркомпроса. Говоря о недочетах Наркомпроса РСФСР, докладчик особое внимание уделил опыту института имени Каган-Шабшая. Обращалось внимание участников пленума на то, что данный институт «не пользуется никаким уважением, никакой любовью, никакой поддержкой» Наркомпроса. Однако опыт этого учебного заведения может быть

² Рашин А. Г. Население России за 100 лет (1813–1913). Статистические очерки / под ред. акад. С. Г. Струмилина. М. : Гос. стат. изд-во, 1956. С. 311.

³ П. А. Столыпин. Программа реформ : документы и материалы : в 2 т. М. : Росспэн, 2011. Т. 1. С. 625–626.

⁴ Культура, наука и образование. Октябрь 1917–1920 г. : Протоколы и постановления Наркомпроса РСФСР : в 3 кн. М. : Росспэн, 2012. Кн. 1 : Октябрь 1917–1918 г. С. 609.

⁵ Как ломали нэп. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б). 1928–1929 : в 5 т. М. : МФД, 2000. Т. 2 : Пленум ЦК ВКП(б) 4–12 июля 1928 г. / отв. ред. В. П. Данилов, О. В. Хлевнюк, А. Ю. Ватлин. С. 526.

полезен, так как хотя срок обучения всего два года, но на бирже труда безработных инженеров, окончивших этот институт, практически нет. На указанном пленуме партии выступил А. В. Луначарский — нарком просвещения РСФСР. Он высказал свои возражения на доклад В. М. Молотова. Так, он посетовал, что в деле подготовки специалистов нет плана, хотя проработка такого документа ведется. Нарком выразил озабоченность по вопросу материальной обеспеченности системы образования. Кроме того, А. В. Луначарский возражал против передачи вузов в ведение ВСНХ, так как эта идея, с его точки зрения, была негодной и дезорганизующей. Несмотря на возражения наркома просвещения пленум партии принял резолюцию «Об улучшении подготовки новых специалистов».

На основании партийного решения было принято постановление ЦИК и СНК СССР от 29.08.1928 «О подготовке новых специалистов, их распределении и использовании»⁶. В этом постановлении обращают на себя внимание следующие важные положения: а) Госплану СССР было поручено в первом пятилетнем плане предусмотреть к концу пятилетки увеличение процента инженеров вдвое; б) закреплялось одновременное усиление роли производственного обучения и повышение уровня научно-теоретической подготовки; в) предполагалось составить новые учебные планы для технических вузов при участии хозяйственных и профсоюзных органов, чтобы в них учитывались потребности производства и новейшие достижения науки и техники.

Еще одним важным документом, регулировавшим высшее образование в СССР, было постановление ЦИК и СНК от 15.09.1933 «Об улучшении использования молодых специалистов»⁷. Этим актом впервые вводилась норма, действие которой в том или ином виде распространилось на многие десятилетия, — обязанность выпускников вузов отработать определенное время по полученной специальности. Тогда был установлен норматив отработки на производстве по распределению профильных наркоматов в течение пяти лет.

Благодаря успешной реализации норм вышеназванных законодательных актов об образовании в Конституции СССР 1936 г. появилась известная ст. 121, согласно которой впервые у советских граждан появилось конституционное право на получение образования. В этой статье была закреплена всеобщая обязательность начального образования, а также бесплатность образования, в том числе и высшего. Конституция 1936 г. закрепила принцип приоритетности образовательной подготовки трудящихся. Для его практического воплощения требовалось организовать систему производственного, технического и агрономического обучения на промышленных и сельскохозяйственных предприятиях. С этой целью 29 августа 1938 г. было принято постановление СНК СССР «О высшем заочном обучении». В преамбуле данного документа подчеркивалась прикладная значимость заочной формы при получении высшего образования и ее особая роль в подготовке квалифицированных специалистов без отрыва от производства.

Однако в 1940 г. Советскому государству пришлось отступить от достигнутого на тот момент высокого стандарта образования, установленного Основным законом. В изданном 2 октября 1940 г. Советом народных комиссаров СССР постановлении № 1860 вводилась плата за обучение в старших классах средних школ и в высших учебных заведениях СССР. Этим же постановлением менялся порядок назначения стипендий. Надо отдать должное честности советского законодателя, заключавшейся в прямой ссылке на то, что плата за образование вводилась из-за «значительных расходов Советского государства на строительство, оборудование и содержание непрерывно возрастающей сети средних и высших учебных заведений». С формальной точки зрения данная мера была нарушением советской конституционной нормы о бесплатном образовании. Но данная мера представляется оправданной,

⁶ Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР. 1928 г. № 36–61. Ст. 513.

⁷ Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР за 1933 г. № 59. Отдел первый. М., 1948. Ст. 356.

если учитывать сложную предвоенную политическую и экономическую ситуацию, в которой оказалось Советское государство. Платность образования в СССР была отменена только в 1956 г. постановлением Совета Министров СССР № 1077.

В данном случае мы сталкиваемся с уникальной сущностной характеристикой конституции, на которую обратил внимание И. А. Исаев. Он указывает, что она «существует “как бы в двух временах”. Эта характеристика объединяет в себе “прошедшее, устоявшееся, традиционное и привычное”, и в то же время “она... открывает перспективы будущему, становлению, изменениям, развитию”». Более того, как считает И. А. Исаев, она открывает «воображаемые (еще не реализованные) перспективы развития»⁸. Таким образом, конституция как основной закон «вносит неожиданную подвижность в социальные институты, стремясь придать им больше справедливости и свободы»⁹.

В послевоенный период продолжалось усовершенствование системы высшего образования в СССР. Одним из самых значимых законодательных актов этого периода было постановление Совета Министров СССР и ЦК КПСС от 30.08.1954 № 1863 «Об улучшении подготовки, распределения и использования специалистов с высшим и средним специальным образованием». Это постановление определило дальнейший вектор и дало старт следующему этапу развития системы образования СССР и его государственной кадровой политики. Количественное измерение эффективности данного решения выразилось в кратном росте числа выпускников вузов: если в 1940 г. из их стен выпустилось 126,1 тыс. чел., то в последний год семилетки, в 1965 г., численность выпускников составила 403,9 тыс. чел. и продолжала неуклонно расти в течение VIII–X пятилеток (в 1970 г. — 630,8; в 1975 г. — 713,4; в 1976 г. — 734,6 тыс. чел.)¹⁰. Следует обратить внимание, что данный правовой акт утратил силу лишь в феврале 2020 г. Некоторые положения, установленные в этом акте, продолжают действовать в системе высшего образования современной России. Назовем наиболее известные нормы указанного правового акта. Госплан СССР и Министерство высшего и среднего специального образования СССР обязывались обеспечивать выпуск специалистов в соответствии с потребностями народного хозяйства. Предполагалось переработать учебные планы в соответствии с новым перечнем специальностей и для устранения многопредметности ввести, наряду с обязательными дисциплинами, факультативы, а также увеличить в планах время на самостоятельную работу студентов. Были установлены: продолжительность учебной недели — не более 36 часов, предельное количество экзаменов в сессию — 4–5 экзаменов, а также утверждена система оценок успеваемости — «отлично», «хорошо», «удовлетворительно» и «неудовлетворительно». Серьезное внимание было уделено практической подготовке студентов. Предусматривалась производственная практика на передовых предприятиях в течение всего года, в 3–4 потока. На директоров и главных инженеров предприятий была возложена персональная ответственность за организацию практики. И наконец, постановление требовало от руководителей предприятий предоставление жилой площади студентам во время прохождения практики.

К постановлению 1954 г. было добавлено приложение № 2, в котором предусматривались мероприятия по развитию заочного и вечернего образования. Данные мероприятия имели значительное влияние на развитие советской системы образования и обеспечение народного хозяйства СССР кадрами. Так, в п. 7 для заочных высших и средних специальных учебных заведений была установлена ежегодная 30-дневная лабораторно-экзаменационная сессия с отрывом от производства. Согласно п. 10 руководители предприятий и учреждений обязывались создавать для заочников и вечерников необходимые условия для непрерывной и нормальной учебной работы.

⁸ Исаев И. А. Алхимия власти. М. : Проспект, 2025. С. 129.

⁹ Исаев И. А. Основная норма («скрыжали революционного закона») // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 8. С. 25.

¹⁰ Народное хозяйство СССР за 60 лет. Юбилейный статистический ежегодник. М. : Статистика, 1977. С. 595.

Действенность мер по развитию заочной формы обучения подтверждается результатами социологических исследований. Например, В. А. Калмык в работе «К программе исследования трудовой карьеры» в 1974 г. писала: «Образование — основной фактор продвижения. Выходцы из малообеспеченных семей обнаруживают наибольшее стремление к продвижению, к учебе без отрыва от производства, поскольку им менее доступно очное образование»¹¹. Любопытный расчет по государственным расходам на подготовку инженеров был представлен в 1966 г. в работе Д. Я. Яшина «Бюджет времени трудящихся промышленного предприятия и резервы роста производительности труда»¹². Он констатировал, что в 1965 г. государственные расходы на подготовку 1 250 специалистов технической специализации составили 6,2 млн руб., а доля ИТР в доходе предприятия составила 3,85 млн руб. Следовательно, инженеры и техники окупали расходы на их подготовку примерно за два года. Далее автор моделирует такую ситуацию: принимая во внимание, что инженер или технический работник в среднем осуществляет профессиональную деятельность в течение двадцати лет, можно установить, что за этот период он лично производит прибавочный продукт в размере 61 тыс. 600 руб. Таким образом, затраты на его подготовку возмещаются приблизительно двенадцатикратно. Эти ориентировочные расчеты относятся к выпускникам дневных отделений вузов и техникумов. В то же время, по оценке Д. Я. Яшина, подготовка специалистов в рамках вечернего обучения обходится государству в 3–4 раза дешевле, а при заочной форме — дешевле уже в 8–10 раз по сравнению с очной. Следовательно, деятельность инженерно-технических работников, получивших профессиональную квалификацию через вечерние и заочные отделения, обеспечивали государству сравнительно оперативное возмещение средств, вкладываемых в образование¹³.

Вышеприведенные сведения позволяют утверждать, что советскому государству было экономически выгодно развивать заочную форму обучения, однако разница в государственных расходах на очную и заочную формы обучения всё же заставляет задуматься, так как она не могла не сказаться на качестве образования.

Изучение советского законодательства об образовании «проливает в какой-то мере свет» на идеи и намерения руководителей государства, партийных и государственных деятелей, на их видение системы образования и дает нам понимание того, что представляет собой право на образование в СССР. Для более глубокого изучения текстов советских законов целесообразно использовать методы семиотики и аналитической философии. Освоение новых методов исследования — задача историков права, а как известно, «история права, верный спутник юриста в рациональном и иррациональном государственно-правовом мировоззрении, остается вне конкуренции при постижении идей и идеалов, выборе эпистем»¹⁴.

Принятие закона о единой трудовой школе в 1918 г. и его реализация обеспечили в стране всеобщую грамотность населения.

Становление и развитие высшего образования в СССР — это в первую очередь развитие высшего технического образования. Подготовка специалистов с высшим образованием для промышленности изначально велась на основе плана и была связана с планами первых пятилеток. В основе системы высшего и среднего специального образования в Советском государстве лежала идея тесной связи учебы и практики, науки и производства.

¹¹ Калмык В. А. К программе исследования трудовой карьеры // Методологические проблемы социологического исследования мобильности трудовых ресурсов / отв. ред. Т. И. Заславская, Р. В. Рывкина. Новосибирск : Наука. Сиб. отд., 1974. С. 214.

¹² Яшин Д. Я. Бюджет времени трудящихся промышленного предприятия и резервы роста производительности труда // Опыт экономико-социологических исследований в Сибири. Новосибирск : Наука. Сиб. отд., 1966. С. 68–76.

¹³ Яшин Д. Я. Указ. соч. С. 74–75.

¹⁴ Румянцева В. Г. История и будущее права: трансформация идей и образов // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 5. С. 102.

Важной характеристикой советской системы образования было ее стремление привлечь к получению образования детей рабочих, молодежи из малообеспеченных семей. Для решения этой задачи активно развивались заочная и вечерняя формы обучения. Заочное обучение — важное достижение и особенность советского высшего образования, повысившая доступность высшего образования для граждан, однако надо признать, что у данной формы образования были и есть существенные недостатки.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бикс Б. Право, язык и правовая определенность. — М. : Канон плюс, 2024. — 304 с.
2. Исаев И. А. Алхимия власти. — М. : Проспект, 2025. — 144 с.
3. Исаев И. А. Основная норма («скрижали революционного закона») // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2018. — № 8. — С. 25–33.
4. Как ломали нэп. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б). 1928–1929 : в 5 т. Т. 2 : Пленум ЦК ВКП(б) 4–12 июля 1928 года / отв. ред. В. П. Данилов, О. В. Хлевнюк, А. Ю. Ватлин. — М. : МФД, 2000. — 718 с.
5. Калмык В. А. К программе исследования трудовой карьеры // Методологические проблемы социологического исследования мобильности трудовых ресурсов / отв. ред. Т. И. Заславская, Р. В. Рывкина. — Новосибирск : Наука. Сиб. отд., 1974. — С. 208–248.
6. Культура, наука и образование. Октябрь 1917–1920 г. : Протоколы и постановления Наркомпроса РСФСР : в 3 кн. Кн. 1 : Октябрь 1917–1918 г. — М. : Росспэн, 2012. — 1175 с.
7. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. — СПб. : Азбука, 2016. — 446 с.
8. Народное хозяйство СССР за 60 лет. Юбилейный статистический ежегодник. — М. : Статистика, 1977. — 712 с.
9. П. А. Столыпин. Программа реформ : документы и материалы : в 2 т. Т. 1. — М. : Росспэн, 2011. — 763 с.
10. Рашин А. Г. Население России за 100 лет (1813–1913). Статистические очерки / под ред. акад. С. Г. Струмилина. — М. : Гос. стат. изд-во, 1956. — 324 с.
11. Румянцева В. Г. История и будущее права: трансформация идей и образов // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2021. — № 5. — С. 97–103.
12. Яшин Д. Я. Бюджет времени трудящихся промышленного предприятия и резервы роста производительности труда // Опыт экономико-социологических исследований в Сибири. — Новосибирск : Наука. Сиб. отд., 1966. — С. 68–76.

REFERENCES

1. Biks B. Law, Language and Legal Certainty. Moscow: Canon plus Publ.; 2024. (In Russ.).
2. Isaev IA. Alchemy of Power. Moscow: Prospekt Publ.; 2025. (In Russ.).
3. Isaev IA. The Basic Norm (“Tablets of the Revolutionary Law”) // *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. — 2018. — No. 8. — P. 25–33.
4. Danilov VP, Khlevnyuk OV, Vatlin AYU (eds.). How the NEP was broken. Transcripts of the Plenums of the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks. 1928–1929: In 5 vols. Vol. 2: Plenum of the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks July 4–12, 1928. Moscow: MFD Publ.; 2000. (In Russ.).
5. Kalmyk VA. To the program for the study of labor career. In: Zaslavskaya TI, Ryvkina RV (eds.). Methodological problems of the sociological study of labor mobility. Novosibirsk: Nauka. Sibirskoye otdelenie Publ.; 1974. (In Russ.).
6. Culture, science and education. October 1917–1920: Protocols and resolutions of the People’s Commissariat of Education of the RSFSR: In 3 books. Book 1: October 1917–1918. Moscow: Rosspan Publ.; 2012. (In Russ.).
7. Lotman YuM. Inside thinking worlds. St. Petersburg: ABC Publ.; 2016. (In Russ.).

8. National economy of the USSR for 60 years. Anniversary Statistical Yearbook. Moscow: Statistika Publ.; 1977. (In Russ.).
9. P.A. Stolypin. Reform program: documents and materials: In 2 vols. Vol. 1. Moscow: Rosspar Publ.; 2011. (In Russ.).
10. Strumilin SG (ed.), Rashin AG. The population of Russia for 100 years (1813–1913). Statistical essays. Moscow: Gos. stat. isd-vo Publ.; 1956. (In Russ.).
11. Rumyantseva VG. History and future of law: transformation of ideas and images. *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2021;(5):97-103. (In Russ.). DOI: 10.17803/2311-5998.2021.81.5.097-103.
12. Yashin DYa. Time budget of workers of an industrial enterprise and reserves of growth in labor productivity. In: Experience of Economic and Sociological Research in Siberia. Novosibirsk: Nauka. Sibirskoe otdelenie Publ.; 1966. (In Russ.).

DOI: 10.17803/2542-2472.2025.36.4.067-073

ФИНАНСОВЫЙ РЫНОК ИННОВАЦИОННОЙ ЭПОХИ: АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ РЕЖИМЫ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БАНКА РОССИИ

Королев Павел Евгеньевич,
магистрант Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
125933, Россия, г. Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9
korolevmultipass@yandex.ru

© Королев П. Е., 2025

Аннотация. В работе через призму как теоретических положений административного, финансового и банковского права, так и ряда нормативных положений действующего законодательства Российской Федерации исследован вопрос становления административно-правовых режимов в сфере цифровых инноваций на финансовом рынке. Автором последовательно делается вывод о значимой роли Банка России в рамках нормативно-методического обеспечения внедрения высокотехнологической инфраструктуры, меняющей каждодневную хозяйственную деятельность участников банковских и денежно-кредитных, валютных, страховых и складывающихся по поводу ценных бумаг общественных отношений. Указанный процесс становится привычным явлением современной хозяйственной деятельности, в том числе благодаря модернизации механизмов административно-правового режима. Сегодня это не только исключительная форма публичного управления для скорейшего предупреждения угроз при помощи ограничений и запретов, но и экспериментальные правовые нормы, нацеленные на претворение в жизнь продуктов инновационной деятельности. Банк России, будучи ответственным за организационную структуру платформы цифрового рубля и платежной системы мегарегулятора, предусматривая возможность проведения дистанционных проверок поднадзорных лиц или же совершенствуя электронный документооборот в области лицензирования, способствует тому, чтобы финансовый рынок отвечал тенденциям цифровизации. Вместе с тем отдельное внимание автор уделяет исследованию нормативного регулирования цифровых инноваций в рамках экспериментальных правовых режимов. Автор приходит к выводу, что осуществляющий отдельные государственно-властные функции в рамках публичного управления эмиссионный банк сегодня возможно причислить к полномочным субъектам инновационных административно-правовых режимов. Тем не менее для надлежащей практической реализации передовых технологий требуется не только эволюция правового регулирования и организационной структуры финансового сектора, но и сбалансированное экономическое развитие Российской Федерации в целом. Совершенствование механизмов обеспечения законности при помощи комплекса административно-правовых режимов, а также повышение уровня финансовой грамотности граждан есть ключ к инновационному развитию нашего государства.

Ключевые слова: административно-правовой режим; финансовый рынок; инновации; Банк России; мегарегулятор; юридические лица публичного права; цифровая экономика; публичное управление; государственно-властные функции; публичные полномочия.

THE FINANCIAL MARKET OF THE INNOVATION ERA: ADMINISTRATIVE AND LEGAL REGIMES IN THE ACTIVITIES OF THE BANK OF RUSSIA

Pavel E. Korolev,

Master's Student, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
korolevmultipass@yandex.ru

Abstract. *The study examines, through the prism of both the theoretical tenets of administrative, financial, and banking law and a number of normative provisions of the current legislation of the Russian Federation, the formation of administrative law regimes in the field of digital innovations on the financial market. The author consistently concludes that the Bank of Russia plays a significant role in the normative and methodological support for the introduction of high-technology infrastructure that is transforming the day-to-day economic activities of participants in banking, monetary-credit, foreign-exchange, insurance, and emerging securities-related public relations. This process is becoming an established feature of modern economic activity, in part owing to the modernization of the mechanisms of administrative law regimes. Today these regimes are not only an exceptional form of public administration used for the rapid prevention of threats through restrictions and prohibitions, but also encompass experimental legal norms aimed at translating the products of innovative activity into practice. As the body responsible for the organizational structure of the digital ruble platform and the payment system of the mega-regulator, the Bank of Russia — by providing for the possibility of remote inspections of supervised entities and by improving electronic document flow in the field of licensing — helps ensure that the financial market responds to the trends of digitalization. At the same time, the author devotes particular attention to the normative regulation of digital innovations within the framework of experimental legal regimes. The study concludes that the issuing (emission) bank, which performs certain state-authority functions within public administration, can today be regarded as a full-fledged subject of innovative administrative law regimes. Nevertheless, the proper practical implementation of advanced technologies requires not only the evolution of legal regulation and the organizational structure of the financial sector, but also balanced economic development of the Russian Federation as a whole. Enhancing mechanisms for ensuring legality through a complex of administrative-legal regimes, together with raising the level of citizens' financial literacy, constitutes the key to the innovative development of the State.*

Keywords: *administrative and legal regime; financial market; innovation; Bank of Russia; mega-regulator; legal entities of public law; digital economy; public administration; state-power functions; public powers.*

Свидетельствуя о цифровой трансформации государственного управления как о тенденции последних лет, мы не можем не обратить внимание на огромное количество инноваций, которые сопровождают механизмы администрирования в области экономических процессов. Каждый обыватель сегодня без затруднения назовет несколько нововведений, каковыми было отмечено совершенствование отношений в банковской сфере, а также деятельности участников национальной платежной системы. Оптимизация процессов на финансовом рынке от валютного и фондового до кредитного и страхового сводится воедино в таком значимом для управленческой науки элементе, как субъекте целенаправленного воздействия.

Безусловно, речь идет именно о кредиторе последней инстанции. Отметим, что в августе 2024 г. статья 4 Федерального закона от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном

банке Российской Федерации (Банке России)» (далее — Закон о Банке России), посвященная функциям мегарегулятора, оказалась дополнена пунктом 18.9, затрагивающим проблему экспериментальных правовых режимов (ЭПР) в области цифровых инноваций на финансовом рынке. Выяснив особенности административно-правовых режимов, а также статуса Банка России с теоретической стороны, мы постараемся оценить ряд инноваций, инициатором внедрения которых среди прочих выступает главный банк первого уровня.

В то же время нам видится нелишним рассмотреть проблему внедрения инноваций в рамках процессов публичного управления. Представляется, именно финансовый рынок выступает той сферой общественных отношений, где новость о нововведениях обыватель слышит из года в год: оптимизация регулирования в области ценных бумаг или совершенствование взаимодействия страхователя и страховщика, цифровая трансформация банковских операций и автоматизация контрольно-надзорной деятельности Банка России. Вместе с тем передовые разработки зачастую могут вызывать непонимание граждан и организаций, что влечет за собой первоначальное отторжение дистанционных или электронных продуктов, а также малый интерес предпринимательского сообщества к ноу-хау.

Тем не менее «отстаивание» инновации — такой необходимый на первых этапах внедрения новшества элемент. Причем немалая роль в рамках указанной проблемы на финансовом рынке отводится Банку России, ответственному среди прочего за реализацию мероприятий по совершенствованию уровня финансовой грамотности населения и отечественного предпринимательского сообщества. Нельзя не согласиться с тем, что затрагиваемые государственным интересом новейшие идеи и символы должны становиться материей и претворяться в жизнь при активной поддержке публично-правовых институтов¹.

Итак, что же понимает современная управленческая наука под категорией административно-правового режима? С одной стороны, значения терминов «экстраординарного, особого, специального» дают нам возможность говорить о такой управленческой форме, которая отличается от общего порядка не только регламентацией своего срока, но и наделением отдельными полномочиями ряда государственно-властных структур. Исчерпывающее, необходимое, обязательное нормативное оформление ограничения прав и свобод, в свою очередь, будет предопределять высокоточное жесткое управленческое воздействие для гарантии защищенности общественных отношений от явлений чрезвычайного характера, которые могут быть вызваны природой, машиной, человеком².

С другой стороны, публичное управление сегодня представлено не только регуляцией борьбы с последствиями чрезвычайных ситуаций или возможностью введения режима военного положения. Как в общее понятие режима включаются категории конкретизации и четкости управленческого воздействия, так и среди административно-правовых режимов мы вполне можем выделить те, которые зачастую сперва в качестве эксперимента нацеливаются на оптимизацию или автоматизацию общественных отношений, а также представление предпочтений отдельным участникам гражданского оборота. В то же время особенности специального режима им далеко не чужды: целевое назначение с возможной реализацией экстраординарной организационной методологии и необходимость обоснования конкретным юридическим актом, преобладать в котором будут нормы именно императивного характера³.

С учетом вышеизложенного не своевольное решение о введении запретов отражает специфику административно-правовых режимов, а необоснованность и малая результативность использования имеющихся управленческих средств, требующих

¹ Исаев И. А., Румянцева В. Г. Институт и символ в политической теологии // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 6. С. 18.

² Старостин С. А. Специальные административно-правовые режимы : учеб. пособие. М. : Проспект, 2022. С. 15.

³ Ноздрачев А. Ф. Современное содержание понятия «административно-правовой режим» // Журнал российского права. 2017. № 2. С. 105.

внеочередного внедрения предписывающих, запретительных и реже дозволи-ельных норм в рамках административно-правового регулирования.

Инновация же с точки зрения дефиниции, данной частью девятой ст. 2 Федерального закона от 23.08.1996 № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике», представляет одновременно продукт, процесс и метод. Лишь предельно важно, чтобы для деловой практики внедрение его в употребление было отмечено новизной и значительным улучшением, будучи направленным на экономическую эффективность. Таким образом, инновация приобретает элемент творчества — создания чего бы то ни было предельно нового, ранее не существовавшего и имеющего здесь и сейчас практическую пользу. Предвосхищая же исследование передовых режимов финансового рынка, мы прежде всего охарактеризуем особый институт публичного управления.

С одной стороны, отдельные положения Закона о Банке России раскрывают частноправовой аспект деятельности эмиссионного банка: последний именуется юридическим лицом, осуществляющим как расходы за счет своих доходов, так и ряд банковских операций и сделок, что порождает дискуссию о коммерческом аспекте работы ключевого института денежно-кредитной политики государства⁴. С другой стороны, нельзя говорить о своевольном хозяйствовании подотчетного депутатам национального банка. В соответствии с абзацем первым части первой ст. 46 Закона о Банке России мегарегулятор осуществляет операции и сделки именно в рамках реализации целей, заявленных указанным нормативным актом.

Специализированное предназначение в совокупности с фактом придания статуса юридического лица путем принятия особого публично-правового акта и наделением властными полномочиями позволяет рассматривать Банк России в качестве юридического лица особого порядка⁵. В то же время мы обратим внимание на возложение на национальный банк отдельных государственных функций: речь идет о монополии эмиссии и об управлении золотовалютными резервами, о положении органа административной юстиции, а также процедуре лицензирования кредитных организаций, издании собственных нормативных актов и активном участии в ведении единой государственной денежно-кредитной политики. Очевидно, выступающий в качестве уникального юридического лица с организационно-правовой формой «Банк России», а также привилегированной двойственной природой мегарегулятор служит видным участником публичного управления, а также заинтересованным участником общественных отношений, складывающихся по вопросу финансового обслуживания самого государства⁶.

Отмечая административные инновации финансового рынка, мы обращаем внимание на нормативные положения действующей редакции Федерального закона от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых и технологических инноваций в Российской Федерации». Внедряя терминологию важного для экстраординарного режима специального регулирования, а также расширяя понятие инновации лексикой цифровой эпохи, указанный акт predetermined ряд нормативных документов Банка России.

С одной стороны, получают развитие квантовые и облачные разработки, а также технологии виртуальной реальности и электронной подписи, биометрии и роботизации⁷. С другой же, наделяемый полномочиями по утверждению порядка присоединения к ЭПР в сфере цифровых инноваций на финансовом рынке главный

⁴ Тарасенко О. А. Предпринимательская активность Банка России // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 6. С. 74.

⁵ Мигачев Ю. И., Мигачев А. Ю., Шамрин М. Ю. Административно-правовой статус организаций, наделенных государственными полномочиями : учеб. пособие. М. : Проспект, 2021. С. 9–10.

⁶ Ефимова Л. Г. Банковское право. М. : Статут, 2010. Т. 1 : Банковская система Российской Федерации. С. 147.

⁷ Перечень технологий, с применением которых вводятся в употребление, создаются или используются цифровые инновации на финансовом рынке в рамках эксперимен-

банк первого уровня становится субъектом рассмотрения инициативы установления указанного режима, обретая правомочие на принятие решений по корректировке его программы⁸.

Обладающий специальным правовым регулированием и сроком действия, кругом субъектов и целевым назначением (например, создание благоприятного климата для внедрения технологических инноваций) ЭПР в рамках финансового рынка, по нашему мнению, может быть отнесен к передовым административно-правовым режимам. Его управленческим субъектом выступает Банк России, продолжающий совершенствование императивных правил и организационных механизмов. Инновационная деятельность при учетывании реалий экономики и скорости научно-технологического прогресса сегодня не может быть прервана, ведь множество проблем еще требуют внимания. Так, заявленные к размещению в формате открытых данных общедоступные сведения реестра ЭПР именно в отношении финансового рынка по состоянию на сентябрь 2025 г. не обнаруживались в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»⁹.

Иной иллюстрацией, предопределенной внедрением ЭПР и отражающей специфику административно-правовых режимов, служат положения введенной в 2024 г. статьи 1.1 Федерального закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Кредитор последней инстанции тогда приобретал право при помощи специального регулирования, содержащегося в программе того или иного ЭПР, изменять возникающие при обороте цифровой валюты отношения, включая процесс майнинга¹⁰. Несмотря на восприятие рядом граждан законопроекта лишь в качестве одобрения якобы монопольных экспериментальных сделок Банка России с криптовалютой, само решение об установлении ЭПР подлежит согласовыванию с иными субъектами администрирования: Росфинмониторингом, ФСБ России, Минфином России.

Нам следует отметить, что особенности правового режима криптовалюты давно выступают предметом широкой дискуссии в научном сообществе. Пока же ученые рассуждают о нормативном урегулировании биткоина и высказываются о токене как возможном объекте гражданских прав, Банк России, в полной мере выступая участником процессов публичного управления, с 2022 г. предостерегал соотечественников от вызовов, продиктованных теневым характером денежных суррогатов и отсутствием целенаправленного воздействия на указанную область общественных отношений, в том числе методами административно-правовых режимов. Например, среди рисков назывались и высокая волатильность курса, и распространенность криптовалют в ходе противоправной деятельности, и возможность несанкционированного выведения за пределы регулирования отечественного рынка сбережений граждан по причине недостаточного уровня финансовой грамотности последних¹¹.

тальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций, утвержденный указанием Банка России от 25.11.2020 № 5634-У // Вестник Банка России. 27.01.2021. № 3.

⁸ Положение об особенностях применения положений Федерального закона «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» к правоотношениям, возникающим в связи с установлением и реализацией экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций по направлению «Финансовый рынок», утвержденное постановлением Правительства РФ от 15.12.2020 № 2115 // СЗ РФ. 2020. № 52 (ч. I). Ст. 8812.

⁹ Указание Банка России от 25.11.2020 № 5632-У «О порядке ведения Банком России реестра экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций на финансовом рынке, а также доступа к нему» // Вестник Банка России. 13 января 2021 г. № 1.

¹⁰ Федеральный закон от 08.08.2024 № 223-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2024. № 33 (ч. I). Ст. 4919.

¹¹ Доклад для общественных консультаций «Криптовалюты: тренды, риски, меры». М. : Центральный банк Российской Федерации, 2022. С. 2–3.

Примером же не только целевого назначения и императивных правил, но и внедрения особенных организационных средств выступает администрирование эмиссионным банком платформы цифрового рубля в национальной платежной системе. Так, ее инфраструктура предусматривает открытие специального счета и ведение альбома распоряжений, а в случае нарушения участником платформы установленных правил допускает применение мер воздействия в соответствии со статьей 74 Закона о Банке России (например, взыскание штрафа)¹². Концепция цифрового рубля и высокая роль мегарегулятора в разъяснении механизмов его функционирования — яркая иллюстрация высказанной нами в начале проблемы подчас тернистого взаимодействия теоретико-технологического и практического аспекта инновации.

Вместе с тем обратимся к п. 2.3 положения от 29.09.2023 № 826-П «О порядке осуществления Банком России контроля за соблюдением правил платежной системы Банка России», закрепляющего примечательную форму проведения последующего контроля. Мы говорим о дистанционных проверках деятельности поднадзорного лица с возможностью направления ему обязательного для исполнения запроса о затребовании нужных для проведения проверки материалов, а в случае обнаружения факта нарушения законности — направления уведомления о выявленном несоответствии требованиям. С учетом изложенного цифровые инновации при детализации административных процедур в конкретных нормативных актах определяют совершенствование механизма контрольно-надзорных мероприятий, модернизируя публичное управление.

Дополнительно отметим, что саму процедуру лицензирования с учетом ее публично-правового интереса и целевого назначения, участников и широчайшей нормативной базы также можно представить в виде административно-правового режима¹³. С одной стороны, имеет под собой обоснование научная дискуссия о лицензировании как об административной процедуре или форме легитимации предпринимательской деятельности, организационно-правовом механизме или методе реализации публичной власти. Однако, с другой стороны, едва ли можно не согласиться с тем, что в отношении всякой лицензии возможно обозначить следующие признаки: соискатель — субъект со специальным административно-правовым статусом, объект — имеющие потенциальную опасность и высокую значимость для населения специализированные виды деятельности¹⁴. Вместе с тем лицензия может быть выдана не только органом исполнительной власти, но и организацией, наделенной государственно-властными полномочиями.

К последним может быть причислен Банк России. Взаимодействие самих поднадзорных участников финансового рынка и национального банка сегодня широко оптимизируется, быстро совершенствуя формат документооборота. Так, стремясь получить специальное разрешение на ведение клиринговой деятельности, биржа или же торговая система может представить необходимые сведения в формате электронных документов посредством личного кабинета¹⁵.

Наделенный отдельными публичными полномочиями Банк России сегодня можно именовать полноправным «проводником» инновационных административно-правовых режимов в реальность. В то же время для успешной практической реализации передовых идей в области новых технологий требуется не только эволюция

¹² Положение Банка России от 03.08.2023 № 820-П «О платформе цифрового рубля» (ред. от 12.07.2024) // Вестник Банка России. 16.08.2023. № 58.

¹³ Старостин С. А. Указ. соч. С. 105.

¹⁴ Стандзюнь Л. В. Лицензионно-разрешительная система : монография. М. : Проспект, 2021. С. 8.

¹⁵ Положение Банка России от 22.09.2022 № 805-П «О порядке лицензирования Банком России бирж, торговых систем и клиринговых организаций, порядке ведения Банком России реестра лицензий бирж и торговых систем, реестра лицензий на осуществление клиринговой деятельности и порядке представления выписок из указанных реестров» // Вестник Банка России. 01.03.2023. № 11.

правового регулирования и инфраструктуры финансового рынка, но и устойчивое экономическое развитие Российской Федерации в целом, а также находящийся на высоких позициях уровень законности и возрастающие показатели финансовой грамотности населения.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Ефимова Л. Г.* Банковское право. — М. : Статут, 2010. — Т. 1 : Банковская система Российской Федерации. — 404 с.
2. *Исаев И. А., Румянцева В. Г.* Институт и символ в политической теологии // Актуальные проблемы российского права. — 2022. — Т. 17. — № 6. — С. 11–20.
3. *Мигачев Ю. И., Мигачев А. Ю., Шамрин М. Ю.* Административно-правовой статус организаций, наделенных государственными полномочиями : учеб. пособие. — М. : Проспект, 2021. — 128 с.
4. *Ноздрачев А. Ф.* Современное содержание понятия «административно-правовой режим» // Журнал российского права. — 2017. — № 2. — С. 98–110.
5. *Стандзюнь Л. В.* Лицензионно-разрешительная система : монография. — М. : Проспект, 2021. — 272 с.
6. *Старостин С. А.* Специальные административно-правовые режимы : учеб. пособие. — М. : Проспект, 2022. — 200 с.
7. *Тарасенко О. А.* Предпринимательская активность Банка России // Актуальные проблемы российского права. — 2020. — Т. 15. — № 6. — С. 73–83.

REFERENCES

1. Efimova LG. Banking Law. Vol. 1: Banking System of the Russian Federation. Moscow: Statut Publ.; 2010. (In Russ.).
2. Isaev IA, Rumyantseva VG. An Institution and a Symbol in Political Theology. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2022;17(6):11-20. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2022.139.6.011-020.
3. Migachev YuI, Migachev AYu, Shamrin MYu. Administrative and legal status of organizations endowed with state powers. Moscow: Prospekt Publ.; 2021. (In Russ.).
4. Nozdrachev AF. The current content of the concept of «administrative and legal regime». *Journal of Russian Law*. 2017;2:98-110. (In Russ.).
5. Standzon LV. Licensing system. Moscow: Prospekt Publ.; 2021. (In Russ.).
6. Starostin SA. Special administrative and legal regimes: students manual. Moscow: Prospekt Publ.; 2022. (In Russ.).
7. Tarasenko OA. Entrepreneurial activity of the Bank of Russia. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2020;15(6):73-83. (In Russ.).

DOI: 10.17803/2542-2472.2025.36.4.074-080

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ СЕМЕЙНЫХ ПРАВ МУЖЧИН В ОТНОШЕНИИ ДЕТЕЙ В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Трофимов Владимир Андреевич,

руководитель юридического отдела юридической компании «Силкин и партнеры»,
аспирант Института права и национальной безопасности
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
119571, Россия, г. Москва, пр-кт Вернадского, д. 82, стр. 1

© Трофимов В. А., 2025

***Аннотация.** В настоящее время право выступает доминирующим регулятором общественных отношений в обществе. Вместе с развитием правового регулирования формировалось и совершенствовалось семейное право, охватывая всё больший объем общественных отношений. Вследствие развития производственных возможностей человечества, постепенно всё большее количество людей стало получать доступ к всё большему объему материальных и социальных благ, и это отразилось и на распределении прав и обязанностей как внутри семьи, так и между всеми людьми в развитых обществах. В XXI в. проблемы равноправия мужчин и женщин воспринимаются российским обществом всё острее. Следуя общеевропейской тенденции защиты прав женщин, основанной на идеях феминизма, всё больше внимания уделяется идеям самореализации и гедонизма, что уже сказалось на развитии общественных отношений. Эгоизация общества в равной степени оказывает влияние на поведение женщин и мужчин. Дискуссия о балансе прав и законных интересов мужчины и женщины теперь всё больше сводится к поиску выгод для той или иной социальной группы, что деструктивно сказывается на институте семьи.*

***Ключевые слова:** государство; право; законодательство; семейное право; международное право; институт; семья; отец; мать; ребенок.*

CHALLENGES OF LEGAL PROTECTION OF MEN'S FAMILY RIGHTS REGARDING CHILDREN

Vladimir A. Trofimov,

Head of the Legal Department of *Silkin & Partners* Law Firm; Postgraduate Student, Institute of Law and National Security of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation

***Abstract.** Currently, law is the dominant regulator of public relations in society. Along with the development of legal regulation, family law was formed and improved, covering an increasing amount of social relations. Due to the development of the production capabilities of mankind, gradually more and more people began to gain access to an increasing amount of material and social benefits, and this was reflected in the distribution of*

rights and responsibilities both within the family and among all people in developed societies. In the 21st century, the problems of equality between men and women are perceived by Russian society more and more acutely. Following the pan-European trend of protecting women's rights, based on the ideas of feminism, more and more attention is paid to the ideas of self-realization and hedonism, which has already affected the development of social relations. The egoization of society equally affects the behavior of women and men. The discussion about the balance of rights and legitimate interests of a man and a woman is now increasingly reduced to finding benefits for a particular social group, which destructively affects the institution of the family.

Keywords: State; right; legislation; family law; international law; institute; family; father; mother; child.

Взаимодействие мужчины и женщины — основа человеческого существования. Переоценить важность этих отношений невозможно, на протяжении тысячелетий, используя разные формы существования, семья обеспечивала выживание человечества. Менялся ее состав, неоднократно перераспределялись роли ее членов. Проблемы организации семейного быта приковывали к себе внимание еще античных философов. В настоящее время значение семьи для общества, пожалуй, только возросло. По мере развития общественных отношений в целом, отношения мужчины и женщины наполнялись новым содержанием, что в какой-то степени впоследствии привело к необходимости их специального регулирования.

Права мужчин в семейном праве не сводятся только к правам супруга, их следует рассматривать шире. Фактически в рассуждениях о семье речь идет именно о постепенном приобретении супругами дополнительного статуса родителей. И как только у них рождаются дети, то и сами дети становятся полноценными субъектами семейного права. Их правоотношения с родителями образуют устойчивую систему. Таким образом, права мужчины в семейном праве представляют совокупность прав мужа, отца и сына, которые рассматриваются как единая система внутри, по сути, замкнутого круга: ребенок — супруг — родитель — ребенок.

Права и обязанности родителей по отношению к друг другу и к своим детям возникают вне зависимости от того, состоят ли родители в браке, их возникновение основывается в первую очередь на факте происхождения детей. Однако такая модель развития семейных отношений остается желаемой и предполагается идеальной.

Конечной целью создания семьи является передача мужчиной и женщиной накопленных знаний и опыта, части собственной как генетической, так и психологической индивидуальности последующим поколениям, а реализуется эта цель в процессе создания и поддержания совместного быта. Целесообразно признать, что оба родителя в равной степени заинтересованы продолжить себя, свой род. Продолжение рода подразумевает не только само рождение детей, но также и их воспитание. Это также находит подтверждение и в семейном законодательстве. Так, согласно положениям ст. 63 СК РФ: «Родители имеют право и обязаны воспитывать своих детей... обязаны заботиться о физическом, психологическом, духовном и нравственном развитии своих детей, обязаны обеспечить получение детьми общего образования»¹. Вместе с тем закон провозглашает равенство прав и обязанностей родителей (ст. 61 СК РФ).

Закон не просто устанавливает права родителей, но и одновременно определяет, что это и их обязанности, если говорить шире, то в Семейном кодексе права и обязанности родителей сформулированы как правомочия.

В соответствии с положениями ст. 3 Конвенции о правах ребенка, первоочередное внимание уделяется наилучшему обеспечению интересов ребенка. Развивая эту идею, положения ст. 65 СК РФ дополняют положения Конвенции: «Родительские права в Российской Федерации не могут осуществляться в противоречии с интересами

¹ Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

детей. Обеспечение интересов детей должно быть предметом основной заботы их родителей». Таким образом, на законодательном уровне закреплён приоритет защиты интересов детей перед правами родителей.

«Интересы детей» — довольно широкое понятие, однако на законодательном уровне есть положения, которые помогут разобраться с их определением. Федеральный закон «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации», говоря о субъективных правах детей, более десяти раз оперирует термином «законный интерес», вторя положениям Семейного кодекса, положения названного закона также гласят о необходимости государственного содействия обеспечению физического, интеллектуального, психического, духовного и нравственного развития детей, воспитанию в них патриотизма и гражданственности, а также реализации личности ребенка в интересах общества. Особое значение в обеспечении этих интересов отводится именно семье. Положения Конвенции о правах ребенка в совместном трактовании с положениями Конституции гласят о том, что дети являются гражданами и пользуются всеми правами человека и гражданина, наравне с остальными людьми дети имеют право на выживание и развитие во всех аспектах их жизни. Дети должны быть вовлечены в социальную жизнь, и они наравне с остальными имеют право на то, чтобы быть счастливыми.

Из системного анализа как международного, так российского права следует, что практически все свои интересы они реализуют на ранних стадиях развития именно в семье. Заинтересованность детей в семье проявляется в их активном участии в жизни семьи, проявлении интереса к делам семьи, а также в стремлении проводить время вместе. Это чувство принадлежности к семье, которое формируется через поддержку, понимание и совместную деятельность. В современном обществе детский труд ограничен возрастными показателями и запрещен за рядом исключений (например, если речь идет о труде детей-актеров и т.д.), поэтому все бремя их содержания несут родители, а уровень их материального положения напрямую зависит от быта семьи.

Семья является своеобразным трамплином для ребенка на пути во взрослую жизнь. Образование, всестороннее развитие, выживание, навыки общения в обществе и многое другое дети получают именно в семье и прежде всего именно от родителей.

В подтверждение этого мнения стоит обратиться к положениям ст. 54 СК РФ, в соответствии с которыми каждый ребенок имеет право жить и воспитываться в семье, знать своих родителей, получать их заботу и жить вместе с ними. Наравне с этим ребенок имеет права на воспитание своими родителями, образование, обеспечение его интересов, всестороннее развитие, уважение его человеческого достоинства. И родители, и дети заинтересованы в совместном существовании в рамках единой семьи. Причем дети в большей степени зависят именно от возможностей семьи в широком смысле этого слова. Увы, но у родителей не всегда есть возможность сохранить брак, и несмотря на то что ребенок имеет право на совместное проживание с обоими родителями и иные права, связанные как с общением и воспитанием родителями, так и с материальным содержанием и обеспечением обоими родителями, в том виде, как это было до расторжения брака, это трудно реализуемо.

Если говорить о родителях, то, по сложившейся практике, после развода один из них начинает проживать отдельно от ребенка, и чаще всего это именно отец. Суд при разрешении спора родителей — бывших супругов, с одной стороны, защищает законные права и интересы ребенка, а с другой — ограничивает права и интересы одного из родителей, чаще — отца². Согласно информации, размещаемой в средствах массовой информации, суды не просто чаще оставляют ребенка проживать

² Голубкова М. В РФ в судах при разводе в пользу отцов выносится всего 5–6 % решений // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2021/08/11/v-rf-v-sudah-pri-razvode-v-pol-zu-otcov-vynositsia-vsego-5-6-reshenij.html?ysclid=mlaqh4zh51917174497> (дата обращения: 30.12.2025).

с матерью, а делают это в 95 % случаев, и это при том, что в среднем в год в России распадается около 650 тыс. семей³.

Закон определяет, что родитель, проживающий отдельно от своего ребенка, сохраняет за собой права на общение с ребенком, участие в его воспитании и решении вопросов получения ребенком образования, при этом законодатель устанавливает запрет другому родителю каким-либо образом препятствовать общению ребенка с родителем, проживающим отдельно. Закон также предусматривает в том числе и судебную процедуру определения порядка общения родителя, проживающего отдельно, со своим ребенком. Однако даже из самого факта наличия данных положений в Семейном кодексе можно сделать вывод о том, что такое взаимодействие будет сильно отличаться от того, которое было до раздельного проживания. Поэтому, даже не обращаясь к судебной практике о реализации такого общения, можно согласиться с тем, что речь идет об ограничении прав и интересов одного из родителей — отца. Семейный кодекс Российской Федерации не содержит положений, которые бы говорили о том, что при раздельном проживании родителя и ребенка каким-либо образом пересматриваются права последнего — они остаются неизменными, но, увы, так как фактически взаимодействие отца с сыном или дочерью уменьшается, можно говорить и об ущемлении прав детей, поскольку это их взаимный с родителем интерес.

Нетривиальным в процессе определения интересов детей и разрешении вопроса о соблюдении их прав было бы обратиться к самим детям с вопросами о том, как они сами это видят. Мнение ребенка очень часто считают незрелым или сформированным под влиянием старших. По общему правилу даже суд только по достижении ребенком десятилетнего возраста будет обязан учитывать его мнение при разрешении семейно-правовых споров определенных категорий. Например, И. О. Шевченко приходит к выводу на основе своего социологического исследования, что самое распространенное суждение детей: ребенку нужны оба родителя и именно на отца возлагается роль главы семьи⁴. Сами дети осознают не только свою психологическую потребность в присутствии в их жизни отцов, но и то, что баланс участия родителей в жизни детей после развода нарушен. Они понимают и роль обоих родителей в формировании правильного представления детей о семье в их воспитании и правильно утверждают, что им нужны оба родителя рядом. Опрашивались дети условно старшего возраста, которые практически уже делают первые шаги во взрослую жизнь. Особый интерес представляет то, что дети как воспринимают традиционную, в большей степени патриархальную, модель формирования семьи с традиционным распределением ролей между супругами-родителями, так и готовы к принятию изменений этих гендерных ролей.

Интересы мужчин и женщин как родителей во многом заключаются в возможности участвовать в жизни своих детей не только в роли носителей передаваемой генетической информации, но и в роли воспитателей-наставников. После рождения дети по мере взросления становятся полноправными участниками быта семьи. Они еще в большей степени заинтересованы в участии обоих родителей в их жизни, чем сами родители, у них просто нет возможности иным способом получать первичные знания об окружающем мире, об обществе и о месте, которое занимают в нем люди, о правах и обязанностях мужчины и женщины, о вариантах их взаимодействия, кроме как при общении со своими родителями. Дети во многом повторяют модели взаимодействия своих родителей, и их миропонимание и мироощущение зависит от того, как их воспитывали и кто. Отсутствие в жизни ребенка одного из родителей

³ «Кого больше любишь?» — почему в России при разводе дети чаще всего остаются с мамами // 5 канал. URL: <https://www.5-tv.ru/news/489929/kogo-bolse-lubis-pocemu-vrossii-pri-razvode-deti-case-vsego-ostautsa-smamami/?ysclid=mlaqiw7742189736045> (дата обращения: 30.12.2025).

⁴ Шевченко И. О. Зачем нужны отцы: размышления детей о важности отцов и их роли в семье // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2018. № 2 (12). С. 65–73.

наносит ощутимый и нередко невосполнимый вред развитию психики детей, который сказывается на их будущем. Особенности сформированной под таким влиянием психики повзрослевшие дети могут дальше передавать уже своим потомкам.

Отец наравне с матерью заинтересован не только в том, чтобы заниматься обеспечением будущего именно своего потомства, но и в непосредственном участии в воспитании и развитии своих детей, в прямом участии в их жизни. Ребенок (сын так же, как и дочь) заинтересован воспитываться в семье и при совместном участии в его жизни обоих родителей, кроме того его интерес заключается как в получении материального содержания от обоих родителей, так и в их участии в духовно-нравственном развитии воспитании ребенка.

Сложившаяся практика рассмотрения судами дел об определении места жительства детей после расторжения брака родителей и дел об определении порядка общения ребенка с родителем, проживающим отдельно, складывается не в пользу отцов. Это нарушает баланс и приводит к нарушению прав как отцов, так и самих детей, что является недопустимым.

Осознавая важность этой проблемы, уже Верховный Суд РФ пытается скорректировать складывающуюся судебную практику. В Обзоре судебной практики Верховного Суда РФ обращается внимание, что суды нижестоящих инстанций не должны допускать нарушения принципа равенства обоих родителей при определении места жительства детей после развода. При разрешении подобных споров судам предписано учитывать мнение ребенка, достигшего десяти лет. Кроме того, суды должны учитывать, что определение места жительства ребенка с одним из родителей «не исключает возможности другого родителя полноценно общаться с ребенком, а также принимать участие в его воспитании без каких-либо ограничений»⁵.

С. Ю. Макаров поясняет, что ранее суды при рассмотрении таких споров «упорно полагали приоритетным право матерей», ссылаясь при этом на принцип Декларации прав ребенка, в котором говорится, что малолетний ребенок может быть разлучен с матерью лишь при исключительных обстоятельствах⁶. В. А. Фадеев полагает, что обязательность применения судами правовых позиций, выработанных судом высшей инстанции и включенных в вышеупомянутый обзор судебной практики, обеспечит равенство прав родителей⁷. В целях решения проблемы равноправия супругов, а также в целях защиты прав отцов была разработана общественная инициатива № 77Ф104340 «Закрепление паритетного (совместного) воспитания детей в СК РФ». По мнению Н. А. Ключевской, необходимость ее принятия авторы связывают с тем, что в СК РФ отсутствуют четкие принципы, закрепляющие паритетное совместное и равное воспитание ребенка после развода родителей⁸. Вместе с тем ряд авторов утверждает, что, возлагая на родителей права по воспитанию детей и признавая права детей на получение воспитания и заботу, законодатель создал ряд условий, при которых ярко выражен дисбаланс участия обоих родителей в жизни ребенка⁹, что приводит к проблеме «синдрома отчужденного родителя»¹⁰.

⁵ Обзор судебной практики Верховного Суда РФ за 2024 г. // Верховный Суд РФ. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/practice/?year=2024> (дата обращения: 30.12.2025).

⁶ Куликов В. Верховный суд уравнил отцов и матерей в споре за детей // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2024/06/07/verhovnyj-sud-uravnial-otcov-i-materej-v-spore-za-detej.html?ysclid=mlaqlfvnyv553148198> (дата обращения: 30.12.2025).

⁷ Габдуллина Э., Занина А. Отцов равняют по матери // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6731287> (дата обращения: 30.12.2025).

⁸ Ключевская Н. Совместное воспитание детей: предлагаемые поправки в Семейный кодекс РФ // Гарант. URL: <https://www.garant.ru/news/1636461> (дата обращения: 30.12.2025).

⁹ Емелина Л. А., Яворский С. А. Роль отцов в воспитании детей: правовые ответы на современные вызовы // Московский юридический журнал. 2024. № 3. С. 31–41.

¹⁰ Зыков С. В. Родительские права на определение места жительства ребенка и порядка общения с ним: проблемы теории и практики // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 3. С. 75–83.

Интересы мужчин и женщин как супругов и как родителей существуют в неразрывной взаимосвязи, и для успешного функционирования института семьи их реализация должна находиться в определенном балансе, чтобы никто не чувствовал себя обездоленным заложником ситуации. Появление в семье детей смещает приоритеты с реализации супругами своих интересов на реализацию именно родительских прав и обязанностей, на обеспечение жизни и воспитания своих детей. Если говорить о браке как о сделке, то с учетом того, что большая часть из них распадается, а интересы мужчины при этом остаются незащищенными, для мужской половины населения страны ее заключение (вступление в брак) является практически гарантированным получением дополнительной материальной и психологической нагрузки без получения какой-либо «выгоды», в пору говорить об условной «кабальности» такого союза, что не стимулирует мужчин вступать в брак. Это, скорее, дань традиционным и нравственным представлениям о том, что «правильно», или в целях удовлетворения потребностей женщины, чтобы сделать ее, не себя, более счастливой. Во многом поэтому многие семьи существуют в рамках фактического сожительства, не оформляя свои отношения и не регистрируя брак. Всё это ставит под угрозу существование института семьи со всеми вытекающими последствиями.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Габдуллина Э., Занина А.* Отцов равняют по матери // Коммерсантъ. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6731287> (дата обращения: 30.12.2025).
2. *Голубкова М.* В РФ в судах при разводе в пользу отцов выносятся всего 5–6 % решений // Российская газета. — URL: <https://rg.ru/2021/08/11/v-rf-v-sudah-pri-razvode-v-polzu-otcov-vynositsia-vsego-5-6-reshenij.html?ysclid=m1aqh4zh51917174497> (дата обращения: 30.12.2025).
3. *Емелина Л. А.* Семейная парадигма эволюционного процесса российского общества: опыт историко-правового исследования // Гармонизация частных и публичных интересов в семейном праве Российской Федерации. — М. : Юнити-Дана, 2023. — С. 100–107.
4. *Емелина Л. А., Яворский С. А.* Роль отцов в воспитании детей: правовые ответы на современные вызовы // Московский юридический журнал. — 2024. — № 3. — С. 31–41.
5. *Зыков С. В.* Родительские права на определение места жительства ребенка и порядка общения с ним: проблемы теории и практики // Актуальные проблемы российского права. — 2022. — Т. 17. — № 3. — С. 75–83.
6. *Ключевская Н.* Совместное воспитание детей: предлагаемые поправки в Семейный кодекс РФ // Гарант. — URL: <https://www.garant.ru/news/1636461> (дата обращения: 30.12.2025).
7. «Кого больше любишь?» — почему в России при разводе дети чаще всего остаются с мамами // 5 канал. — URL: <https://www.5-tv.ru/news/489929/kogo-bolse-lubis-pocemu-vrossii-pri-razvode-deti-case-vsego-ostautsa-smamami/?ysclid=m1aqiw7742189736045> (дата обращения: 30.12.2025).
8. *Куликов В.* Верховный суд уравнил отцов и матерей в споре за детей // Российская газета. — URL: <https://rg.ru/2024/06/07/verhovnyj-sud-uravnial-otcov-i-materej-v-spore-za-detej.html?ysclid=m1aq1fvnyv553148198> (дата обращения: 30.12.2025).
9. *Шевченко И. О.* Зачем нужны отцы: размышления детей о важности отцов и их роли в семье // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». — 2018. — № 2 (12). — С. 65–73.

REFERENCES

1. Gabdullina E, Zanina A. Fathers are equal by mother. *Kommersant*. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/6731287> [Accessed 30.12.2025]. (In Russ.).
2. Golubkova M. In the Russian Federation in the courts in case of divorce in favor of fathers, only 5-6 % of decisions are made. *Rossiyskaya Gazeta*. Available at: <https://rg.ru/2021/08/11/v-rf-v-sudah-pri-razvode-v-polzu-otcov-vynositsia-vsego-5-6-reshenij.html?ysclid=m1aqh4zh51917174497> [Accessed 30.12.2025]. (In Russ.).
3. Emelina LA. Family paradigm of the evolutionary process of Russian society: the experience of historical and legal research. Harmonization of private and public interests in family law of the Russian Federation. Moscow: Unity-Dana Publ.; 2023. (In Russ.).
4. Emelina LA, Yavorsky SA. The role of fathers in raising children: legal answers to modern challenges. *Moscow Law Journal*. 2024;3:31-41. (In Russ.).
5. Zykov SV. Parental rights to determine the place of residence of the child and the procedure for communicating with him: problems of theory and practice. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2022;17(3):75-83. (In Russ.).
6. Klyuchevskaya N. Joint upbringing of children: proposed amendments to the Family Code of the Russian Federation. *LRS Garant*. Available at: <https://www.garant.ru/news/1636461> [Accessed 30.12.2025]. (In Russ.).
7. «Whom do you love more»? — Why in Russia, during a divorce, children most often stay with mothers. Channel 5. Available at: <https://www.5-tv.ru/news/489929/kogo-bolse-lubis-pocemu-vRossii-pri-razvode-deti-case-vsego-ostautsa-smamami/?ysclid=m1aqiw7742189736045> [Accessed 30.12.2025]. (In Russ.).
8. Kulikov V. The Supreme Court equalized fathers and mothers in a dispute over children. *Rossiyskaya Gazeta*. Available at: <https://rg.ru/2024/06/07/verhovnyj-sud-uravnial-otcov-i-materej-v-spore-za-detej.html?ysclid=m1aq1fvnyv553148198> [Accessed 30.12.2025]. (In Russ.).
9. Shevchenko IO. Why fathers are needed: children's reflections on the importance of fathers and their role in the family. *Bulletin of the Russian State Humanitarian University. Series «Philosophy. Sociology. Art history»*. 2018;2(12):65-73. (In Russ.).

DOI: 10.17803/2542-2472.2025.36.4.081-086

ОХРАНА ЦВЕТА КАК ТОВАРНОГО ЗНАКА

Никифорова Наталия Александровна,
студент Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
125933, Россия, г. Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9
n.natalia7811@mail.ru

© Никифорова Н. А., 2025

Аннотация. Статья посвящена анализу правового режима охраны цвета в качестве самостоятельного товарного знака (*color per se*) в Российской Федерации. Автор исследует, насколько абстрактный цвет, отделенный от конкретной формы, соответствует сущностным функциям товарного знака — индивидуализирующей, информационной, рекламной и репутационной. Формулируется вывод о неполном соответствии цветового обозначения функциям товарного знака. Выделяются такие проблемы действующего подхода к регистрации цвета, как высокий порог доказывания приобретенной различительной способности, создающий неравные условия, и фактические риски монополизации элементов публичного дизайна, описываемые как «теория исчерпания цвета». Исследуется российская и зарубежная практика по вопросам предоставления охраны цветовому товарному знаку. Выделяются признаки, исключающие охраноспособность цвета, в частности доктрина функциональности. Аргументируется необходимость специального законодательного регулирования цветовых обозначений. Предлагается комплекс мер, направленный на формирование правовых рамок охраны цвета как товарного знака. Меры включают установление презумпции отсутствия различительной способности у цвета *per se*, привязку охраны к конкретным видам использования и введение ограниченного срока действия исключительного права, что позволит трансформировать данный правовой институт в инструмент защиты лишь подлинно уникальных визуальных идентификаторов.

Ключевые слова: индивидуализация товаров; интеллектуальная собственность; охраноспособность; правовая охрана цвета; приобретенная различительная способность; теория исчерпания цвета; товарный знак; функции товарного знака; цвет; цветовое обозначение.

PROTECTION OF COLOR AS A TRADEMARK

Natalia A. Nikiforova,
Student, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
n.natalia7811@mail.ru

Abstract. The paper analyzes the legal regime for protecting color as an independent trademark (*color per se*) in the Russian Federation. The author examines whether an abstract color, detached from a specific form, corresponds to the core functions of a trademark — individualization, information, advertising, and reputation — and concludes that color symbols do not fully satisfy those functions. The study highlights problems in the current approach to color registration, including the high evidentiary threshold for proving acquired distinctiveness, the creation of unequal conditions for applicants,

and the real risk of monopolizing elements of public design, a concern often framed as the «theory of color exhaustion». Both Russian and comparative foreign practice are reviewed to assess how protection for color trademarks is afforded in different jurisdictions. The analysis identifies doctrinal and practical obstacles that may preclude protection — most notably the doctrine of functionality and other features that render color inherently unsuitable for exclusive rights in certain contexts. The author argues for the necessity of specific legislative regulation of color designations.

To that end, the paper proposes a set of measures to form a coherent legal framework for protecting color as a trademark. Proposed measures include establishing a presumption against distinctiveness for color per se, conditioning protection on clearly defined specific uses, and introducing a limited duration for the exclusive right. These safeguards aim to ensure that the legal institution of color trademarks functions as an instrument for protecting genuinely unique visual identifiers, while minimizing the risk of undue appropriation of public design elements.

Keywords: individualization of goods; intellectual property; protectability; legal protection of color; acquired differentiating ability; color exhaustion theory; trademark; trademark functions; color; color designation.

В современной экономике товарный знак выполняет роль ключевого навигатора для потребителя, что в условиях высокой конкуренции обусловило особое внимание производителей к индивидуализации своего продукта и выделению его среди аналогов. Классическое понимание товарного знака, закрепленное в ст. 1477 ГК РФ, охватывает обозначения, служащие для индивидуализации товаров, выполняемых работ или оказываемых услуг. Исторически такими обозначениями выступали слова, графические символы, объемные формы. Основной задачей товарного знака является индивидуализация товаров для потребителей, обеспечение узнаваемости конкретного товара.

Регистрация товарных знаков не является обязательной, однако обеспечивает возможность судебной защиты для их правообладателей и позволяет обезопасить хозяйствующие субъекты от необоснованных претензий и злоупотреблений со стороны третьих лиц.

Открытый перечень обозначений, признаваемых товарными знаками, позволяет относить к ним наряду с общеизвестными товарными знаками также цветовое обозначение. Цветовые товарные знаки представляют собой один цвет как таковой или комбинацию цветов. Хотя регистрация цветового обозначения возможна, практика его регистрации относительно редка. Масштабное развитие маркетинга и брендинга побуждает к попыткам монополизации отдельных цветов крупнейшими корпорациями, что создает неравные условия на рынке, превращая цвет в инструментальный их «элитарной» защиты.

Регистрация цвета как товарного знака является относительно недавней тенденцией: на сегодняшний день в России известно лишь небольшое количество брендов, зарегистрировавших «фирменный» цвет, например ПАО «Сбербанк России» (товарный знак № 556088), ООО «РВБ» (товарный знак № 1023996), ПАО «Газпром» (товарный знак № 561631)¹.

Согласно ст. 15 Соглашения по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности, любое обозначение или любое сочетание обозначений, способное отличить товары или услуги одного предприятия от товаров или услуг другого

¹ Свидетельство на товарный знак № 556088 (правообладатель — ПАО «Сбербанк России», дата государственной регистрации — 29.10.2015); Свидетельство на товарный знак № 1023996 (правообладатель — ООО «РВБ», дата государственной регистрации — 28.06.2024); Свидетельство на товарный знак № 561631 (правообладатель — ПАО «Газпром», дата государственной регистрации — 13.01.2016) // Открытые реестры Федерального института промышленной собственности (ФИПС). URL: <https://www.fips.ru/registers-web> (дата обращения: 30.12.2025).

предприятия, может быть товарным знаком². Такие обозначения, в частности слова, включая имена лиц, буквы, цифры, изобразительные элементы и сочетание цветов, а также любое сочетание таких обозначений, могут быть зарегистрированы в качестве товарных знаков.

Федеральный институт промышленной собственности и суды дают расширительное толкование вышеуказанного Соглашения, допуская защиту не только сочетания цветов, но и одного цвета в отдельности. Так, согласно Требованиям к документам, содержащимся в заявке на государственную регистрацию товарного знака, цветовым обозначениям правовая охрана предоставляется, как правило, в том случае, если они приобрели различительную способность в результате их использования³.

Регистрация цветового товарного знака, по мнению автора, осложнена не только особой процедурой доказывания «приобретенной значимости», но и неоднозначностью соответствия цвета сущности товарного знака. Основными функциями товарного знака являются следующие: индивидуализирующая (отличительная), информационная, рекламная и репутационная. Последовательный анализ показывает, что цвет в отрыве от конкретной формы или графического контекста не выполняет в полной мере ни одну из них.

Так, отличительная функция подразумевает индивидуализацию товаров в глазах потребителей. Однако цвет в отрыве от логотипа или контекста такой различительной способностью не обладает. Потребитель узнает красную подошву Christian Louboutin⁴, зеленое оформление отделения Сбербанка только в устойчивом и уникальном контексте их использования. Важным аргументом является неспособность среднестатистического потребителя к идентификации абстрактного оттенка. Зачастую запоминается именно комплексное сочетание «логотип — форма — цвет». Так, представляется затруднительным различить синие цвета банков «ВТБ» и «Газпромбанк» при их обособленном представлении, особенно при восприятии наружной рекламы в условиях меняющейся освещенности и особенностей человеческого зрения. К тому же цвет не может быть точно воспроизведен на разных носителях (экран, ткань, печать), что ставит под сомнение саму возможность его правовой защиты.

Информационная функция предполагает способность сообщить потребителю сведения о свойствах товара или его производителе, формируя устойчивые и достоверные ассоциации, например с помощью указания на происхождение товара или дополнительные характеристики, такие как инновационность, традиционность и иные характеристики. В судебной и административной практике известны примеры отказа в защите права на товарный знак в силу признания его обозначением, вошедшим во всеобщее употребление для обозначения товаров определенного вида. Данный подход подтверждается и новейшей судебной практикой: так, Суд по интеллектуальным правам в решении от 14.10.2025 отказал в защите обозначения, признав его неспособным к индивидуализации без наличия устойчивых ассоциативных связей у потребителя⁵. Абстрактный цвет, взятый в отдельности от иных обозначений, также представляет собой описательный элемент, лишенный различительной силы. В российской практике его охрана становится возможной лишь в порядке исключения при условии возникновения «приобретенной» различительной

² Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС/TRIPS) (заключено в г. Марракеше 15.04.1994) // СЗ РФ. 2012. № 37 (ч. VI). С. 2818–2849.

³ Требования к документам, содержащимся в заявке на государственную регистрацию товарного знака, знака обслуживания, коллективного знака и прилагаемым к ней документам и их формы (утв. приказом Минэкономразвития России от 20.07.2015 № 482) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 30.12.2025).

⁴ Christian Louboutin S. A. v. Yves Saint Laurent America Holding, Inc., 696 F.3d 206 (2d Cir. 2012).

⁵ Решение Суда по интеллектуальным правам от 14.10.2025 по делу № СИП-551/2025 // Картотека арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/8fff85e4-d13f-4ff2-8a14-de4309e3c716> (дата обращения: 30.12.2025).

способности в результате длительного использования на рынке и соответствующей рекламы.

Такой порядок порождает дисбаланс: фактически право на защиту цветового обозначения становится доступным лишь для брендов, уже достигших высокой степени известности и обладающих значительными маркетинговыми ресурсами для формирования у потребителя устойчивой ассоциации «цвет — источник происхождения». Это превращает институт цветового товарного знака в «элитарную» привилегию. Подобная практика создает неравные конкурентные условия для хозяйствующих субъектов.

М. Ландау описал также проблему «теории исчерпания цвета», основанной на предположении, что «во вселенной существует лишь конечное количество цветов, и если одной стороне будет позволено претендовать на защиту товарного знака для конкретного цвета, она может получить на него монополию»⁶.

Н. А. Радченко при анализе обозначения W Hotels и NH Hotels резюмирует, что «оба знака состоят из неохраноспособных элементов, а именно простых букв W и NH, не имеющих особой графики и не обладающих изначально различительной способностью, и слова Hotels, являющегося описательным по отношению к гостиничным услугам названием, т.е. относящимся к области публичного права»⁷. Проводя аналогию, можно сделать вывод о том, что цвет в его абстрактном виде также относится к «публичному достоянию» дизайна.

Рекламная функция заключается в способности товарного знака служить ключевым носителем рекламного сообщения. В этом контексте важно, что объектом рекламирования и последующей правовой охраны является комплексная комбинация, формирующая необходимую и достаточную связь «обозначение — товар». Цвет воспринимается лишь как атрибут дизайна, характеристика или элемент эстетики бренда, но не как его самостоятельный идентификатор. Практика регистрации товарного знака на цвет становится инструментом монополизации базового ресурса дизайна и визуальной коммуникации, что также ограничивает творческие возможности в выборе цветовых решений.

Репутационная функция товарного знака — это его способность формировать у потребителей ассоциации об уровне качества товара ввиду отождествления с конкретным производителем. Если деловая репутация привязана к цвету, риск ее повреждения третьими лицами значительно возрастает. Следовательно, цвет не способен выполнять данную функцию в полной мере.

Важно отметить, что вышеописанный анализ относится именно к цвету *per se* — одному цвету или простому сочетанию, взятому в отрыве от конкретной формы. Правоприменительная практика как в России, так и за рубежом проводит принципиальное различие между абстрактным цветом и комбинацией цветов, в особенности закрепленной в определенном расположении (например, красно-белый логотип «Лукойла» или желто-синяя гамма логотипа IKEA). Защита комбинации цветов не требует уже существующей узнаваемости среди потребителей, в отличие от цвета в абстрактном варианте.

Законодательство иностранных государств, как и российское, теоретически допускает возможность регистрации товарного знака. Так, Закон о товарных знаках Японии допускает регистрацию цвета, если доказано, что в результате использования потребители начали ассоциировать его с конкретным предпринимателем (ст. 3(2) Закона)⁸. Европейский Союз, США также допускают регистрацию цвета при условии наличия отличительной способности.

⁶ Landau M. B. Trademark Protection for Color Per Se After Qualitex Co. v. Jacobson Products Co.: Another Grey Area in the Law // UCLA Entertainment Law Review. 1995. Vol. 2. Iss. 1. P. 8.

⁷ Радченко Н. А. Приобретенная различительная способность — всегда ли это возможно? // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2015. № 7. С. 66.

⁸ Trademark Act (Act No. 127 of April 13, 1959). Article 3 // Japanese Law Translation. URL: <https://www.japaneselawtranslation.go.jp> (дата обращения: 30.12.2025).

Так, компания Owens Corning производит стекловолоконную изоляцию, которая окрашивается в розовый цвет. Апелляционный суд США при рассмотрении дела о цветном товарном знаке подтвердил приобретение розовым цветом «вторичного значения» (secondary meaning), что означало, что потребители используют цвет для идентификации продукта⁹.

Однако правоприменительная практика при анализе возможности регистрации цвета использует также признак функциональности. В деле о регистрации розового цвета Perto-Bismol исследования показали, что потребители с большей вероятностью принимали именно розовое лекарство от расстройства желудка, а потому сделан вывод, что розовый цвет придавал лекарству более приятный, менее «медицинский» вид, оказывал успокаивающий психосоматический эффект на пациентов и, следовательно, давал существенное коммерческое преимущество на рынке¹⁰. Монополизация цвета могла бы поставить конкурентов в несправедливые условия. Таким образом, эстетическая функциональность цвета исключает возможность его регистрации в качестве товарного знака.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что предоставление цвету правовой охраны осложнено, что обуславливает необходимость особого законодательного регулирования. На данном этапе абстрактный цвет, отделенный от конкретной формы или графического контекста, не соответствует сущностным функциям товарного знака и по своей правовой природе приравнивается к неохраняемым элементам, перечисленным в п. 1 ст. 1483 ГК РФ. Цвет должен становиться охраноспособным только в качестве исключения при условии доказанности уникальной, исключительной ассоциации с заявителем. «При успешном доказательстве наличия различительной способности обозначения необходимо также доказать, что знак не является исключительно декоративным, то есть что указанное обозначение используется не только из-за того, что выполняет эстетическую функцию»¹¹.

В целях исправления данного дисбаланса и обеспечения правовой определенности и защиты публичных интересов автором предлагается комплекс конкретных мер по совершенствованию правового регулирования.

Во-первых, необходимо прямо закрепить в ГК РФ, что один цвет или простое сочетание цветов признаются обозначениями, изначально лишенными различительной способности. Их охрана должна быть возможна только в рамках специального режима при соблюдении совокупности строгих критериев. Такими условиями могут быть:

а) предоставление доказательств исключительной и уникальной ассоциации цвета с заявителем, выходящей за рамки обычного дизайна, в частности с помощью комплексной экспертизы;

б) доказывание самостоятельной идентифицирующей роли, подтверждение независимости от формы и носителя.

Во-вторых, особой мерой может стать возложение на заявителя обязанности указать все способы размещения охраняемого цвета (например, сплошной цвет поверхности товара, цвет фона вывески, цвет отдельных элементов упаковки). Охрана не должна распространяться на цвет в целом, а только на его конкретные виды использования, в которых была доказана его различимость. Среди примеров такого вида использования можно выделить красный цвет подошвы Christian Louboutin, розовый цвет внутри коробок компании Glossier¹² и др.

В-третьих, предлагается изменение подхода к фиксации цвета: вместо привязки к цифровому коду логичнее перейти к указанию допустимого диапазона оттенков в рамках утвержденной цветовой палитры. Это будет в большей степени соответствовать реальному восприятию цвета потребителем в разных условиях и снизит

⁹ In re Owens-Corning Fiberglas Corp., 774 F.2d 1116 (Fed. Cir. 1985).

¹⁰ Norwich Pharmacal Co. v. Sterling Drug, Inc., 271 F.2d 569 (2d Cir. 1959).

¹¹ Дорощева А. М. Гражданско-правовые подходы к регистрации цвета в качестве товарного знака в отношении продукции легкой промышленности // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 2 (123). С. 64.

¹² Glossier, Inc. (Reg. No. 6,219,366, registered Oct. 27, 2020).

вероятность возникновения споров о незначительных отклонениях цифрового кода цвета.

В-четвертых, для цвета допустимо установление сокращенного срока действия исключительного права на цветовой знак (например, 5 лет с возможностью пролонгации только при повторном подтверждении «исключительной ассоциативной связи»), а также введение упрощенной процедуры оспаривания такой регистрации при предоставлении доказательств использования сходного цвета в той же отрасли. Например, зарегистрировавший в 2012 г. свой цвет Сбербанк после ребрендинга в 2020 г. сократил его использование, отдав предпочтение иным цветовым решениям, что могло бы стать основанием для прекращения охраны товарного знака.

Реализация вышеуказанных предложений позволит значительно усложнить регистрацию цвета как товарного знака, оставив его доступным для тех редких случаев, когда он действительно превратился в самостоятельный символ бренда. Указание диапазона оттенков и специальные процедурные механизмы снизят риски монополизации цветовой палитры и сохранят принцип соразмерности при индивидуализации товара. Совокупность предложенных мер направлена на восстановление баланса между частным и публичным интересом. Главная необходимость заключается в создании правовых рамок, в которых охрана цвета станет возможна лишь тогда, когда он действительно выполняет функцию уникального идентификатора, а не просто является удачным элементом дизайна или результатом маркетинговых вложений. Это защитит цветовую палитру как общее достояние дизайна от неоправданной монополизации. Внимания требует и системная «элитарность» института товарного знака, в условиях которой охрана доступна в основном тем, кто обладает значительными ресурсами для доказательства узнаваемости, что ставит под сомнение прозрачность и предсказуемость процедуры регистрации.

Конечной целью является именно переориентация института охраны цвета с защиты маркетинговых инвестиций на защиту подлинной различительной функции. Важно, что правовая охрана должна следовать за объективно сложившейся в восприятии потребителя уникальной ассоциацией, а не создаваться искусственно.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Дорофеева А. М. Гражданско-правовые подходы к регистрации цвета в качестве товарного знака в отношении продукции легкой промышленности // Актуальные проблемы российского права. — 2021. — № 2 (123). — С. 61–75.
2. Радченко Н. А. Приобретенная различительная способность — всегда ли это возможно? // Журнал Суда по интеллектуальным правам. — 2015. — № 7. — С. 61–69.
3. Landau M. B. Trademark Protection for Color Per Se After Qualitex Co. v. Jacobson Products Co.: Another Grey Area in the Law // UCLA Entertainment Law Review. — 1995. — Vol. 2. — Iss. 1. — P. 1–62.

REFERENCES

1. Dorofeeva AM. Civil law approaches to the registration of color as a trademark in relation to light industry products. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2021;2(123):61-75. (In Russ.).
2. Radchenko NA. Acquired distinguishing ability — is it always possible? *Journal of the Court for Intellectual Rights*. 2015;7:61-69. (In Russ.).
3. Landau MB. Trademark Protection for Color per se after Qualitex Co. v. Jacobson Products Co.: Another Grey Area in the Law. *UCLA Entertainment Law Review*. 1995;2(1):1-62.

DOI: 10.17803/2542-2472.2025.36.4.087-093

ПОЛИТИЗАЦИЯ ФИКЦИЙ В ПОРТУГАЛЬСКОМ ЭТАТОГЕНЕЗЕ (ПЕРЕЧИТЫВАЯ ТРУДЫ И. А. ИСАЕВА)

Капицын Владимир Михайлович,
профессор кафедры сравнительной политологии Московского государственного
университета имени М.В.Ломоносова, доктор политических наук, профессор
119991, Россия, г. Москва, ГСП-1, Ломоносовский пр-кт, д. 27, корп. 4
kapizin@yandex.ru

© Капицын В. М., 2025

***Аннотация.** На основе обобщения трудов И. А. Исаева автор исследует универсальные черты политических фикций, используя затем эти положения в анализе средневекового государствообразования, а именно португальского кейса XI в. Государствообразование (этатогенез) как процесс назревания напряженности между рациональным и утопическим насыщается политизацией фиктивного. Исследование государствообразования в условиях реконкисты с ее фронтиром выявляет исторические референты порождения политических фикций на начальном этапе португальского этатогенеза. Выделение из состава Леона сначала графства, затем политики, обретающей де-факто статус королевства, во многом связано с военным и политическим талантом Афонсу Энрикеша. Используя вызревшие объективные условия, он возглавил сепаратистское движение и проявил способность создавать политические фикции, что помогло завоевать и сохранить независимость от Леона и Кастилии, основать жизнеспособное государство. Анализ политических фикций в Португалии XI в. дает новые возможности исследования этатогенеза.*

***Ключевые слова:** И. А. Исаев; политизация фиктивного; политические фикции; юридические фикции; этатогенез; легитимация; реконкиста; Королевство Португалия XI в.; Афонсу Энрикеш.*

POLITICIZATION OF FICTIONS IN PORTUGUESE STATE FORMATION (REVISITING THE WORKS BY I. A. ISAEV)

Vladimir M. Kapitsyn,
Dr. Sci. (Political Studies), Professor, Department of Comparative Political Studies,
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
kapizin@yandex.ru

***Abstract.** Drawing on a synthesis of I. A. Isaev's works, the author examines the universal features of political fictions and applies these insights to the analysis of medieval state formation, focusing on the Portuguese case of the 11th century. State formation (etatogenesis), understood as a process marked by the tension between the rational and the utopian, is saturated with the politicization of the fictive. Studying etatogenesis in*

the context of the Reconquista and its frontier dynamics reveals historical referents for the generation of political fictions at the initial stage of Portuguese state formation. The separation from León — first as a county, then as a polity that acquires de facto kingdom status — is largely attributable to the military and political talent of Afonso Henriques. Exploiting maturing objective conditions, he led a separatist movement and demonstrated the capacity to construct political fictions that helped secure and sustain independence from León and Castile and to establish a viable state. The analysis of political fictions in 11th-century Portugal opens new avenues for the study of etatogenesis.

Keywords: *I. A. Isaev; politicizing the fictitious; political fictions; legal fictions; etatogenesis; legitimation; Reconquista; Kingdom of Portugal 11th century; Afonso Henriques.*

В регулировании правовых и политических отношений используется множество инструментов, в том числе фикции. Юридические фикции довольно интенсивно исследуются в работах по истории права, а также юридической и политической антропологии. Пионером исследования политических фикций в России стал известный историк, теоретик и философ права и государства И. А. Исаев. Политическая фикция — важное правовое явление в качестве своеобразного «аналога идеологической конструкции... углубляющей фантазийные черты идеологической структуры»¹. Ученый исследует политизацию фиктивного в Великой французской революции, которой свойственно было вызревание новых типов напряженности между утопическими и рациональными элементами, разными принципами легитимации режимов².

И. А. Исаев открывает универсальную теоретико-методологическую «колею» для исследования обществ в переломные эпохи революций, реформ, войн. Великая французская революция известна апофеозом напряженности при развенчании святости королей и переноса особой легитимации на парламент. И. А. Исаев, ссылаясь на Э. Берка, отмечает, что «Французская революция не очень похожа на обычные политические революции и что она отличается ходом и характером революции религиозной»³. Но и в другие эпохи тоже происходила политизация фиктивного. На заре Средневековья был сформулирован постулат о «святости короля» как неотъемлемом компоненте его особы. Осмысление этого феномена в XX в. привело к концепциям «короли-чудотворцы» (М. Блок), «два тела короля» (Э. Канторович), проливающим свет на особенности порождения политических фикций. Устранение физического тела (публичная казнь Людовика XVI) деформировало и «политическое тело короля», прерывая династическую легитимацию, и готовило перенос этой легитимации на институты народного представительства⁴. Символическое тело короля выражалось не столько в нормах права, сколько в политической фикции, означающей постоянство престолонаследия и легитимационную непрерывность монархии.

Политические фикции появляются и в процессе государствообразования (этогогенеза), оформляя завоевания, легитимацию власти правителя, а также и сепаратистские процессы. Интенсивная политизация фиктивного проявлялась и в процессе образования, например, королевской династии в эпоху реконкисты в Португалии при правлении Афонсу Энрикеша (Афонсу I). В этогогенезе изменяется обоснование «особого кода власти» (Н. Луман), выделяемого в новых условиях как результат формирования политической функции. Последняя отвечает за сохранение двух универсальных функций: 1) сохранения и наследования ценностного (идеологического) образца освящения власти и 2) интеграции людей вокруг вождя (короля).

¹ Исаев И. А. Политизация фиктивного // История государства и права. 2021. № 1. С. 15.

² Исаев И. А. Историческая метафизика власти и закона. Обращение к истокам. Очерки по истории и философии права / под ред. В. Г. Румянцевой. М. : Проспект, 2024. С. 211.

³ Исаев И. А. Основная норма («скрижали революционного закона») // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 8. С. 21.

⁴ Манов Ф. В тени королей. Политическая анатомия демократического представительства. М. : Издательство Института Гайдара, 2014. С. 68–69.

Так обеспечивается «взаимодействие единиц на основе их взаимной совместимости и их взаимного усиления»⁵.

Признаки этатогенеза просматриваются в состоянии общества, при котором эти две универсальные функции не могут поддерживать существование социума без выделения (обновления) политической функции. Необходим политический режим с признаками первоначального государства. Прежний режим заменяется другим, хотя и здесь не отменяются функции сохранения образца и интеграции. Используются идеологические формы, в частности насаждаются исторические нарративы с ценностными образцами для утверждения авторитета новой власти. В этатогенезе возникают переходные состояния, и политические фикции сопровождают властное насилие на пути к государственно-правовым формам.

В чем же сходство и различие юридических и политических фикций? Ответить довольно сложно. Тем более для обстановки, когда «все интересы, поглощая друг друга, пересекаются и словно сплетаются в клубок... политически или юридически распутать подобное невозможно»⁶. Сходство их в том, что в основании обеих фикций лежит волящее отношение («отношение силы к силе»)⁷. Обе разновидности фикций в этатогенезе снижают неопределенность и предполагают редукцию: юридические фикции упрощают идею с помощью нормы и отношения; политические — устраняют социальные конфликты, обосновывая политическую властную функцию и применение дискреционных полномочий.

Политическая фикция, в отличие от юридической, не носит выраженного нормативного характера, а используется сначала как средство убеждения (легитимации), а в определенной ситуации — демонстрации политической воли. То есть, поддерживая ценностный образец, она помогает мобилизовать общества и обеспечить появление суверена; приобретают даже учреждающий характер и оправдывают чрезвычайные полномочия суверена. «Когда наступает чрезвычайная ситуация, суверен не может пытаться или ошибаться, он должен мгновенно принимать четкие политико-правовые решения, мобилизуя все ресурсы. Здесь нет места для другой воли, необходимо неуклонно следовать государственному интересу во имя спасения народа»⁸.

Некоторые авторы в юридической фикции видят нетипичное правовое предписание наряду с презумциями⁹. Политическая фикция при отсутствии определившегося порядка играет роль подобного предписания для учреждения (реставрации) или, наоборот, разрушения властных институтов и замены их новыми. Так, политическая воля, выраженная в символах, подкрепляется политическими фикциями, включаемыми в нарративы, несущие установку на сецессию. Это располагает сепаратистские силы поддерживать новое политическое образование и не позволять сохранять старое право (порядок). Благодаря этому вносятся иные идеологические конструкции, новые правовые формы для обоснования сецессии.

Политизация фиктивного сопровождает государствообразование, реставрацию государств, сепаратистские процессы. Если юридические фикции вводятся в легальной (законной) колее, укрепляя (реставрируя) легальный порядок, то политические фикции готовят условия делегитимации старого порядка и легитимации нового (революция, «свержение тирана», сецессия). Неизбежное «сплетение интересов в клубки» требует порой нестандартных и даже экстраординарных политических действий. Говоря словами И. А. Исаева, происходящее «смешение сфер (или “полей”)

⁵ Парсонс Т. О социальных системах. М. : Академический проект, 2002. С. 696.

⁶ Румянцева В. Г. Государственный интерес: власть суверена по умолчанию // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 11. С. 169.

⁷ Делез Ж. Ницше. СПб. : Machina, 2010. С. 31.

⁸ Румянцева В. Г. Указ. соч. С. 169.

⁹ Танимов О. В. О научной разработке понятия «юридическая фикция» // Гражданин. Выборы. Власть. 2022. № 3 (25). С. 44.

проявляется в двух видах активности: ситуативной импровизации ad hoc и в форме планов на будущее или ретроспективных объяснений»¹⁰.

Подобное проявлялось в этатогенезе Португалии, включающем одновременно идущие взаимосвязанные процессы, соединявшиеся в реконкисте: война с «маврами» и с соседними политиями, хозяйственные, (меж)конфессиональные, миграционные, сепаратистские процессы, межсословная (классовая) борьба, образование коалиций, династические браки. Перед властями стояли задачи защиты территорий от набегов врага, освобождения земель, заселенных разнородным населением (христианами, мусульманами, иудеями), освоения фронтальных земель — всё это «вплелось» в борьбу за независимость и формирование нового королевства.

Труды И. А. Исаева дают методологические посылки для выявления ряда линий политизации фиктивного в этатогенезе, имеющих универсальные исторические соответствия, верифицирующие применение понятия политической фикции к средневековым формам.

Развитие Португалии отдельно от других частей Иберии и от «империи Испания» Альфонсо VII имело сепаратистское содержание и включало политизацию фиктивного. В фокусе нашего исследования оказались политические фикции на начальном этапе португальского (реконкистного) этатогенеза, соединяющем военно-фискальное насилие победителей (завоевателей, освободителей) и производство «объединяющих убеждений» — религиозных нарративов, в частности отраженных в хрониках на основе архивов монастырей и храмов, особенно монастыря Санта-Мария де Алкобаса, возникшего в 1153 г. Такое соединение позволяло власти установить «замирную среду». Неравновесие ресурсов в социальной структуре, неравенство в выплатах податей разных сословий компенсировалось тем, что привилегированные слои брали на себя несение военной службы у правителя (графа, короля), защиту «свободы» («независимости»), а вместе с этим и своих привилегий. Религия создавала «момент связанности» жителей, военных дружин, правителя. И чем религия влиятельнее, тем меньше необходимо было насилие над «своими» (меньше солдат и чиновников для поддержания порядка).

Особое сочетание военного насилия и нарратива в реконкисте, как со стороны арабов, так и христиан, во многом объясняет, почему много политических фикций использовалось в этатогенезе Португалии. Их применение связано и с такой особенностью, как разрыв в линии наследования титула графа Афонсу Энрикешем. После смерти его отца, графа Португалии Генриха (Энрике) Бургундского, вместо малолетнего сына правила его мать. Затем подросший Афонсу свергнул власть своей матери — «королевы» Терезы: так образовались правовые лакуны, затруднявшие легитимацию власти Афонсу и формирование независимого королевства. Афонсу пришлось нарушать сеньориальное право: будучи вассалом короля Леона Альфонса VII, он постоянно разрушал эту зависимость. Были сложности и в отношениях с папством и местными церковными иерархами.

Еще до истории Афонсу Энрикеша при функционировании графства Порту-Кале возникала обусловленность применения множества политических фикций. Формула «графства» с недостаточно определенным статусом стимулировала в относительно автономной властной структуре сепаратистские стремления. Короли Леона учредили графство Порту-Кале для защиты своих южных рубежей (первое графство 868–1071 гг.). Но появились стремления к расширению автономии, доведенные до восстания одного из графов. Графство ликвидировалось, однако затем воссоздавалось вновь и существовало в 1095–1139 гг.; его границы перемещались в условиях реконкисты. Это давало опыт формирования референтов политической независимости. Появились титулы первых графов, включая отца Афонсу — графа Генриха (родственник супруги короля Леона и Хуго I — аббата Ключи). Мать Афонсу — Тереза, правившая в 1112–1128 гг., присвоила титул «королевы», стремясь стать правительницей Галисии, независимой от Леона, для чего воевала с сестрой — королевой

¹⁰ Исаев И. А. Симулякры: виртуальная реальность закона // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 5. С. 34.

Урракой и племянником — королем Альфонсо VII. Графы обрели в условиях реконкисты военные функции, достигли определенной автономии, укрепив личную власть, получили поместья, заключали династические браки, учреждали наследование власти по мужской линии.

Многие политические фикции в правлении Афонсу Энрикеша тесно связаны с его военными успехами. Не находя правовых оснований для наследования власти от родителей, молодой правитель сделал упор на свои военные достижения.

Назовем некоторые акты, обретающие черты политических фикций.

Публичное обращение Афонсу Энрикеша в 1127 г. к горожанам в Гимарайнше (к «своим друзьям и беднякам Португалии») за поддержкой в обороне города от своего сюзерена и двоюродного брата Альфонса VII. Ранее в политике правителей такие обращения не практиковались¹¹. Поддержка горожан и влиятельной знати Гимарайнша стала первой демонстрацией независимости графства от королевства Леон.

Провозглашение Афонсу себя «правителем Португалии» после победы при Сан-Мамеде в 1128 г. над своей матерью «королевой» Терезой¹². Он взял власть путем мятежа против матери, а не путем наследования статуса.

Конструирование титулов для компенсации вакуума легитимности: в Хартии 1128 г. Афонсу Энрикеш принял такую формулу своего титула: «Прославленный инфант лорд Афонсу, сын графа Генриха и королевы Терезы, внук великого императора Альфонсо, светлой памяти». В 1129 г. он объявил о распространении своей власти на всю Португалию «независимо ни от кого извне», а после победы над сюзереном и кузеном Альфонсо VII провозгласил себя «принцем Португалии»¹³. Режим Афонсу существовал параллельно легитимному правлению в королевстве Леон.

Некоторые парадипломатические шаги Афонсу Энрикеша: заключение союза с другим «сепаратистом» Рамиро — молодым королем Наварры, конфликтовавшим с Леоном; заключение династических браков — браки самого Афонсу, его сына Саншу и дочерей с представителями знатных семей и династий, что укрепляло связи с Арагоном, Наваррой, Кастилией.

Формирование образа Афонсу «Победителя»: этот образ укрепился в официальном нарративе после победы над маврами при Орике¹⁴. Тогда его воины объявили Афонсу «королем» по вестготскому (германскому) обычаю, «подняв его на щит» (позднее эту победу свяжут с легендой о чуде при Орике в Португальской хронике 1419 г.).

Именование Афонсу в официальных документах «королем» после новых успешных войн с правителем Леона в Галисии: тогда португальские воины одержали победу над воинами Альфонсо VII при Вальдевеше (здесь само сражение имело черты политической фикции, т.е. проводилось в виде рыцарских поединков); с этого времени Афонсу стал именовать себя в документах как «король Португалии»¹⁵.

Афонсу I в союзе с Римом формировал нарратив (политическое повествование), что борьба за независимость (реконкиста) — составная часть общего процесса Крестовых походов, одна из целей которых — вернуть территории бывших вестготских королей, а также юрисдикцию Рима, что преподносилось как своеобразная

¹¹ *Lay St.* The Reconquest Kings of Portugal. Political and Cultural Reorientation on the Medieval Frontier. New York : Palgrave Macmillan, 2009. P. 71.

¹² *Silva T. J.* Queimada e As metamorfoses de um guerreiro: Afonso Henriques na cronística medieval. Dissertação de Mestrado em História da Idade Média. Coimbra : Universidade de Coimbra, 2011. P. 149.

¹³ *Варьяш О. И.* Становление Португалии // Пиренейские тетради: право, общество, власть и человек в Средние века. М. : Наука, 2006. С. 45.

¹⁴ *Herculano A.* Historia de Portugal. Sexta edição. T. I. Historia de Portugal desde o começo da monarchia até o fim do reinado de Affonso III. Lisboa : Livraria editora Tavares Cardoso & Irmão, 1901. P. 325.

¹⁵ *McMurdo E.* The History of Portugal: From the Commencement of the Monarchy to the Reign of Alfonso III. Vol. 1. London : Wilpred Head and Mark, 1888. P. 163–164.

историческая справедливость. С этим было связано участие крестоносцев из разных стран в освобождении городов Иберии, в том числе Лиссабона.

Использование королем Афонсу I отношений вассал — сюзерен с папой Римским: таким образом, разрывая вассальные отношения с королем Леона Альфонсом VII, Афонсу в письме папе в 1143 г. назвал себя «служгой и рыцарем папы и святого Петра, с условием, что Святой Престол будет его защищать от любых прочих церковных или гражданских властей»¹⁶. В 1144 г. папа Луций II взял Португалию под покровительство. В XII в. вновь образующиеся династии так стремились легитимировать себя. Но папы долго не признавали королевский статус Афонсу I.

Подготовка передачи правления королевством своему сыну Саншу, хотя отсутствовало международное признание королевства. Афонсу I, чтобы приучать подданных и иностранцев видеть в Саншу правителя при отсутствии формального акта о признании королевства, учредил «совместное правление» отца и сына. Так он стремился обеспечить наследование на основе признания заслуг инфанта в государственных делах, с начала 1170 г. давал Саншу военные и гражданские поручения: участие в привлечении жителей на пустующие земли, развитие муниципалитетов, выдача форалов.

Были и другие основания, обусловившие политические фикции. Хотя в Леоне и Кастилии наследственное право фактически уже заменяло выборы короля, но тем не менее еще действовал вестготский закон, по которому короновался выборный правитель. К тому же в Иберии в целом не было норм, регулирующих разделение бывшей единой Вестготской монархии. Могло бы помочь признание королем Афонсу I со стороны папы (акты Верховного понтифика в Испании могли признаваться выше, чем вестготский закон), но папы не спешили с таким признанием¹⁷.

Основатель Португалии, готовя страну к передаче власти, боялся последствий недостаточной легитимации, чем могли воспользоваться противники внутри страны и за рубежом. И ему удалось создать обстановку, в которой даже при наличии правовых лагун в легитимации удалось представлять сына Саншу как наследника короля. Позднее задача легитимации наследования была облегчена: в 1179 г. от папы Римского, наконец, пришло признание королевского достоинства Афонсу I.

В характеристике Афонсу Энрикеша начала 1130-х гг. была отмечена такая его черта: «Он не был бы государем, способным преуспеть в мирное время; но его энтузиазм, честолюбие и храбрость понадобились в те смутные времена, чтобы построить здание независимости в стране»¹⁸. Это звучит как объяснение обстоятельств политизации фиктивного. Король Афонсу I за время правления (1139–1175) основал государство, способное не только завоевать территории, но и отстоять завоевания, а также обеспечить межконфессиональный мир, поднимающуюся экономику, устойчивую королевскую власть. И применение политических фикций стало органичной частью обеспечения португальского этатогенеза, сопровождало политику правителя во время всего правления Афонсу Энрикеша.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Варьяш О. И. Пиренейские тетради: право, общество, власть и человек в Средние века. — М.: Наука, 2006. — 451 с.
2. Делез Ж. Ницше. — СПб.: Machina, 2010. — 171 с.
3. Исаев И. А. Историческая метафизика власти и закона. Обращение к истокам. Очерки по истории и философии права / под ред. В. Г. Румянцевой. — М.: Проспект, 2024. — 272 с.
4. Исаев И. А. Основная норма («скрижали революционного закона») // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2018. — № 8. — С. 20–33.

¹⁶ Сарайва Ж. Э. История Португалии. М.: Весь мир, 2007. С. 25.

¹⁷ McMurdo E. Op. cit. P. 173.

¹⁸ McMurdo E. Op. cit. P. 152.

5. Исаев И. А. Политизация фиктивного // История государства и права. — 2021. — № 1. — С. 15–22.
6. Исаев И. А. Симулякры: виртуальная реальность закона // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2021. — № 5. — С. 30–40.
7. Манов Ф. В тени королей. Политическая анатомия демократического представительства. — М. : Издательство Института Гайдара, 2014. — 176 с.
8. Парсонс Т. О социальных системах. — М. : Академический проект, 2002. — 830 с.
9. Румянцева В. Г. Государственный интерес: власть суверена по умолчанию // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2023. — № 11. — С. 165–170.
10. Сарайва Ж. Э. История Португалии. — М. : Весь мир, 2007. — 366 с.
11. Танимов О. В. О научной разработке понятия «юридическая фикция» // Гражданин. Выборы. Власть. — 2022. — № 3 (25). — С. 35–48.
12. Herculano A. Historia de Portugal. — Sexta edição. — T. I. Historia de Portugal desde o começo da monarchia até o fim do reinado de Affonso III. — Lisboa: Livraria editora Tavares Cardoso & Irmão, 1901. — 558 p.
13. Lay St. The Reconquest Kings of Portugal. Political and Cultural Reorientation on the Medieval Frontier. — New York : Palgrave Macmillan, 2009. — 332 p.
14. McMurdo E. The History of Portugal: From the Commencement of the Monarchy to the Reign of Alfonso III. — Vol. 1. — London : Wilfred Head and Mark, 1888. — 368 p.
15. Silva T. J. Queimada e As metamorfoses de um guerreiro: Afonso Henriques na cronística medieval. Dissertação de Mestrado em História da Idade Média. — Coimbra : Universidade de Coimbra, 2011. — 169 p.

REFERENCES

1. Varyash OI. Iberian Notebooks: Law, Society, Power and Man in the Middle Ages. Moscow: Nauka Publ.; 2006. (In Russ.).
2. Delez J. Nietzsche. St. Petersburg: Machina Publ.; 2010. (In Russ.).
3. Isaev IA. Historical metaphysics of power and law. Appeal to origins. Essays on the history and philosophy of law. Moscow: Prospekt Publ.; 2024. (In Russ.).
4. Isayev IA. The Fundamental Norm («The Tables of Revolutionary Law»). *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2018;(8):20-33. (In Russ.).
5. Isaev IA. Politicization of the Fictitious. *History of State and Law*. 2021;1:15-22. (In Russ.).
6. Isaev IA. Simulacra: the virtual reality of law. *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2021;(5):30-40. (In Russ.).
7. Manov F. In the shadow of kings. Political anatomy of democratic representation. Moscow: Insitut Gaidara Publ.; 2014. (In Russ.).
8. Parsons T. On social systems. Moscow: Akademicheskij proekt Publ.; 2002. (In Russ.).
9. Rumyantseva VG. The State Interest: the Sovereign's Power by Default. *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2023;1(11):165-170. (In Russ.).
10. Saraiva JE. History of Portugal. Moscow: Ves mir Publ.; 2007. (In Russ.).
11. Tanimov OV. On the scientific development of the concept of «legal fiction». *Citizen. Elections. Power*. 2022;3(25):35-48. (In Russ.).
12. Herculano A. Historia de Portugal. Sexta edição. Vol. I. Historia de Portugal desde o começo da monarchia até o fim do reinado de Affonso III. Lisboa: Livraria editora Tavares Cardoso & Irmão. MCM1; 1901.
13. Lay St. The Reconquest Kings of Portugal. Political and Cultural Reorientation on the Medieval Frontier. New York: Palgrave Macmillan; 2009.
14. McMurdo E. The History of Portugal: From the Commencement of the Monarchy to the Reign of Alfonso III. Vol. 1. London: Wilfred Head and Mark; 1888.
15. Silva TJ. Queimada e As metamorfoses de um guerreiro: Afonso Henriques na cronística medieval. Dissertação de Mestrado em História da Idade Média. Coimbra: Universidade de Coimbra; 2011.

DOI: 10.17803/2542-2472.2025.36.4.094-099

ОСОБЕННОСТИ ПРИНЦИПОВ УСТАВА ООН КАК ОСНОВНЫХ ПРИНЦИПОВ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

МИР

Ануфриева Людмила Петровна,

профессор кафедры международного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор
125993, Россия, г. Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9
lpnufrieva@msal.ru

© Ануфриева Л. П., 2025

Аннотация. Статья посвящена едва ли не краеугольному аспекту теории и практики современного международного права, никоим образом не утрачивающему с годами актуальности, — нормам Устава ООН, и формально, и по существу провозглашенным принципами деятельности Организации и, кроме того, составившим фундамент всего послевоенного миропорядка. Принципы Устава ООН обладают статусом главенствующих норм, *expressis verbis* выраженным международно-правовым путем, посредством присвоения квалификации «основных принципов». Присутствие в тексте Хельсинкского заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 г. 10 принципов, которыми государства-участники будут руководствоваться во взаимных отношениях, обуславливает постановку ряда неоднозначно решаемых проблем их соотношения с принципами Устава ООН: распространения на них вышеуказанной квалификации как «основных», выявления наличия либо отсутствия одинаковой с принципами Устава ООН правовой природы, и, в виде более «тонкого» инструментария анализа, обращения к особенностям основных принципов в целях окончательного вывода о тождественности либо нетождественности их положения в иерархическом плане. Данный прием может содействовать идентификации и/или выделению принципов Устава ООН среди иных юридических категорий, встречающихся в числе тех, что способны быть принятыми за «принципы международного права» (нормы *jus cogens*), равно как и помочь разобрататься с весьма тиражируемым сегодня нарративом «правила, на которых основан международный порядок». В свете этого, и предметно — благодаря самому дискурсу, — и с точки зрения методологии подхода к изучению, рассмотрение особенностей принципов Устава ООН занимает место в первом эшелоне откликов на первоочередные вызовы международно-правовой науке.

Ключевые слова: ООН; Устав ООН; международное право; нормы; принципы; основные принципы; межгосударственные отношения; *jus cogens*; правила, на которых основан международный порядок.

Благодарности. Исследование выполнено в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

SPECIFIC FEATURES OF THE PRINCIPLES OF THE UN CHARTER AS FUNDAMENTAL PRINCIPLES OF INTERNATIONAL LAW

Lyudmila P. Anufrieva,

Dr. Sci. (Law), Professor; Department of International Law, Kutafin Moscow State Law
University (MSAL), Moscow, Russian Federation

lpnufrieva@msal.ru

Abstract. *This paper addresses a cornerstone aspect of the theory and practice of modern international law that has retained its relevance over time: the norms of the UN Charter, which are both formally and substantively proclaimed as the Organization's guiding principles and have, in addition, formed the basis of the entire post-war world order. The principles of the UN Charter enjoy the status of paramount norms, designated expressis verbis in the Charter as «basic principles». The inclusion in the text of the Helsinki Final Act of the 1975 Conference on Security and Cooperation in Europe of ten principles intended to guide participating states in their mutual relations gives rise to a number of unresolved questions concerning their relationship to the principles of the UN Charter. These questions include whether the Helsinki principles should be afforded the same qualification as «basic» principles; whether they possess a legal nature identical to that of the Charter principles; and, by means of a more nuanced analytical approach, whether their hierarchical position is identical to — or distinct from — that of the Charter's principles. Such analytical techniques can assist in identifying and distinguishing the principles of the UN Charter from other legal categories that may be mistaken for «principles of international law», notably jus cogens norms, and can help clarify the frequently invoked but imprecise formulation of the «rules on which the international order is based». Against this background, both substantively — by virtue of the discourse itself — and methodologically, the examination of the specific features of the UN Charter's principles occupies a primary position among scholarly responses to the principal challenges confronting international legal science.*

Keywords: *UN; UN Charter; international law; norms; principles; guiding principles; interstate relations; jus cogens; the rules on which the international order is based.*

Acknowledgements. *The study was carried out within the framework of «Priority-2030» Strategic Academic Leadership Program.*

О принципах и основных принципах международного права в отечественной литературе последних лет написано немало¹. В советский период широким списком публикаций, посвященных основным принципам, оперировал «Курс международного права»². Помимо советских работ, в нем присутствуют и зарубежные издания. Однако отметим немаловажное обстоятельство: среди авторов, обратившихся к проблеме основных принципов, фигурируют преимущественно специалисты из стран так называемого в прошлом социалистического лагеря: немецкие (ГДР), чехословацкие, румынские, венгерские юристы-международники, хотя имеются и представители другого крыла международно-правовой науки (Д. Бернт, А. К. Триндаде, М. Шахович, И. Синклер)³. Акцент последними ставился на буквальное воспроизведение обозначения анализируемой категории принципов

¹ См.: Бобров Р. Л. О понятии основных принципов международного права // Советский ежегодник международного права. 1958. М. : Изд. АН СССР, 1959. С. 502–503 ; Пушмин Э. А. О понятии основных принципов современного общего международного права // Советский ежегодник международного права. 1978. М. : Наука, 1980. С. 72–85.

² Курс международного права : в 7 т. М. : Наука, 1989. Т. 2 : Основные принципы международного права / Г. В. Игнатенко, В. А. Карташкин, Б. М. Клименко [и др.]. С. 5–24.

³ Курс международного права. Т. 2. С. 5.

в названии Декларации — как «принципах дружественных отношений и сотрудничества», а вовсе не базируясь на *характеристике* принципов в качестве «основных»⁴. Скорее всего, это могло объясняться падением «железного занавеса», движением к разрядке международной напряженности, стремлением если не обойти, то смягчить жесткость и категоричность требований противостояния двух систем, свойственных былой эпохе, удовлетворить позициям всех типов государств, включая и развивающихся.

В дальнейшем, уже в конце XX — начале XXI в., понятие «основные принципы международного права» даже в наименовании «принципы дружественных отношений и сотрудничества государств в соответствии с Уставом ООН» становилось всё менее используемым и в науке, и в практике международного общения, сократившись до «принципов Устава ООН». Наряду с этим, императивные нормы общего международного права — *jus cogens* — являются коррелятом применительно к данному предмету. Негативные и довольно язвительные⁵ оценки по отношению к *jus cogens* существуют со времен кодификации норм права международных договоров⁶. Однако здесь вопрос не только различий доктринального толка, но и прежде всего выбора официальных позиций государств (например, Франции, резко выступавшей против понятия *jus cogens* в связи с введением его в текст Конвенции).

Тот же многотомный российский «Курс международного права» безоговорочно уравнивает по статусу, юридической силе и природе «основные принципы» с нормами *jus cogens*⁷, не только воспринимая их как юридические нормы, правовые принципы, но и возводя их (что соответствует подходу Конвенции) в ранг императивных норм высшего порядка, от которых нельзя отступить в силу соглашения сторон.

Переходя непосредственно к предмету настоящей публикации — выявлению конкретных особенностей принципов Устава ООН, представляется настоятельным попытаться установить некоторые квалифицирующие их признаки. Безусловно, ведущим отличием выступает факт их помещения в особый разряд, именуемый «основные принципы». Текстуально данная категоризация произведена не Уставом ООН и не Хельсинкским актом СБСЕ 1975 г., а резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 24.10.1970 — «Декларацией о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций». Способен ли этот факт изменить позицию и значение рассматриваемых принципов в сторону понижения? Думается, что нет, поскольку не подвержена сомнениям прямая связь резолюции ГА ООН с принципами Устава ООН, как это непосредственно вытекает из названия документа, а его интерпретационная (толковательная) направленность не нарушает общих целей его разработки и принятия.

Таким образом, сохраняя курс на продолжение более или менее обстоятельного выявления главных свойств основных принципов международного права, следует указать на *первостепенность* триады их качеств:

— безусловное наличие у них *регулятивной* функции как правовых норм вообще;

⁴ *Sinclair I. Principles of international law concerning friendly relations and cooperation among states // Essays on international law in honour of K. Rao. Faridabad, 1975 ; Principles of International Law Concerning Friendly Relations and Cooperation : essays / ed. by M. Šahović. Dobbs Ferry : Oceana Publications, Inc. ; Belgrade : The Institute of International Politics and Economics, 1972. P. 450.*

⁵ Авторы неоднократно цитируемого здесь «Курса международного права» выразили весьма благосклонное отношение к императивным нормам вообще, своду предписаний *jus cogens* и, соответственно, к признанию основных принципов международного права в качестве особых императивных норм — норм *jus cogens* (см.: Курс международного права. Т. 2. С. 5–7).

⁶ Данная проблема обозначилась в рамках разработки КМП ООН проекта статей конвенции, ставшей впоследствии Венской конвенцией о праве международных договоров от 23.05.1969.

⁷ Курс международного права. Т. 2. С. 6.

— самоочевидность системообразующей их роли («сквозного» характера по отношению ко всей системе норм международного права);

— наконец, конституирующее значение принципов для формирования и поступательного развития последней.

Бесспорна и другая ключевая черта основных принципов — *всеобщность*, т.е. распространение их действия на все сферы функционирования общественных отношений межгосударственного характера, способных быть объектом регулирования международным правом, в которых взаимодействуют его субъекты. Всеобъемлющее действие основных принципов имеет место как в предметно-объектном либо субъектном, так и пространственном отношениях⁸.

Именно основные принципы порождают особую категорию международных обязательств — обязательства *erga omnes* («обязательства государств в отношении международного сообщества как целого»). Главное предназначение основных принципов состоит в защите общечеловеческих ценностей, обеспечении мира и безопасности, сотрудничества, защите прав человека и международного правопорядка.

Характерным качеством принципов Устава ООН как основополагающих положений международного права выступает имманентная их связь с целями самой ООН и ее Устава. Иными словами, в части предназначения, сущности, юридического содержания и предмета регулирования — поддержания мира и безопасности, защиты общечеловеческих ценностей и др. — всестороннее уяснение заложенных в нормативную форму основных принципов моделей и конструкций в отрыве от целей организации, сотрудничества в ее рамках государств-членов и международного порядка в нужной их полноте, целостности и единстве непродуктивно, а с точки зрения надлежащего уровня правовой регламентации — недостижимо. Более того, упомянутый ранее фундаментальный труд — «Комментарий Устава ООН» — придает положениям, сформулированным в ст. 1 «Цели» Устава, едва ли не напрямую *правотворческое* назначение (причем с аргументированным обоснованием) в формировании правовой основы самой организации, т.е. ее *принципов*. Несмотря на то что труд отличается высокий уровень научного подхода к анализируемым нормам, оперирующий историческими экскурсами, философским обоснованием, формально-юридическим методом анализа при подходе к рассмотрению отдельных сторон затрагиваемых Уставом правовых явлений и юридических понятий⁹, сугубо теоретического разбора

⁸ Курс международного права. Т. 2. С. 7–9.

⁹ В этом отношении крайне любопытны фрагменты, повествующие о предпосылках и этапах создания Организации Объединенных Наций, истории разработки Устава, «нормативной эволюции» проектной работы над учредительным актом ООН и т.д. В то же время нельзя не сказать о по меньшей мере «субъективном взгляде» создателей комментария на содержание и подачу вошедших в готовые выкладки, касающиеся исторических событий, материалов. Бесстрастным свидетельством этого служит оглавление раздела «История создания проекта Устава»: А. Генезис Устава: общая характеристика. Б. Этапы создания новой всемирной организации. I. Предложения индивидуумов и частных групп. II. Экспертные предложения и планы. III. «Объединенные Нации» в заявлениях отдельных государственных деятелей лидирующих в войне держав по целям военных действий. IV. Конференция в Думбартон-Оуксе. V. Договоренности Ялтинской конференции. VI. Учредительная конференция в Сан-Франциско. VII. Ратификация и вступление в силу. Не менее самоочевидным в указанном отношении пассажем выступает следующее замечание в работе: «Краткость учредительного этапа новой всемирной организации — периода времени, предшествующего подписанию Устава, — обуславливается особыми обстоятельствами, происходящими в ходе войны. Конститутивный инструмент ООН задуман, согласован, разработан, подписан и ратифицирован в рамках четырех стадий, тесно увязанных с их соответствием военным событиям». См.: The Charter of the United Nations. A Commentary. 2nd ed. Vol. I / Simma Br. (ed.). Oxford : Oxford University Press, 2002. P. 1–2.

категорий «принцип/принципы», «основные принципы», «принципы Устава ООН» и их соотношения друг с другом авторы, к сожалению, не дают¹⁰.

Наконец, будучи закрепленными в многосторонних документах неординарного значения — Уставе ООН и Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 г., — основные принципы выражают наиболее важные общеобязательные требования юридического порядка, предъявляемые к поведению субъектов международного права на соответствующем этапе развития международного сообщества. Здесь, правда, есть затруднение: не является ли надуманным положительное решение вопроса о расширительном подходе к тому, чтобы квалифицировать не семь лишь, а все *десять принципов* международного права, которые перечислены в Заключительном акте СБСЕ 1975 г., в качестве «основных»? Во всяком случае строго легального ответа в этом плане не существует — «Декларация принципов, которыми государства-участники будут руководствоваться во взаимных отношениях», будучи неотъемлемой частью Хельсинкского акта, не содержит четко обозначенных положений на этот счет.

«Добавленные» принципы отнюдь не являются посторонними для Устава, который в ряде своих положений предметно вносит те или иные грани в их содержание, конструируя такие обязательства, как: «воздерживаться от угрозы силой или ее применения против территориальной неприкосновенности» или «политической независимости», или «каким-либо иным образом»; «осуществлять международное сотрудничество... в поощрении и развитии уважения к правам человека и основных свобод для всех» (ст. 1 и 2), доказывая важность признания этого Уставом как для организации, так и для государств-членов.

Включение указанных положений в когорту 10 основных принципов не может расцениваться неверным ввиду свойства логического продолжения трех принципов Хельсинкского акта 1975 г. по отношению к семи принципам Устава ООН и содержательного «родства» юридической сущности между первыми и вторыми. Распространение на все 10 принципов также и требований восприятия их во взаимосвязи друг с другом, учета содержания других принципов в случаях толкования какого-либо одного из основных принципов для установления надлежащей полноты и всесторонности прав и обязанностей, формируемых ими, в свою очередь, должно иметь место без изъятий.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бобров Р. Л. О понятии основных принципов международного права // Советский ежегодник международного права. 1958. — М. : Изд. АН СССР, 1959. — С. 502–503.
2. Курс международного права : в 7 т. Т. 2 : Основные принципы международного права / Г. В. Игнатенко, В. А. Карташкин, Б. М. Клименко [и др.]. — М. : Наука, 1989. — 240 с.
3. Пушмин Э. А. О понятии основных принципов современного общего международного права // Советский ежегодник международного права. 1978. — М. : Наука, 1980. — С. 72–85.
4. Principles of International Law Concerning Friendly Relations and Cooperation : essays / ed. by Milan Šahović. — Dobbs Ferry : Oceana Publications, Inc. ; Belgrade : The Institute of International Politics and Economics, 1972. — P. 450.
5. Sinclair I. Principles of international law concerning friendly relations and cooperation among states // Essays on international law in honour of K. Rao. — Faridabad, 1975.
6. The Charter of the United Nations. A Commentary. — 2nd ed. — Vol. I / Br. Simma (ed.). — Oxford : Oxford University Press, 2002. — 1385 p.

¹⁰ The Charter of the United Nations. A Commentary. P. 1–32, 46–171.

REFERENCES

1. Bobrov RL. On the concept of basic principles of international law. *Soviet Yearbook of International Law*. 1958. Moscow: USSR Academy of Sciences Publ.; 1959. (In Russ.).
2. Ignatenko GV, Kartashkin VA, Klimenko BM et al. *Course of International Law: In 7 vols. Vol. 2: Guiding Principles of International Law*. Moscow: Nauka Publ.; 1989. (In Russ.).
3. Pushmin EA. On the concept of the basic principles of modern general international law. *Soviet Yearbook of International Law*. 1978;72-85. Moscow: Nauka Publ.; 1980. (In Russ.).
4. Šahović M, Ferry D (ed.). *Principles of International Law Concerning Friendly Relations and Cooperation: essays*. Oceana Publications, Inc. Belgrade: The Institute of International Politics and Economics; 1972.
5. Sinclair I. *Principles of international law concerning friendly relations and cooperation among states. Essays on International Law in Honour of K. Rao*. Faridabad; 1975.
6. Simma Br. (ed.). *The Charter of the United Nations. A Commentary*. 2nd ed. Vol. I. Oxford: Oxford University Press; 2002.

DOI: 10.17803/2542-2472.2025.36.4.100-110

AN ANALYSIS OF THE RIGHT TO AUTONOMY OF THE CHILDREN, OF THE RIGHTS TO CONTROL OF THE PARENTS, AND OF THE RIGHT TO INTERVENTION OF THE STATE

Segalerba Gianluigi,

Member of the IEF — Institute for Philosophical Studies, University of Coimbra (Portugal)
Auvorstadt 1/11/9, Groß-Enzersdorf, Austria, 2301

gianluigisegalerba@fl.uc.pt

© Segalerba G., 2025

Abstract. *The study analyses questions regarding education, the possible aims of education, the concept of autonomy, and the relationships between autonomy and education. In connection with these questions, the study investigates the role of the state as regards education, and the presence or absence of a duty from the state as regards the promotion and the defence of autonomy. Further themes of the inquiry are the duties of the parents as regards the education of the children and the right of the parents to choose the kind of education for their children. Different interpretations of the state, of the possible ways of life, of models for citizenship, of society and of the relations between individuals and groups correspond to the kind of education which is proposed by the researchers.*

Keywords: *autonomy; liberalism; diversity; education; children; Supreme Court; W. A. Galston; R. Arneson; I. Shapiro; A. Gutmann.*

АНАЛИЗ ПРАВА ДЕТЕЙ НА АВТОНОМИЮ, ПРАВ РОДИТЕЛЕЙ НА КОНТРОЛЬ И ПРАВА ГОСУДАРСТВА НА ВМЕШАТЕЛЬСТВО

Сигалерба Джанлуиджи,

член Института философских исследований, Университет Коимбры (Португалия),
Гросс-Энцесдорф, Австрия

gianluigisegalerba@fl.uc.pt

Аннотация. *В исследовании анализируются вопросы, касающиеся образования, возможных целей образовательной деятельности, содержания понятия автономии ребенка, а также характера взаимосвязи между автономией и образованием. В контексте указанных проблем рассматривается роль государства в сфере образования, а также наличие или отсутствие у государства обязанности по содействию развитию и защите автономии. Автором также исследуются обязанности родителей в отношении образования детей и право родителей на выбор формы и содержания образования для своих детей. Различные интерпретации природы государства, допустимых образов жизни, моде-*

лей гражданственности, общественного устройства и характера отношений между индивидами и социальными группами соответствуют тому типу образования, который определяется соответствующими исследовательскими подходами.

Ключевые слова: автономия; либерализм; плюрализм; образование; права детей; родительские права; государственное вмешательство; Верховный суд; У. А. Гальстон; Р. Арнесон; И. Шапиро; А. Гутманн.

This essay is dedicated to the analysis of some positions regarding education, the concept of individual autonomy, the relationships between autonomy and education, the role of the state as regards education, and the presence or absence of duty of the state as regards the promotion and the defence of individual autonomy. These subjects involve the right of the children to decide on their education, the duties of the parents as regards the education of the children, and the rights of the parents to choose the kind of education for their children. We shall see that different interpretations of the government, of the possible ways of life, of models for citizenship, of society and of the relations between individuals and groups correspond to the kind of education which is pleaded for by each author.

Autonomy will be interpreted in this text as the capacity of the direction of one's own life (opposed to external direction) and as the rational self-examination: autonomy is the development of reflective capacities implying examination of traditional values.

The different positions are related to each other by their referring to the case of the US Supreme Court *Wisconsin vs Jonas Yoder* (406 U.S. 205, 1972). This case represents a point of departure in order that elements for an analysis of the role and the aim of education for children can be found. The US Supreme Court decided against the Wisconsin Board of School's extension of compulsory education and for the right of Amish families to withdraw their children from school at age 14 (the new law of Wisconsin at that time foresaw that the obligatory period of school had to be extended up to 16 years). The discussion and analysis of this decision in different thinkers and the different positions adopted by these thinkers on this sentence give many elements for reflection on education¹.

In particular, A. Gutmann gives the possibility to see that the power of the parents over their children ought always to be directed to the well-being of the children; it may never be used for the advantage of the parents. R. Arneson and I. Shapiro expose a model of education which aims at the preparation of pupils for participation in social life. W. A. Galston gives the opportunity to reflect on the reciprocal incommensurability of the social goods: education is one good among other goods. Since no hierarchy among social goods is, in W. A. Galston's view, possible, education cannot be considered as the supreme social good.

Positions of Amy Gutmann

The article by Amy Gutmann has as its beginning point the discussion whether paternalism from parents towards their children may be allowed or not. Paternalism means that parents may have a role in the development of their children and take decisions for their development: the sense of paternalism needs to be explained. The principles of A. Gutmann's study are:

- There are primary goods.
- Education is one of the primary goods.
- The life dimension of the children may not be limited to the community or the family; a plurality of models to be acquainted with is indispensable.

¹ The works which are analysed in this study are the following: *Arneson R., Shapiro I.* Democratic Autonomy and Religious Freedom: A Critique of *Wisconsin v. Yoder* // *Democracy's Place* / ed. by I. Shapiro. Ithaca and London, 1996. P. 137–174 ; *Gutmann A.* Children, Paternalism, and Education: A Liberal Argument // *Philosophy & Public Affairs*. Vol. 9. No. 4 (Summer, 1980). P. 338–358 ; *Galston W. A.* Liberal Pluralism: The Implications of Value Pluralism for Political Theory and Practice. Cambridge, U. K., 2002.

— The power of the parents over the children ought to be used with exclusive attention for the well-being of children; it may not be used to the advantage of the parents.

A. Gutmann's positions are in favour of education, of socialisation, of the development of autonomy in children and of a system of schooling which promotes the development of critical thinking. Parents may exercise a kind of paternalism in relation to their children. Children ought to be considered as individuals who are not yet able to take all decisions on their future: a kind of paternalism cannot be avoided as regards the future of the children. To acknowledge to the parents a power over their children does not mean that parents can compel children to do what parents want. Paternalism ought to be exercised so that parents let children be acquainted with a plurality of goods and with a plurality of life possibilities. Paternalism is subordinated to the parents' duty of offering children a plurality of life perspectives: it is not a power without further determination. Power over children is functional to the development of children: the exclusive aim of paternalism is the cultural development of the children.

A. Gutmann underlines the importance of goods such as a kind of education which enables individuals to choose between available opportunities and to become informed citizens. Without being informed citizens, individuals are deprived of orientation in the world in which they live. Paternalism from parents is conceded by A. Gutmann because children cannot have reached the maturity necessary for taking the decisions regarding their own lives. To endow children with primary goods is the aim to which the concession of paternalism is directed.

"The most obvious primary goods we as rational persons would want provided to us as children are adequate nutrition, health care, housing, familial affection, and an education adequate to choosing among available economic and social opportunities and to becoming informed, democratic citizens. Yet, from the point of view of some citizens within our society, even this short list is controversial. Many Jehovah's Witnesses and Christian Scientists do not think that their children should be forced to take certain medicines or undergo certain medical treatments that are necessary to good health and normal physiological development, and sometimes to life itself. The Old Order Amish do not believe that formal secondary education is a primary good in our society. But these examples need not upset the plausibility of a primary good standard of paternalism applied to children."²

A. Gutmann points out that the relevance of education is not agreed with by all groups since the Old Order Amish does not accept formal secondary education as a primary good. The acceptance of education proves, therefore, to be an open question in society. In A. Gutmann's view, the familiar environment proves to be inferior in comparison with society as regards the opening of perspectives: «Rarely, if ever, does a family furnish its children with as broad a range of resources and opportunities to choose among free and adequate adult lives as does a wider society. While parents often do give their children some of the essential goods of life, they still have a duty to permit, if not to prepare, their children to choose among a range of conceptions of the good life that differ substantially from those held by the family. As citizens of a society offering a broad range of choices to its adult members, parents have an obligation to allow their children to be exposed to the choices available in their extra-familial society»³. A. Gutmann expresses some principles for a strategy of education:

— Parents have a duty to let children be free to choose other ways of life; therefore, parents do not have the right to seclude children in a community, keeping children away from alternative ways of life.

— Children ought to be put in contact with other ways of life than those which are pleaded for or followed in their families.

A. Gutmann underlines the insufficiency of the family environment in comparison with society: a family cannot offer the plurality of perspectives which the society gives. Parents ought to introduce their children to the plurality of ways of life which are present in society: they may not keep children away from society. Therefore, a community may not seclude its

² Gutmann A. Op. cit. P. 340.

³ Gutmann A. Op. cit. P. 342.

members into the community itself: «If my argument so far is correct, it will not suffice to claim that the Amish *community* has the right to impose its standards upon Amish children. Even if the Amish community were an economically and politically self-sufficient unit within our society, the Amish would still have a duty to expose their children to a greater range of choice than they now do»⁴.

The parental duty to introduce children into societies exiting outside a precise community holds, no matter how great the community is. In A. Gutmann's view, the duty of the parents to make their children acquainted with a plurality of life choices is a foundational principle. The parental duty of putting children in contact with a plurality of perspectives remains independent of the self-sufficiency or absence of self-sufficiency of the Amish community.

Positions of Richard Arneson and Ian Shapiro

One of the fundamental aspects of Richard Arneson and Ian Shapiro's meditation is that children are not the property of their parents. Throughout the whole article of R. Arneson and I. Shapiro, we can see that the two authors refuse any conception of patriarchalism as a behavioural principle between children and parents. Children are not property; therefore, children may not be used for any purpose of the parents, including religious aims. In particular, as we shall see, children may not be used in order to ensure the survival of a religious community. The relation between children and parents ought to be, in R. Arneson and I. Shapiro's view, the relation of trusteeship: since children live in the relation of trusteeship with their parents, they have the right to be endowed with an education which aims at autonomy. The goal of education is autonomy. If children are not educated to autonomy, they are not free: «In this chapter we take up a small piece of the newly discovered terrain: we explore the limits of parents' authority in the education of children who have been committed to their charge. Our use of this formulation, rather than parents' authority over "their children", prefigures one of the central claims we seek to defend and employ: that the relationship between parents and children is best thought as one of trusteeship; children are in no sense the property of their parents»⁵.

This passage expresses important elements:

- There are limits to the parents' authority in relation to the children.
- Children are not the property of their parents.
- The relation between parents and children is a relation of trusteeship.
- Any form of patriarchalism is refused.

R. Arneson and I. Shapiro speak of trusteeship in order to define the correct relationship between parents and children. This relation is not a relation of property. «The free-exercise interests in question were the interests of the Amish parents in practicing their religion in their traditional way. But the state's expressed interest concerned the education of Amish children. On the face of it, there was a gap between the rights claimed by the parents, having to do with their practice of religion, and the claims of the state, having to do with *the children's* education»⁶.

R. Arneson and I. Shapiro individuate the existence of an opposition between the claim of the state for children's education, on the one hand, and the claims of parents consisting in the practice and in the defence of the practice of religion, on the other hand. They underline the opposition between the interest of the Amish community, which lies in the practice of the religion and in the continuation of the life of the community, and the interest of the state, which consists in the education of the children, no matter what consequences this can have for the survival of the life of the Amish community. The opposition consists, among other things, in the fact that the Amish families consider a higher degree of education a danger since the richer the education is, the greater the probability is that children of the community abandon the community. «Although the Amish believe that vow of baptism must be taken voluntarily by a mature person, they go to great lengths in designing their system of education and acculturation to ensure that Amish children will take the vow and

⁴ Gutmann A. Op. cit. P. 342–343.

⁵ Arneson R., Shapiro I. Op. cit. P. 137–138.

⁶ Arneson R., Shapiro I. Op. cit. P. 150.

join the church. Herein lies the source of the half century of conflict between the Amish and secular educational authorities which culminated in the *Yoder* decision»⁷.

School education enlarges interests: therefore, it is seen as an enemy of the stability and preservation of the community. The whole educational system is thought out so that children do not leave and cannot leave the community. There is no critical thinking which regards the foundations of the community. If any contact with the common way of life is considered to be a danger to the individual's salvation, the community will do everything in order that this contact does not happen.

On closer inspection, the conflict between views is stronger than it can appear. We have, on the one hand, a community convinced that a determined way of life is necessary in order to reach the salvation of the individual. On the other hand, we have an interpretation of the way of life as a choice between a plurality of realisations. In this last way of thinking, different ways of life are admitted, and no specific kind of life is considered as a way of life which brings about the individual's salvation. In the first way of thinking, the goal of education is individual salvation, which can be reached only through a determined way of life, whereas in the second way of thinking the objective of education is the realisation of the individual as a good and informed citizen.

R. Arneson and I. Shapiro point out that the education system of the Amish is structured so that children are prepared for life in the community: their system of education intentionally keeps the members of Amish families away from participation in the life of the world existing outside the borders of the community. The system of education is thought out in order to keep children away from the outside world; moreover, Amish values and Amish beliefs are never submitted to critical questioning. In the view of R. Arneson and I. Shapiro, the Amish are against high school education since they consider high school education as a danger for the continuation of their way of life. Amish are against a schooling system that goes beyond the eight years of school, since an education going further than that is not necessary for life in the community, which is and should be the only possible result of the education. The system of education does not open the perspective to a plurality of realisations in life; on the contrary, it aims to avoid a plurality of realisations in life. The Amish system of education exclusively aims to direct pupils to the Amish life.

The educational system of the Amish is organised and structured in order to prevent children from leaving the community. It represents a kind of education thought out in order that the community can endure. There is no attention to the development of critical thinking in children since critical thinking would represent a danger to the foundations of the community; the system of education is functional to the conservation of the community. The education programme must ensure that the community survives. Therefore, every element which could represent a danger to children's remaining in the community is, as far as possible, eliminated from this kind of education.

The model of education for which R. Arneson and I. Shapiro plead is completely different: education ought to prepare for active citizenship. They express the following considerations on education: «we suppose that a significant aspect of citizenship includes the requirement that people have the capacity to vote in an informed way in elections that determine the membership of legislative assemblies, hence the content of the laws, as well as the identity of public officials and judges who execute and apply the laws. To be able to participate competently in democratic decision making, voters should have an adequate knowledge of contemporary science in its bearing on public policy issues, an understanding of modern world history and particularly the history of democratic institutions and the culture of their own society, and critical thinking skills that include the ability to represent the situation of others in imagination, to intuit their experience, and sympathetically to analyze and assess their attitudes, principles, and policy arguments»⁸.

R. Arneson and I. Shapiro's model of education aims to endow children with a civic education: children ought to receive an education which enables them to participate in the life of the public sphere. Of course, individuals may, as adults, autonomously decide

⁷ Arneson R., Shapiro I. Op. cit. P. 140–141.

⁸ Arneson R., Shapiro I. Op. cit. P. 147.

not to participate in public life. To be able to participate and to decide not to make use of this capability is different from not being able to participate in public life since this capability has not been reached because of an insufficient education. R. Arneson and I. Shapiro object to the educational model of the Amish (and, of course, to any similar educational model) that this system of education cannot prepare for citizenship. R. Arneson and I. Shapiro consider as a constitutive character of citizenship the capacity to vote in an informed way and to participate in democratic decisions. In order to reach the degree of competence which enables individuals to participate in democratic decisions, voters need to possess the following kinds of knowledge, such as knowledge of contemporary science as regards the connections between contemporary science and public issues. Knowledge of modern world history, too, is needed. To these kinds of knowledge, knowledge of the history of democratic institutions should be added. Furthermore, knowledge of the culture of society is necessary. These sectors of knowledge are needed in order that an individual could reach an orientation in society.

Voters should be able to go beyond their own mental schemes and enter the mental schemes of other people. In a pluralistic society, reaching a deliberation requires due preparation.

This kind of education is needed in order to reach a minimum of civic education: an education beyond basic literacy is indispensable. The responsibility connected to democratic citizenship requires a degree of education which goes beyond simple basic literacy. R. Arneson and I. Shapiro acknowledge that a high school education cannot solve all the problems connected to the difficulties of democratic deliberation; nevertheless, a high school education is indispensable at least as a basis for endowing citizens with the skills and competences needed for deliberation in democracy.

Certainly, the degree offered by a high school education cannot solve all the difficulties with which a citizen can have to cope in the process of democratic deliberation: the high school education cannot answer all the questions and themes which citizens can have to face in the use of their democratic rights and of their responsibilities as citizens. A high school education can nonetheless give at least some instruments for orientation, without which an individual would not manage to understand the situation and the problems which he has to face. Knowledge is indispensable for the exercise of citizenship. «Although we would not go so far as to argue that people necessarily have an obligation to vote in a democracy, there surely is a defensible obligation to vote in any tolerably functioning democracy. Voting by many is necessary if the system is to function properly, and there is no obvious, fair way to select a subset of voters to whom the obligation does not apply»⁹.

R. Arneson and I. Shapiro are convinced that participation is a value: if there were no participation, democracy would collapse. R. Arneson and I. Shapiro do not agree with the withdrawal from voting, which is habitually adopted by the Amish. They acknowledge the right to withdrawal from public life; nonetheless, they think that the decision to withdraw from voting and from public life may be made only if there are a corresponding preparation and a corresponding education capable of supplying arguments for the justification of this decision. Knowledge is indispensable in order to give the due grounds for one's own decision to withdraw from the use of the rights connected to citizenship. Without education, the decision to withdraw from some aspects connected to citizenship cannot be grounded. Withdrawal and refusal of participation may be accepted; there ought not to be participation in public life at all costs. However, the refusal of participation ought to be motivated; otherwise, this refusal proves to be, on closer inspection, only a diminution of the development of the individual. «Groups and classes are groups and classes of individuals, and talk of the "right" of the Amish community to reproduce itself glosses over the reality that group members may have conflicting rights and interests. If it is in the interest of Amish children to receive an adequate education, and their receiving it will threaten the existence of the group (assuming for now that this is true), then a conflict of this kind is evidently present. Our claim is that in such an eventuality there is no defensible reason to sacrifice

⁹ Arneson R., Shapiro I. Op. cit. P. 149.

the interests of the children in their education to their parents' desire to reproduce the Amish community in the name of group rights»¹⁰.

The Amish parents grounded their request for withdrawing their children from school at 14 on the basis of the right of the Amish community to reproduce itself and on the basis of the free-exercise rights of the parents. R. Arneson and I. Shapiro remark that the request for withdrawal of the children is based on the exercise of their own religion and on the right of the community to reproduce itself: in the logic of the argumentation of the Amish, the right of the children to attend public school up to the 16th year ought to be sacrificed to the right of the community to reproduce itself. The group rights of the Amish overtake the right of the children to go to school. In this way, the possibility is ignored that the right of the members of the community conflict with the right of the children to receive a proper education.

In the view of R. Arneson and I. Shapiro, there is no reason to prefer the interest of the parents to reproduce the Amish community to the rights of the children to receive an adequate instruction. The Yoder decision gives an example of the incompatibility of interests between members of a community and an example of a conflict between individual rights (the right of the children to receive a proper education) and group rights (the right of the Amish community to live further as a community without disappearing).

R. Arneson and I. Shapiro specify in their analysis that their intent is not to deny to the Amish community the free exercise of its religion: they point out that adults do not have the right to violate the rights of the children to a proper education in order that they can continue to associate as Amish community. The education of children should have precedence over the rights of the community. «A "rationally autonomous" life is one that is self-chosen in a reasonable way. Education for rational autonomy thus encompasses two requirements: 1) upon onset of adulthood individuals should be enabled to choose from the widest possible variety of ways of life and conceptions of the good and 2) individuals should be trained into habits and skills of critical reflections, so that they attain to the greatest feasible extent the capacity to choose rationally among these alternative ways of life. We refer to these two aspects of education for autonomy as 1) the maximization of options and 2) the development of critical reason»¹¹.

R. Arneson and I. Shapiro present their theory: a strong value of individual autonomy¹² should lie at the basis of the education of the children. The child ought to have the right to an open future; there is no open future without due education. The significance of this theory of autonomy applied to the children's education is the following:

- Education aims to prepare children for a life inspired by rational autonomy.
- The target of education is to make children capable of rational autonomy.
- Rational autonomy is the real objective of education.
- A rationally autonomous life means that the particular kind of life corresponds to a life which has been chosen by the individual who follows certain criteria of reasonableness.
- Autonomous education implies that individuals are educated to critical reflection so that they are able to choose rationally between alternative ways of life.

Positions of W. A. Galston

Coming now to the analysis of the positions of William A. Galston, the fundamental idea of W. A. Galston is that there is no common measure between the goods. Education is a good among other goods: it is not the supreme good; there is no supreme good. Therefore, some communities can give more value to education, whereas other communities can give less value to education. In both cases, the state has no right to interfere. The first passage which is quoted perfectly explains the fundamental general position of W. A. Galston: «Objective goods cannot be fully rank-ordered. This means that there is no common measure for all goods, which are qualitatively heterogeneous. It means that there is no summum bonum

¹⁰ Arneson R., Shapiro I. Op. cit. P. 154.

¹¹ Arneson R., Shapiro I. Op. cit. P. 158.

¹² Education ought to be education to autonomy; education ought to aim at the development of an attitude of autonomy in individuals.

that is the chief good for all individuals. It means that there are no comprehensive lexical orderings among types of goods. It also means that there is no “first virtue of social institutions” but, rather, a range of public goods and virtues the relative importance of which will depend on circumstances»¹³. As we can see:

- There is no rank for goods¹⁴.
- There is no first virtue.
- There is no absolute, no greatest value for all individuals.
- There is no ordering among kinds of goods.
- There is no first virtue in the social institutions.
- There are different goods and different virtues whose importance and relevance are not absolute.
- The importance and relevance of the different goods and of the different virtues can be measured not absolutely, but only regarding the different circumstances.

On the basis of this quotation, we can see that we find ourselves in a completely different way of thinking in comparison with R. Arneson and I. Shapiro’s interpretation. In the view of R. Arneson and I. Shapiro the development reached through civic education constitutes an absolute value: on the contrary, W. A. Galston’s positions are undoubtedly oriented on the basis of the context and of the circumstances: goods can have more value in a circumstance and less value in another circumstance; moreover, there is no absolute ranking on the basis of which goods can be measured.

Regarding civic education, we can already see that civic education is not considered by W. A. Galston as representing an absolute value. W. A. Galston’s orientation originates in his interpretation of liberalism as diversity, which opposes the conception of liberalism as autonomy: whereas liberalism has been interpreted as a conception which promotes and ought to promote the development of autonomy in the individuals¹⁵, W. A. Galston interprets liberalism as a conception which ought to respect diversity and to guarantee the conditions of coexistence between the different communities living in a state. The state ought not to promote autonomy in the individual, but ought to aim at a minimum feasible which promotes social peace between the different groups. Therefore, the promotion of autonomy in the citizens is not an absolute value at which state and system of education ought to aim. W. A. Galston expresses, for instance, the following observations on Yoder: «Consider, finally the case of *Wisconsin v. Yoder*, decided by the Supreme Court (...). This case presented a clash between a Wisconsin state law, which required school attendance until age sixteen, and the Old Order Amish, who claimed that high school attendance would undermine their faith-based community life. The majority of Court agreed with the Amish and denied that the state of Wisconsin had made a compelling case for intervening against their practices: “[H]owever strong the State’s interest in universal compulsory education, it is by no means absolute to the exclusion or subordination of all other interests.”»¹⁶

The freedom of intervention of the state into voluntary associations has many limits: «from a liberal pluralist point of view, I argue, there are multiple types of legitimate decision making, and democracy is not trumps for all purposes. Another example: From a liberal pluralist point of view, public institutions must be cautious and restrained in their dealings with voluntary associations, and there is no presumption that a state may intervene in such associations because they conduct their internal affairs in ways that diverge from general public principles»¹⁷.

¹³ *Galston W. A. Op. cit. P. 5.* For further elements on W. A. Galston’s views, see *Diversity, Toleration, and Deliberative Democracy: Religious Minorities and Public Schooling and Liberal purposes: goods, virtues, and diversity in the liberal state.*

¹⁴ If there is no common measure, it cannot be said, for instance, that the good represented by autonomy is superior to other goods.

¹⁵ It could be said that R. Arneson and I. Shapiro follow this interpretation of liberalism, since autonomy is for them the absolute value.

¹⁶ *Galston W. A. Op. cit. P. 19.*

¹⁷ *Galston W. A. Op. cit. P. 9.*

Democracy and democratic institutions are not necessarily endowed with the power of intervention concerning all kinds of associations. As such, a state has no legitimacy to intervene in associations since these associations have different principles, ways of behaving and ways of conduct different from the principles, the ways of behaving and the ways of conduct present in the public sphere.

W. A. Galston is for an interpretation of liberalism which coincides with liberal pluralism: from this point of view, public institutions must always be prudent when they are dealing with voluntary associations, since there is not only one possible way of interpreting society. A state does not automatically have the right to intervention in case the principles of these associations are different from the public principles, since the principles of association could be accepted too in the public space. The adoption of a liberal pluralistic perspective implies that the state should observe a strategy of non-intervention in the internal affairs of the voluntary associations: «I begin with the intuition that free associations yield important human goods and that the state bears a burden of proof whenever it seeks to intervene. My accounts of value pluralism, expressive liberty, and political pluralism lend theoretical support to this intuition and help explain why we should not see state power as plenipotentiary»¹⁸.

There is a discrepancy of opinions as regards the relationships between public norms and voluntary associations in the contemporary conceptions of liberalism.

In the view of the positions pleading for a determined conception of liberalism, the conditions for the distribution of civic goods among the citizens of a state authorise an intervention into the associations which do not allow the presence of these or of some of these civic goods in their organisation. In this view, the state has both the right and the duty to intervention in order to compel any association which does not allow the fruition of determined civic goods to its members to let the members of the association participate in the civic goods. The fruition of civic goods has the prevalence over the independence and the sovereignty of whichever voluntary association.

W. A. Galston does not agree with the existence of this right and of this duty of the state: the state has, in Galston's view, the burden of proof whenever the state should intervene in the life of the associations; the state ought to bring proof as regards the legitimacy of its intervention. As regards the specific question of the education programmes, W. A. Galston strongly limits the state's authority: «First, in a liberal democracy, there is in principle a division of authority between parents and the state. The state has the right to establish certain minimum standards, such as the duty of parents to educate their children, and to specify some minimum content of education, wherever it may be conducted. But parents have a wide and protected range of choices as to how the duty to educate is to be discharged. Suitably revised and extended, these considerations apply to the liberties of civil associations as well»¹⁹.

W. A. Galston points out that parents possess a range of choices regarding the modality of the accomplishment of the duty to educate their children. The civil associations possess this same range of choices due to an extension of the rights of the parents. The right to intervention of the liberal state has precise limits; furthermore, the liberal state has precise limits, even though the state must cope with the subject of forming good citizens. The requirements of civic education are not immediately prevalent concerning the rights of parents and of associations. The claims of parents and the liberties of the associations are not immediately less powerful than the appeals to the civic education of the children. In W. A. Galston's view, the requirements of civic education do not have in every case a superior power than the rights of parents and of associations.

W. A. Galston opposes the interpretation of liberalism as autonomy and pleads for a conception of liberalism as liberal diversity: liberal diversity does not aim at autonomy and at the promotion of autonomy but at the appeasement between the different groups of society. The aim of liberal diversity is social peace between different groups. A conception

¹⁸ Galston W. A. Op. cit. P. 9-10.

¹⁹ Galston W. A. Op. cit. P. 19.

of liberalism as autonomy suits a civic republic, but liberal democracies are not, for W. A. Galston, civic republics:

«Liberal democracies are not civic republics. The liberal democratic state does not have plenipotentiary power, and public-spirited aims need not govern the actions of its citizens in all spheres and circumstances. (...) If the liberal democratic state were to legislate a conception of child or governmental interests that in effect nullified parental educational choice, it would exceed the legitimate bounds of its authority»²⁰.

Here, too, we can observe that for W. A. Galston, a liberal democratic state does not have plenipotentiary power. The principles of the public sphere have no legitimacy in governing the deeds of the citizens in all realms of life. In particular, a liberal democratic state does not have the authority to eliminate the educational choice made by parents. W. A. Galston sees the existence of an opposition between civic liberalism and associational liberty: «The tension between the advocates of civic liberalism and the defenders of individual and associational liberty is rooted in two quite different variants of liberal thought based on two distinct principles, which I shall summarize under the headings of autonomy and diversity»²¹.

W. A. Galston opposes a conception of liberalism as autonomy to a conception of liberalism as diversity. The contrast between those who maintain an interpretation of liberalism as civic liberalism and those who are in favour of individual and associational liberty originates in the different interpretations of liberalism, which, in the view which W. A. Galston refuses, is autonomy, in the view which W. A. Galston adopts, is diversity. Liberal autonomy is associated with the rational, critical examination of the self and of society. Liberal autonomy signifies a critical examination of opinions. Diversity is associated with the strategy of legitimating differences between individuals and groups. Diversity implies a pluralism of ideas in society.

W. A. Galston does not see the possibility of compatibility between liberalism as autonomy and liberalism as diversity: the two forms exclude each other. W. A. Galston believes that many contrasts regarding education, rights of association and free exercise of religion derive from the contrast between autonomy and diversity. If autonomy is taken as the fundamental principle for the strategy of the state, the handling of the state will collide with all individuals and all associations that do not acknowledge autonomy as their fundamental principle. Autonomy as a principle of government action would imply a contrast with all individuals and groups which do not accept autonomy as a principle²².

Conclusions

Throughout the inquiry, we have seen three different positions on the question of education. There are analogies between the positions of A. Gutmann, on the one hand, and R. Arneson and I. Shapiro, on the other hand, whereas W. A. Galston interprets the importance of education differently. Specific of A. Gutmann's position is her justification of paternalism: the power over children which is specific to paternalism ought to be directed to the cultural development of the children; it may never be used to the advantage of the persons who are endowed with power over children. The aim of education consists in the socialisation of the children, in the opening of life perspectives for the children, and in the children's going out from the limited dimension of the family. Education ought to prepare children for a life of participation in society. R. Arneson and I. Shapiro expose a model of education connected to their model of citizenship. The model of citizenship proposed by R. Arneson and I. Shapiro is the model of active citizenship: citizenship means participation in the questions, life, and problems of society. In order to be able to participate in the life of society, citizens need to have an appropriate education at their disposal: the kind of education for which R. Arneson and I. Shapiro plead is an education for autonomy. Education is the centre of the social goods which individuals can reach. The interpretation of education in W. A. Galston is different: the cause of the difference in the interpretation

²⁰ Galston W. A. Op. cit. P. 94.

²¹ Galston W. A. Op. cit. P. 20–21.

²² Galston W. A. Op. cit. P. 23.

of education is directly connected to W. A. Galston's interpretation of citizenship, of liberalism and of social goods. In W. A. Galston's view, there is no common ranking for social goods: education is one of the social goods, but it is not the supreme good. There are different social goods in a society: since social goods, in W. A. Galston's view, do not have a common measure, it is not possible to determine a classification of the importance of the social goods. The importance of social goods depends on the preferences of the individuals and on the circumstances. Citizenship is not identified by W. A. Galston with participation in the life of the society: participation in the life of the society is one of the options of the citizens, but is not the only one or a superior one. Likewise, autonomy is not the aim of education: it is not the principle towards which society ought to be oriented. W. A. Galston does not agree with the interpretation of liberalism as autonomy and proposes an interpretation of liberalism as diversity: diversity implies both toleration of different cultures in society and limits of the state as regards the interference with the different associations present in a country. The state may not impose a model of education and may not interfere with the systems of education chosen by the different groups. The three positions are complex. They deal with many aspects of education, society, groups, and individuals: it is not easy to evaluate the three positions. W. A. Galston considers the freedom of families and of associations, but he does not take into sufficient account the freedom of the individuals living in the associations. Without autonomous development, there is no way to be able to take the necessary distance from the community. Although W. A. Galston's positions are very complex, I rather tend to the positions of R. Arneson and I. Shapiro. In my opinion, education ought to prepare children and pupils for a life in society, not for a life in a particular community. Education ought to be citizenship education; education ought to enable pupils to participate in public life if they want to. The state has precise duties as regards education. A state may not be content with the minimum feasible. Education is a value as such: without education, there is no mature citizenship. Group rights may not trump individual rights: the right of conservation of a community may not trump the right of the pupil to a kind of education based on a plurality of perspectives.

BIBLIOGRAPHY

1. *Arneson R., Shapiro I. Democratic Autonomy and Religious Freedom: A Critique of Wisconsin v. Yoder // Democracy's Place / ed. by I. Shapiro. — Ithaca ; London : Cornell University Press, 1996. — P. 137–174.*
2. *Galston W. A. Liberal Pluralism: The Implications of Value Pluralism for Political Theory and Practice. — Cambridge, U.K. : Cambridge University Press, 2002. — 137 p.*
3. *Gutmann A. Children, Paternalism, and Education: A Liberal Argument // Philosophy & Public Affairs. — Summer, 1980. — Vol. 9. — No. 4. — P. 338–358.*

DOI: 10.17803/2542-2472.2025.36.4.111-118

«ИСТОРИЧЕСКАЯ КОНСТИТУЦИЯ» ИСПАНИИ: МИФ ИЛИ ИСТОЧНИК КОНСТИТУЦИОННЫХ АКТОВ В XIX–XXI ВВ.?

Алексеева Татьяна Анатольевна,
профессор кафедры теории и истории права и государства Северо-Западного
института управления Российской академии народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент
199178, Россия, г. Санкт-Петербург, Средний пр-кт В. О., д. 57/43
ta_al@mail.ru

© Алексеева Т. А., 2025

Аннотация. В статье проанализированы характерные черты «древней» и «внутренней» конституций, объединенных современной испанской конституционно-правовой доктриной термином «историческая конституция». Идея «древней» конституции получила завершённое оформление в начале XIX в. в связи с разработкой первой национальной конституции, идея «внутренней» конституции — в 70-е гг. XIX в. в связи с реставрацией монархии с прежней династией на троне. Две разновидности «исторической конституции» базировались на мифе о правопорядке, сложившемся в прошлом страны и достойном следования в будущем. Проанализирована их доктринальная проработка и показана их востребованность определенными политическими группами. Отмечено заимствование учредителями терминологии, отдельных принципов организации и деятельности институтов, возникших в средневековых пиренейских королевствах («древняя» конституция), сформировавшихся в процессе эволюции нации («внутренняя» конституция) и ставших традиционными в Испании (прежде всего кортесы и король, их взаимоотношения). Отмечено отражение этих принципов и институтов в конституциях 1812, 1837, 1845 гг., Королевском статуте 1834 г., в Конституции 1876 г. В статье подчеркнута значимость указанных идей для конституционных актов и правовой культуры XX и XXI вв.

Ключевые слова: внутренняя конституция Испании; древняя конституция Испании; историческая конституция; А. Кановас; конституционные традиции; король; кортесы; Г. М. Ховельянос; понятие конституции; основные законы.

«THE HISTORICAL CONSTITUTION» OF SPAIN: THE MYTH OR SOURCE OF CONSTITUTIONAL ACTS IN THE 19TH–21ST CENTURIES?

Tatyana A. Alekseeva,

Dr. Sci. (Law), Associate Professor; Professor, Department of Theory and History of Law and the State, North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, St. Petersburg, Russian Federation
ta_al@mail.ru

Abstract. *The paper analyzes the characteristic features of the «ancient» and «internal» constitutions, which contemporary Spanish constitutional doctrine classifies under the umbrella term «historical constitution». The concept of the «ancient» constitution crystallized in the early 19th century with the emergence of the first national constitution, while the notion of the «internal» constitution took shape in the 1870s in connection with the restoration of the monarchy under the former dynasty. Both variants of the «historical constitution» rested on a mythologized vision of the country's past legal order, presented as a model worthy of emulation in the future. The paper examines the doctrinal treatment of these concepts and demonstrates their relevance to specific political groupings. Scholars noted the appropriation of terminology, organizational principles, and institutional models that either originated in the medieval Pyrenean kingdoms (the «ancient» constitution) or were products of national evolution (the «internal» constitution) and subsequently became traditional in Spain — most prominently the Cortes and the monarchy and the relationship between them. The study traces the reflection of these principles and institutions in the constitutional acts of 1812, 1837, 1845, in the Royal Statute of 1834, and in the Constitution of 1876. Finally, the paper emphasizes the enduring significance of these ideas for constitutional enactments and legal culture in the 20th and 21st centuries.*

Keywords: *Spain's domestic constitution; the ancient constitution of Spain; a historical constitution; A. Kanovas; constitutional traditions; king; cortes; G. M. Hovelyanos; concept of the constitution; basic laws.*

Обращение к исторически сложившимся национальным юридическим источникам — обязательное условие успешной учредительной деятельности. В истории испанского конституционализма обостренный интерес к данным истокам отразился в разработке идей «древней» и «внутренней» конституций, названных в научной литературе конституцией «исторической». Идея «древней» конституции впервые получила полное оформление в учении мыслителя и государственного деятеля Г. М. Ховельяноса (1744–1811), идея «внутренней» конституции — результат интеллектуальной работы политика А. Кановаса дель Кастильо (1828–1897). Обе теоретические разработки нашли применение: «древняя» конституция — в текстах испанской конституции 1812, 1837, 1845 г., Королевского статута 1834 г., «внутренняя» конституция — при принятии Конституции 1876 г. Они также явились важными инструментами мифологизации «феномена власти» в Испании, который «не может окончить своего существования, пока существуют ее носители и объекты»¹.

Форма и содержание «древней» конституции, ее актуальность для Испании во время национально-освободительной войны против наполеоновской Франции получили оформление в обстоятельной Записке Г. М. Ховельяноса с 26 приложениями и 4 замечаниями, написанной им как членом комиссии, образованной Центральной хунтой, для подготовки созыва кортесов². Испания уже имела конституцию, которая

¹ Исаев И. А. *Politica hermetica: скрытые аспекты власти*. М. : Юристъ, 2002. С. 410.

² Jovellanos G. M. *A sus compatriotas: Memoria, en que se rebaten las calumnias divulgadas contra los individuos de la Junta Central. Se dá razón de la conducta y opiniones del autor desde que recobró su libertad: Con notas y apéndices*. Coruña, 1811. 317 p. В. В. Суховерхов,

называлась им «древней», «национальной», «кастильской», ассоциировалась с «конституциями» средневековых пиренейских королевств. Она представляла собой «совокупность основных законов» и обычаев (п. 17, 25 приложения XII). А ее содержание составляли «права суверена и подданных, средства, полезные для их обеспечения» (п. 25 приложения XII)³.

Г. М. Ховельянос считал «древнюю» конституцию актуальной и адекватной потребностям нации, и она не могла быть отменена или заменена новой конституцией, но лишь реформирована путем ограничения полномочий короля и сословных привилегий для обеспечения «неотъемлемых прав» нации и свободы личности⁴. Однако сам мыслитель сформулировал предложения по ее изменению, главным из которых являлось учреждение по образцу парламента Великобритании двухпалатных кортесов (приложение XV)⁵. Обращение к английскому конституционному опыту соответствовало духу времени — Великобритания являлась союзницей патриотических сил Испании в войне против Наполеона, а симпатии мыслителя к ее неписаной конституции означали отказ от использования в качестве источника заимствований революционного законодательства враждебной на тот момент Франции⁶.

Г. М. Ховельянос мифологизировал средневековое законодательство и обычаи Кастилии, Арагона, Наварры, Испании, придав им образ актуальной и совершенной модели для применения. Эти идеи соответствовали подъему патриотических настроений в условиях войны и привычке значительной части населения руководствоваться обычным правом в своей повседневной жизни. А в учредительных кортесах, открывших свои заседания 24 сентября 1810 г., абсолютизация значения национальных традиций была близка сторонникам сохранения сложившихся основ Испанской монархии и депутатам-роялистам (*realistas*). Данный социально-политический фон был учтен конституционной комиссией, наиболее активными членами которой оказались либералы. Поэтому в Записке, сопровождавшей подготовленный конституционный проект, они заявили о том, что он является «национальным и древним по своей сути», а все новеллы сводились к «порядку» изложения материала⁷.

В Записке содержалось множество упоминаний об основных законах Арагона, Наварры, Кастилии. Неоднократно авторы проекта указывали название акта и содержание нормы, которую представляли непосредственным источником определенного конституционного положения⁸. В Записке заявлялось, что кастильский *Fuero Juzgo XIII* в «торжественным» образом провозгласил принцип суверенитета нации⁹. Исторические институты, их названия и отдельные правила формирования и деятельности стали предметами заимствования: средневековые корни имели кортесы,

посвятивший фундаментальный труд воззрениям Г. М. Ховельяноса, обоснованно перевел название труда мыслителя как «Меморандум». См.: Суховерхов В. В. Г. М. Ховельянос: философско-теологические и социально-политические воззрения. М., 2012. С. 243.

³ *Jovellanos G. M.* Apéndices y notas a la Memoria de D. Gaspar de Jovellanos. Coruña, 1811. P. 104, 107.

⁴ *Jovellanos G. M.* Exposición de la conducta del Autor desde que recobró su libertad hasta el día // Memoria, en que se rebaten las calumnias divulgadas contra los individuos de la Junta Central. P. LXVIII.

⁵ *Jovellanos G. M.* Apéndices y notas a la Memoria de D. Gaspar de Jovellanos. P. 116–125.

⁶ *Varela Suanzes J.* La doctrina de la Constitución histórica: de Jovellanos a las Cortes de 1845 // Revista de Derecho Político. 1995. № 39. P. 48.

⁷ Discurso preliminar y leído en las Cortes al presentar la Comisión de Constitución el proyecto de ella // Constitución política de la Monarquía Española promulgada en Cádiz a 19 de marzo de 1812. Cádiz, 1813. P. 5, 21.

⁸ Данный пример является иллюстрацией историко-теоретического обобщения значения «поисков первых оснований действительности конституций», сделанного И. А. Исаевым. См.: *Исаев И. А.* Основная норма («скрижали революционного закона») // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 8. С. 21.

⁹ Discurso preliminar y leído en las Cortes al presentar la Comisión de Constitución el proyecto de ella. P. 9–10.

их постоянная депутация, аюнтамьенты (муниципальные советы), провинциальные депутации, регентство, алькальды и др.

В 1854 г. в статье «Революционная Испания» К. Маркс весьма точно сформулировал вывод о том, что Конституция 1812 г. представляла собой «воспроизведение старинных фуэрос, понятых, однако, в духе французской революции и приспособленных к нуждам современного общества»¹⁰. Несмотря на все старания членов конституционной комиссии, их доводы не убедили консервативно настроенных депутатов, и текст принятой Конституции подписало лишь 184 депутата из приблизительно 300, входивших в состав учредительных кортесов.

69 депутатов ординарных кортесов, созванных на основе Конституции, подготовили для Фернандо VII, вернувшегося в Испанию из Франции весной 1814 г., обращение («Манифест персов»), в котором они заявили о том, что решения учредительных кортесов, включая Конституцию 1812 г., «противоречат испанским историческим традициям и потому не являются законными»¹¹. Депутаты просили короля «сохранить в целости конституцию, которой следовали в течение веков, законы и фуэрос, которые ей соответствовали» (п. 141)¹². 4 мая 1814 г. король аннулировал Конституцию 1812 г., отметив, что кортесы «санкционировали не основные законы умеренной монархии, а принципы народного права»¹³. Через несколько лет сходство Конституции 1812 г. с первой французской Конституцией 1791 г. было продемонстрировано путем сравнения их текстов в историческом труде, опубликованном в 1818 г.¹⁴

После абсолютистского правления Фернандо VII (1814–1833), прерывавшегося «конституционным» трехлетием (1820–1823), идея «древней» конституции была взята на вооружение карлистами, считавшими законным монархом младшего брата умершего короля Дона Карлоса, а не его малолетнюю дочь Изабеллу. Они выдвинули лозунг: «Бог! Родина! Фуэро! Король!», который отражал их стремление жить «в традиции, то есть в унаследованном порядке»¹⁵. Его важным элементом карлисты считали «салический закон», введенный в Испании в начале XVIII в. и не допускавший на трон женщин¹⁶.

В 30–40 гг. XIX в. приверженность «древней» конституции демонстрировали умеренные либералы (*moderados*), отстаивавшие конституционное оформление ее традиционных основ, каковыми считали ограниченную монархию, совместный суверенитет короля и кортесов, сотрудничество короны и кортесов, исключительное значение католической религии¹⁷. Эти идеи нашли законодательное оформление в Королевском статуте 1834 г. и Конституции 1845 г.

¹⁰ Маркс К. Революционная Испания // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М., 1958. Т. 10. С. 463.

¹¹ История Испании : в 2 т. М., 2012. Т. 1 : С древнейших времен до конца XVII в. / отв. ред. В. А. Ведюшкин, Г. А. Попова. С. 232.

¹² Representación y manifiesto que algunos diputados á las cortes ordinarias firmaron en los mayores apuros de su opresión en Madrid. Madrid, 1814. P. 54.

О «Манифесте персов» подробно см.: Василенко Ю. В. «Манифест персов», или Верноподанные между традиционализмом и реформизмом // Антиномии. 2019. Т. 19. Вып. 3. С. 84–98.

¹³ Manifiesto del Rey [4 de mayo de 1814] // El Marqués De Miraflores. Documentos a los que se hace referencia en los Apuntes histórico-críticos sobre la revolución de España. T. 1. Londres, 1834. P. 35.

¹⁴ Velez R. Apología del Altar y del Trono. En 2 t. T. 2. Madrid, 1818. P. 173–196.

Аналогичная работа была проделана через несколько десятилетий и представлена в труде юриста: Rico y Amat J. Historia política y parlamentaria de España. En 3 t. T. 1. Madrid, 1860–1861. P. 334–337.

¹⁵ Айсцо Торрес М. Карлизм и испанская политическая традиция: вчера и сегодня // Антиномии. 2019. Т. 19. Вып. 3. С. 68.

¹⁶ Varela Suanzes-Carpegna J. Política y Constitución en España. Madrid, 2007. P. 430.

¹⁷ Artola M. Partidos y programas políticos. 1808–1936. En 2 t. T. 1. Madrid, 1974. P. 218.

В Королевском статуте право монарха созвать кортесы было подкреплено ссылкой на положения Семи партий Альфонсо X 1265 г. и Нового собрания 1567 г. (ст. 1). Представляя проект Статута королеве-правительнице, правительство подчеркнуло намерение следовать «древним» источникам. Ссылка на них, как и в 1812 г., прежде всего служила легитимации норм, заимствованных из конституционного опыта Великобритании и французской Конституционной хартии 1814 г. (например, о двухпалатной структуре кортесов)¹⁸.

В преамбуле Конституции 1845 г., явившейся детищем умеренных, объявлялась ее цель — «упорядочить и привести в соответствие с существующими потребностями государства» «древние фуэрос и свободы королевств». Однако и этот акт отражал ранее намеченную тенденцию: обращение к «древней» конституции применялось для обоснования реформ и являлась одним из юридических источников, среди которых также были конституции Испании 1812 г. и 1837 г., Королевский статут 1834 г.

Идея «внутренней» конституции (*constitución interna*) была сформулирована А. Кановасом дель Кастильо, главным «автором» реставрации монархии и династии Бурбонов, после попыток разнообразных государственно-правовых преобразований, проведенных в результате революции 1868 г., действия Конституции 1869 г., избрания короля не из династии Бурбонов, провозглашения республики в 1873 г. Представляя конституционный проект в кортесах 16 марта 1876 г., А. Кановас указал, что «внутренняя» конституция является «долговечной», «естественной», «неизменной»¹⁹, она предшествует законодательному акту и обладает верховенством по отношению к нему. Ее фундамент представляют «естественные принципы»: свобода личности, суверенитет («правление» короля и кортесов), собственность, монархия, королевская династия и религия²⁰. Политическая сфера жизни общества не является неизменной; она «обновляется, как обновляется, трансформируется и изменяется все в истории, обществе, в духе и природе»²¹. И элементы «внутренней» конституции должны быть закреплены в «формальной» конституции так, чтобы они были адекватны текущему моменту²².

А. Кановас, основатель либерально-консервативной партии, считал необходимым следование ранее близкому умеренным либералам принципу совместного суверенитета короля и кортесов, их учредительной власти²³, признанию католической религии государственной и др.²⁴ Эти положения нашли оформление в преамбуле и статьях Конституции 1876 г., главным источником которой была Конституция 1845 г. Идеи А. Кановаса об изменчивости политико-правовых реалий были отражены в отдельных статьях конституционного законодательства, но прежде всего их следовало воплотить в конституционной практике. Важнейшим ее элементом становилась двухпартийная система по британской модели. А. Кановас был почитателем

¹⁸ Представление было опубликовано в *Gaceta de Madrid* 17 апреля (Exposición del Consejo de Ministros a S. M. La Reina Gobernadora de 4 de abril de 1834 // *Linaje R. Constituciones históricas*. Sevilla : Universidad de Sevilla, 1999. P. 71–79).

¹⁹ Sesión del jueves 16 de marzo de 1876 // *Diario de las sesiones de cortes*. Congreso de los Diputados. Legislatura 1876–1877. T. 1. № 24. Madrid, 1877. P. 461.

²⁰ О принципах см.: *Cordero Torres J.* Los valores de la Constitución canovista // *Anales de la Real Academia de Ciencias Morales y Políticas*. 1975. № 52. P. 131 (nota 3) ; *Gómez Ochoa F.* Ideología y cultura política en el pensamiento de Antonio Cánovas del Castillo // *Revista de Historia Universal*. 2000. № 108. P. 156, 158.

²¹ Sesión del jueves 16 de marzo de 1876. P. 461.

²² *Peluc S. A.* Las ideas políticas de Canovas del Castillo: la Restauración monárquica en España // *Revista de Historia Universal*. 1990. № 3. P. 222.

²³ Принцип совместного суверенитета представляет исключение из общего правила: «Источник власти заключен в одном начале, в суверене». См.: *Румянцева В. Г.* Государственный интерес: власть суверена по умолчанию // *Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*. 2023. № 11. С. 166.

²⁴ *Conde E. A.* La Constitución Española de 30 de junio de 1876: cuestiones previas // *Revista de Estudios Políticos*. 1978. № 3. P. 98.

неписаной конституции Великобритании, и «внутренняя» конституция, как ранее «древняя», выполнила роль идейного аргумента и юридического источника.

Разработка идей «древней» и «внутренней» конституций способствовала формированию в Испании традиции выявления исторических истоков конституционализма и анализа перспектив их применения при подготовке законодательных актов и практике их реализации. Сохранившись в XX и XXI вв., она проявилась в законодательном процессе, в использовании терминологии и непосредственных обращениях законодателей к истории идей и институтов. Ярким примером последнего является ссылка на решение «форального органа» Наварры, необходимое для проведения территориально-государственных преобразований согласно действующей Конституции 1978 г. (ст. 4 переходных положений).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Айусо Торрес М.* Карлизм и испанская политическая традиция: вчера и сегодня // Антиномии. — 2019. — Т. 19. — Вып. 3. — С. 59–83.
2. *Василенко Ю. В.* «Манифест персов», или Верноподданные между традиционализмом и реформизмом // Антиномии. — 2019. — Т. 19. — Вып. 3. — С. 84–98.
3. *Исаев И. А.* Основная норма («скрижали революционного закона») // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2018. — № 8. — С. 20–33.
4. *Исаев И. А.* *Politica hermetica: скрытые аспекты власти.* — М. : Юрист, 2002. — 413 с.
5. История Испании : в 2 т. Т. 1 : С древнейших времен до конца XVII в. / отв. ред. В. А. Ведюшкин, Г. А. Попова. — М. : Индрик, 2012. — 696 с.
6. *Маркс К.* Революционная Испания // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 10. — М. : Изд-во политической литературы, 1958. — С. 423–480.
7. *Румянцева В. Г.* Государственный интерес: власть суверена по умолчанию // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2023. — № 11. — С. 165–170.
8. *Суховерхов В. В.* Г. М. Ховельянос: философско-теологические и социально-политические воззрения. — М. : Мысль, 2012. — 434 с.
9. *Artola M.* Partidos y programas políticos. 1808–1936. En 2 t. Т. 1. — Madrid : Aguilar, 1974. — 706 p.
10. *Conde E. A.* La Constitución Española de 30 de junio de 1876: cuestiones previas // Revista de Estudios Políticos. — 1978. — № 3. — P. 79–100.
11. *Cordero Torres J.* Los valores de la Constitución canovista // Anales de la Real Academia de Ciencias Morales y Políticas. — 1975. — № 52. — P. 123–149.
12. Discurso preliminar y leído en las Cortes al presentar la Comisión de Constitución el proyecto de ella // Constitución política de la Monarquía Española promulgada en Cádiz a 19 de marzo de 1812. — Cádiz : Imprenta Tormentaria, 1813. — 118 p.
13. Exposición del Consejo de Ministros a S. M. La Reina Gobernadora de 4 de abril de 1834 // Linaje R. Constituciones históricas. — Sevilla : Universidad de Sevilla, 1999. — P. 71–79.
14. *Gómez Ochoa F.* Ideología y cultura política en el pensamiento de Antonio Cánovas del Castillo // Revista de Historia Universal. — 2000. — № 108. — P. 143–166.
15. *Jovellanos G. M.* A sus compatriotas: Memoria, en que se rebaten las calumnias divulgadas contra los individuos de la Junta Central. Se dá razón de la conducta y opiniones del autor desde que recobró su libertad: Con notas y apéndices. — Coruña, 1811. — 317 p.
16. Manifiesto del Rey [4 de mayo de 1814] // El Marqués De Miraflores. Documentos a los que se hace referencia en los Apuntes histórico-críticos sobre la revolución de España. Т. 1. — Londres, 1834. — P. 32–38.
17. *Peluc S. A.* Las ideas políticas de Canovas del Castillo: la Restauración monárquica en España // Revista de Historia Universal. — 1990. — № 3. — P. 219–230.
18. Representación y manifiesto que algunos diputados á las cortes ordinarias firmaron en los mayores apuros de su opresión en Madrid. — Madrid : Imprenta de Collado, 1814. — 59 p.
19. *Rico y Amat J.* Historia política y parlamentaria de España. En 3 t. Т. 1. — Madrid : Imprenta de las Escuelas Pías, 1860–1861. — 802 p.

20. Sesión del jueves 16 de marzo de 1876 // Diario de las sesiones de cortes. Congreso de los Diputados. Legislatura 1876–1877. T. 1. № 24. — Madrid : Imprenta y fundación de la viuda e hijos de Antonio García, 1877. — P. 445–671.
21. Varela Suanzes-Carpegna J. La doctrina de la Constitución histórica: de Jovellanos a las Cortes de 1845 // Revista de Derecho Político. — 1995. — № 39. — P. 45–79.
22. Varela Suanzes-Carpegna J. Política y Constitución en España. — Madrid : Centro de Estudios políticos y constitucionales, 2007. — 650 p.
23. Velez R. Apología del Altar y del Trono. En 2 t. T. 2. — Madrid, 1818. — 348 p.

REFERENCES

1. Aiuso Torres M. Carlism and Spanish Political Tradition: Yesterday and Today. *Antinomies*. 2019;19(3):59-83. (In Russ.).
2. Vasilenko YuV. «Manifesto of the Persians», or The Loyals between Traditionalism and Reformism. *Antinomies*. 2019;19(3):84-98. (In Russ.).
3. Isaev IA. The Fundamental Norma («The Tables of Revolutionary Law»). *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2018;(8):20-33. (In Russ.).
4. Isaev IA. Política hermetica: hidden aspects of power. Moscow: Jurist Publ.; 2002. (In Russ.).
5. Vedyushkin VA, Popova GA. History of Spain: In 2 vols. Vol. 1: From ancient times to the end of the 17th century. Moscow: Indrik Publ.; 2012. (In Russ.).
6. Marx K. Revolutionary Spain. In: Marx K, Engels F. Works. Vol. 10. Moscow: Isd-vo politicheskoi literatury; 1958. (In Russ.).
7. Rumyantseva VG. The State Interest: the Sovereign's Power by Default. *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2023;1(11):165-170. (In Russ.).
8. Sukhoverkhov VV. G. M. Khovelyanos: philosophical, theological and socio-political views. Moscow: Mysl Publ.; 2012. (In Russ.).
9. Artola M. Partidos y programas políticos. 1808–1936. En 2 t. Vol. 1. Madrid: Aguilar, 1974.
10. Conde EA. La Constitución Española de 30 de junio de 1876: cuestiones previas. *Revista de Estudios Políticos*. 1978;3:79-100.
11. Cordero Torres J. Los valores de la Constitución canovista. *Anales de la Real Academia de Ciencias Morales y Políticas*. 1975;52:123-149.
12. Discurso preliminar y leído en las Cortes al presentar la Comisión de Constitución el proyecto de ella. Constitución política de la Monarquía Española promulgada en Cádiz a 19 de marzo de 1812. Cádiz: Imprenta Tormentaria; 1813.
13. Exposición del Consejo de Ministros a S. M. La Reina Gobernadora de 4 de abril de 1834. Linaje R. Constituciones históricas. Sevilla: Universidad de Sevilla; 1999. P. 71–79.
14. Gómez Ochoa F. Ideología y cultura política en el pensamiento de Antonio Cánovas del Castillo. *Revista de Historia Universal*. 2000;108:143-166.
15. Jovellanos GM. A sus compatriotas: Memoria, en que se rebaten las calumnias divulgadas contra los individuos de la Junta Central. Se dá razón de la conducta y opiniones del autor desde que recobró su libertad: Con notas y apéndices. Coruña, 1811.
16. Manifiesto del Rey [4 de mayo de 1814]. El Marqués De Miraflores. Documentos a los que se hace referencia en los Apuntes histórico-críticos sobre la revolución de España. Vol 1. Londres; 1834. P. 32–38.
17. Peluc S. A. Las ideas políticas de Canovas del Castillo: la Restauración monárquica en España. *Revista de Historia Universal*. 1990;3:219-230.
18. Representación y manifiesto que algunos diputados á las cortes ordinarias firmaron en los mayores apuros de su opresión en Madrid. Madrid : Imprenta de Collado, 1814.
19. Rico y Amat J. Historia política y parlamentaria de España. En 3 t. Vol. 1. Madrid: Imprenta de las Escuelas Pías, 1860–1861.
20. Sesión del jueves 16 de marzo de 1876. Diario de las sesiones de cortes. Congreso de los Diputados. Legislatura 1876–1877. Vol. 1. No. 24. Madrid: Imprenta y fundación de la viuda e hijos de Antonio García, 1877. P. 445–671.

21. Varela Suanzes-Carpegna J. La doctrina de la Constitución histórica: de Jovellanos a las Cortes de 1845. *Revista de Derecho Político*. 1995;39;45-79.
22. Varela Suanzes-Carpegna J. Política y Constitución en España. Madrid: Centro de Estudios políticos y constitucionales; 2007.
23. Velez R. Apología del Altar y del Trono. In 2 vols. Vol. 2. Madrid; 1818.

DOI: 10.17803/2542-2472.2025.36.4.119-126

КОНСТИТУЦИОННЫЙ ПРИНЦИП ГЕНДЕРНОГО РАВНОПРАВИА И МИФОЛОГЕМЫ ПАТРИАРХАТА

Чертков Александр Николаевич,

профессор кафедры управления Корпоративного университета развития образования,
профессор кафедры судебной власти, гражданского общества и правоохранительной
деятельности Российского университета дружбы народов имени П. Лумумбы,
доктор юридических наук, доцент
129344, Россия, г. Москва, Енисейская ул., д. 3, к. 5

© Чертков А. Н., 2025

***Аннотация.** В статье анализируются мифологемы патриархата в современной России и мире в условиях провозглашения гендерного равноправия при фактической дискриминации мужчин на уровне законодательства и правоприменительной практики. Отмечается, что борьба за права женщин завершилась успехом, и это следует признать важным достижением человечества. Но после победы не нужна «война женщин против мужчин», всем нужен гражданский мир, в том числе гендерный. Патриархальные мифологемы (как и противоположная им практика дискриминации мужчин) создают социально-правовые трудности в семейной, трудовой и многих других сферах жизни общества, негативно влияют на рождаемость, продолжительность и качество жизни, а также на устойчивость брачно-семейных отношений. Современное общество уже не готово к патриархату, но и ущемление прав мужчин не разделяется большинством населения. Предлагается критическое соединение конституционных и традиционных ценностей для обеспечения подлинного гендерного равноправия посредством современной интерпретации традиционных ценностей, их адаптации к текущим реалиям и правовым основам, а также отказа от устаревших понятий (например, от понятия «глава семьи»). Важна также формализация традиционных ценностей путем введения их в нормативные правовые акты, начиная с Конституции РФ и до отраслевого регулирования. В частности, важно более широкое внедрение норм-ценностей в СК РФ. Отстаивается последовательное обеспечение подлинного равноправия мужчин и женщин как равенства прав, свобод, обязанностей и возможностей их осуществления. Для этого необходимо «вычищение» гендерных различий из всей нормативной базы, за исключением вопросов беременности и подобных аспектов.*

***Ключевые слова:** конституционные принципы; гендерное равноправие; равноправие мужчин и женщин; мифологема; патриархат; конституционная реформа; традиционные ценности; семья; брак; отцовство; дискриминация мужчин.*

THE CONSTITUTIONAL PRINCIPLE OF GENDER EQUALITY AND THE MYTHOLOGEMES OF PATRIARCHY

Alexander N. Chertkov,

Dr. Sci. (Law), Associate Professor; Professor, Department of Management, Corporate University for the Development of Education; Professor, Department of the Judiciary, Civil Society and Law Enforcement, Peoples' Friendship University of Russia named after P. Lumumba (RUDN University), Moscow, Russian Federation

Abstract. *The paper analyzes the mythologemes of patriarchy in contemporary Russia and globally in the context of the formal proclamation of gender equality alongside actual discrimination against men in legislation and law-enforcement practice. The author observes that the struggle for women's rights has succeeded and should be recognized as a major achievement; however, a post-victory «war of women against men» is neither necessary nor desirable — society needs civil peace, including gender peace. Patriarchal mythologemes, as well as the converse practice of discrimination against men, create socio-legal problems in the family, labor, and other spheres of society; they adversely affect birth rates, life expectancy, quality of life, and the stability of marital and family relations. Modern society no longer accepts patriarchy, yet concern about infringements of men's rights is not widely shared by the majority of the population. The author proposes a critical synthesis of constitutional and traditional values to secure genuine gender equality by reinterpreting traditional values in a modern context adapting them to current realities and legal foundations, and abandoning outdated concepts (for example, the notion of the «head of the family»). It is further argued that traditional values should be formalized by incorporating them into regulatory legal acts from the Constitution of the Russian Federation to sectoral legislation. In particular, the author recommends broader introduction of such norms and values into the Family Code of the Russian Federation. The paper advocates consistently ensuring true equality of men and women, i.e., equality of rights, freedoms, duties, and opportunities to realize them. Achieving this requires eliminating gender-based distinctions throughout the regulatory framework, except where objectively justified (for instance, in matters related to pregnancy and comparable issues).*

Keywords: *constitutional principles; gender equality; equal rights between men and women; mythology; patriarchy; constitutional reform; traditional values; family; marriage; paternity; discrimination against men.*

История права неразрывно связана с историей регулируемых правом общественных отношений. История эта не линейна. По меткому замечанию И. А. Исаева, в истории права немало интенций, не просматривающихся ни в нормативистской, ни в социолого-правовой перспективе. Ее исследование продуктивно при сохранении взаимосвязи научных знаний о праве и его истории с иными пластами гуманитарной мысли¹.

В современном мире свершившимся фактом стало размывание института брака и деградация семейных отношений (вплоть до бракосочетаний с животными и предметами бытовой техники)². К счастью, многие из проблем в данной сфере неактуальны для России. Вместе с тем часть проблем охватила и постсоветское пространство. В частности, конституционный принцип гендерного равноправия, провозглашенный практически повсеместно, во многом перестал определять развитие правовых систем

¹ Исаев И. А. Мифологемы закона: право и литература : монография. М. : Проспект, 2016. С. 5–7.

² Семь случаев, когда люди вступали в необычные браки: от животных до парковых аттракционов // URL: <https://kulturologia.ru/blogs/090522/53243/> (дата обращения: 30.12.2025).

государств под влиянием мифологем патриархата. Современный социум вопреки очевидным фактам настойчиво тиражирует элементы мифов о мужских и женских ролях в патриархальном ключе. При этом нормотворческая и правоприменительная практика давно эти роли выравняли, а в целом ряде случаев и поменяли местами.

Хорошим выходом из сложившегося парадокса могла бы стать реализация принципа гендерного равноправия в нормотворчестве и правоприменительной практике с опорой на традиционные ценности, защита которых стала приоритетом российской государственной политики. Но здесь важно учитывать, что часть таких ценностей никак не соответствуют данному принципу. Более того, вопрос о том, традиции каких эпох следует брать за образец, также остается дискуссионным.

Приведенная проблема видится крайне актуальной для современной России в свете весьма неутешительной статистики рождений, а также разводов (третье место в мире)³. Как представляется, эти показатели связаны между собой и имеют начало в регулировании гендерных отношений.

Конституционная реформа 2020 г. внесла здравые корректировки в регулирование рассматриваемых вопросов. Прежде всего, в текст Конституции РФ было включено отцовство как объект регулирования и защиты федеральных и региональных властей (ст. 72). До этой поправки формально защищались только семья, материнство и детство без упоминания об отцовстве (ст. 38). Стóбит ли удивляться, что семейное законодательство и практика его применения развивались именно в таком ключе, отцовство если не отрицается, то признается и защищается намного хуже, чем материнство.

Кроме того, в Конституции РФ с 2020 г. прямо отражен единственно возможный подход к браку (союз мужчины и женщины), а также приоритет семейного воспитания детей. Все три новации представляются примерами гармоничного сочетания обеспечения принципа гендерного равноправия с защитой традиционных ценностей.

В статье 6 Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, утвержденных Указом Президента РФ от 09.11.2022 № 809, дана отсылка к традиционным религиям как источнику традиционных ценностей. Но в традиционных религиях рассматривается исключительно патриархальная семья с совершенно иным набором прав и обязанностей мужчин и женщин, чем они есть сегодня. Так, в Послании к Ефесянам святого апостола Павла (5:22) сказано: «Жены, повинуйтесь своим мужьям, как Господу, потому что муж есть глава жены, яко и Христос глава Церкви».

Очевидно, что повиновение и главенство не сочетаемо с равноправием. Современные правовые системы не предполагают повиновение женщин и главенство мужчин не только в семейных, но и в любых других отношениях. Более того, современное законодательство и правоприменительная практика далеко ушли от патриархата в противоположную сторону. Сегодня во многих государствах мира, в том числе в России, имеет место дискриминация мужчин, но никак не женщин. Такая дискриминация зримо присутствует в уголовной, трудовой, военной, семейной, медицинской, образовательной и иных сферах.

В принципе рассматривать мужчину как воина или как работника-добытчика свойственно патриархату. Исключительно для мужчин нормативно предусмотрены и на практике реализуются воинский призыв, мобилизация, применение высшей меры наказания, наиболее тяжелые условия тюремного заключения, тяжелые и сложные виды работ, более поздний выход на пенсию и многие иные социальные практики. Всё это представляется наглядным примером феномена мифологем патриархата, негативно влияющих на современное правовое положение мужчин. Традиционные патриархальные фрагменты остались реликтом в системе современного гендерного равноправия, закрепив за мужчинами обязанности без прав.

³ По данным ВЦИОМ и ряда других организаций, по итогам 2024 г. (Год семьи) Россия вышла на 3-е место в мире по числу разводов, вслед за Мальдивами и Казахстаном // URL: <https://n-e-n.ru/rossia-zanyala-tretie-mesto-po-kolichestvu-razvodov/> (дата обращения: 30.12.2025).

Как представляется, обязанности без прав выступают признаком несвободы и дискриминации. Ведь в традиционном обществе дополнительные обязанности мужчины уравнивались его многочисленными правами, которых в современном мире нет и быть не может. К сожалению, в ч. 3 ст. 19 Конституции РФ установлена усеченная формула: «мужчина и женщина имеют равные права и свободы и равные возможности для их реализации». Полагаем, что в названной норме должно быть упомянуто равенство обязанностей. Данный недостаток можно рассматривать как сущностный, а не просто технический.

Очевидным реликтом патриархальных мифологем представляется гендерная разница выхода на пенсию по старости. Проблема тянется еще с советских времен и не решена сегодня. Реформой 2018 г. женщинам пенсионный возраст был поднят с 55 до 60 лет, мужчинам — с 60 до 65 лет. Рост продолжительности жизни женщин с 70 до 75–77 лет привел к выходу на пенсию на пять лет позднее (по утверждению реформаторов). Но в отношении мужчин не был применен принцип гендерного равенства с учетом демографической ситуации. Ведь средняя продолжительность жизни мужчин в России остается на уровне 65–67 лет. Почему же было не сделать единый возраст в 60 лет?

Еще более очевидная мифологема патриархата — архаичный термин «глава семьи», которым продолжают именовать мужчину. Основанием для этого выдвигается патрилинейность, т.е. наличие отчества по имени отца (связь поколений по линии отца). Впрочем, сегодня матери-одиночки указывают в отчестве то имя, которое считают нужным. Не столь редка и практика применения матчества, образованного от имени матери. Таким образом, в России имеет место сочетание патрилинейности и матрилинейности. Следовательно, выдвигаемое основание не позволяет считать мужчину главой семьи.

Куда важнее, что при расторжении брака в подавляющем большинстве случаев суд оставляет ребенка с матерью (до 10 лет практически неизбежно, но и более старших детей, как правило). Таким образом, о патрилокальности также говорить не приходится даже в усеченной или смешанной форме. Имеет место матрилокальность (дети остаются в доме матери), что указывает на женщину как истинную главу семьи. Во всяком случае назвать главой мужчину нет никаких формальных или фактических оснований.

Полагаем, что мифологемы патриархата в современном феминизирующемся мире не должны уводить от решения ключевых социальных проблем. В их числе обеспечение равноправия отца и матери в части воспитания и содержания их общих детей. Важно объективно и всесторонне исследовать каждый конкретный случай. Если больше объективных оснований оставить ребенка с отцом, судам необходимо так и решать вопрос. Тем более что таких случаев все равно будет гораздо меньше половины и большинство детей останутся с матерями. Случаев, где отец и не претендует на детей или абсолютно не подходит для воспитания ребенка, немало. Поэтому случаи ответственного отцовства требуют государственной поддержки.

И всё же предпочтительным видится развивать институт совместной опеки над детьми при расторжении брака, когда часть времени дети живут с отцом, часть — с матерью. Ведь любое решение (в пользу матери или в пользу отца) фактически лишает ребенка одного из родителей. За рубежом совместная опека активно практикуется, в частности, в США, Канаде, государствах Северной Европы. Как утверждают исследователи, дети, проживающие в полных семьях, лучше развиваются, имеют меньше заболеваний, получают большую поддержку и ряд иных преимуществ⁴. Как вариант это может быть и проживание с каждым из родителей по очереди.

Согласимся, что в России можно и нужно внедрять позитивный зарубежный опыт. При чем речь идет не только о совместной опеке бывших супругов над их детьми, но и медиации как процедуры урегулирования спора между супругами, направленной

⁴ Степанова Л. Дети в полных семьях растут быстрее // URL: <https://www.missus.ru/articles/family/psychology/18-05-2013/children/8343> (дата обращения: 30.12.2025).

на их примирение и сохранение брака⁵. О введении обязательной досудебной процедуры медиации при расторжении брака уже высказывается руководство Государственной Думы Федерального Собрания РФ⁶. Главное, чтобы благие начинания помощи супругам при семейном кризисе не обернулись «приветом из советского прошлого»⁷ в форме принуждения супругов к примирению посредством давления публичных структур или работодателя.

Поэтому согласимся, что обязательную медиацию следует применять не всегда, а в отдельных случаях для защиты интересов несовершеннолетних детей⁸. Даже если медиация не поможет сохранить брак, посредник может помочь супругам начать диалог относительно интересов ребенка⁹, обсудить порядок общения с ним, участия в воспитании обоих родителей¹⁰.

В жизнь взрослых людей не нужно вмешиваться без их обращения. Кроме того, обязательная медиация неуместна в случаях опасного психического заболевания супруга, наркотической и алкогольной зависимости, систематического домашнего насилия и т.д.¹¹ В таких случаях медиация едва ли поможет, но станет грубым вмешательством в личную жизнь вместо помощи в трудной ситуации. «Пострадавшим» в брачных отношениях нужно оказывать всестороннюю помощь, причем не только женщинам, но и мужчинам. Вопреки расхожим мнениям психологические отклонения, алкоголизм, наркомания и даже практика применения психического и физического насилия присущи части женщин, как и части мужчин.

Вопросы семейного права относятся к частному праву, но имеют и публично-правовые аспекты, поскольку в семейных отношениях присутствует публичный интерес, а значит, важен поиск баланса этих интересов¹². При этом комплексная природа семейных правоотношений при их особой социальной ценности предопределяет одновременную охрану частного и публичного интересов. Согласимся, что некорректно отождествлять термины «брак» и «семья» не только в социальном, но и в правовом измерении. Ведь семья имеет важное публично-правовое значение, тогда как брак есть реализация частнопровых интересов супругов¹³.

Важно отметить, что названные выше Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей провозглашают в качестве традиционной ценности категорию «крепкая семья» (ст. 5). При этом данная категория никак не раскрывается ни в данном нормативном правовом акте, ни в иных нормативных актах. В связи с этим возникает

⁵ Андреев А. В. Проблемы сохранения института семьи в Российской Федерации // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2021. № 4. С. 97–99.

⁶ Анна Кузнецова за введение обязательной досудебной медиации по семейным спорам // Владимирская региональная ассоциация медиаторов. URL: <https://mediator33.ru/2020/11/24/anna-kuznecova-za-vvedenie-obyazatelnoj-dosudebnoj-mediacii-po-semejnym-sporam/> (дата обращения: 30.12.2025).

⁷ Миллер высказалась об идее принудительного примирения разводящихся супругов // URL: <https://spb.mk.ru/social/2024/09/10/seksolog-miller-vyskazalas-ob-idee-prinuditelnogo-primireniya-razvodyashhikhsya-suprugov.html?ysclid=m1qawfiwn5428685378> (дата обращения: 30.12.2025).

⁸ Борисова Л. В. Примирение при расторжении брака: в аспекте сохранения традиционных российских духовно-нравственных ценностей // Семейное и жилищное право. 2025. № 3. С. 8–11.

⁹ Милохова А. В. Обязательная медиация: поиск компромисса // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2013. № 3 (104). С. 141.

¹⁰ Борисова Л. В. Указ. соч.

¹¹ Гордийчук Н. В. Особенности семейной медиации при разводах // Психология и психотерапия семьи. 2017. № 2. С. 12–20.

¹² Ильина О. Ю. Проблемы интереса в семейном праве Российской Федерации. М.: Городец, 2007. 192 с.

¹³ Кокова Д. А. Публично-правовая и частнопровая природа семейного правоотношения // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2025. № 2. С. 234–250.

вопрос, в чем заключается «крепость» семьи, каковы критерии крепости, как она измеряется? Если предположить, что крепость состоит в отсутствии разводов, то Россия занимает третье место в мире по числу разводов, 8 браков из 10 распадается. Полагаем, что нормотворец пытается улучшить ситуацию, провозглашая крепость семьи как ориентир.

И все равно непонятно, каков механизм укрепления семей. Полагаем, было бы наивно рассчитывать, что прошедшее повышение пошлины на развод станет таким инструментом. Рассчитывать на «квартирный вопрос» (т.е. плохая обеспеченность семей жильем и невозможность бывшим супругам разъехаться) в этом деле было бы просто безнравственно.

Предположим, что с точки зрения государства крепость семьи видится в ее привлекательности для людей, а инструментами укрепления станут меры государственной поддержки семьи. Но мы не обнаруживаем в правовом поле никаких норм о привлекательности создания и сохранения семей. Более того, государственная поддержка направлена как раз на неполные семьи, состоящие из женщины и ее ребенка (детей). И оставить их без поддержки государство не может. Но, очевидно, что именно неполная семья стала итогом недостаточной крепости полной семьи, а рост поддержки неполных семей «разукрепляет» семьи в целом. Женщина рассчитывает на государство и легко отказывается от мужчины.

Каков же механизм и инструментарий поддержки полных семей, какие меры на это направлены, нигде не определено. Более того, возникает вопрос в принципе, возможен ли такой механизм и меры? Сам термин «крепкая семья» видится неудачным.

Для целей укрепления института семьи более уместным представляется термин «счастливая семья». Прежде всего он соотносится с общепризнанным конституционным правом человека на «стремление к счастью». Такая формулировка применяется в ряде иностранных государств и может использоваться в России. Кроме того, человек естественнее захочет образовать «счастливую семью», чем просто «крепкую». При этом можно продолжать поддерживать как неполные семьи (тоже вполне счастливые), так и полные семьи (в которых счастлив еще и отец). Таким образом, меры поддержки полной семьи могут выражаться в защите и поощрении отцовства. Когда государственная поддержка семьи будет включать не только защиту материнства и детства, но еще и отцовства, тогда мы можем говорить о защите полных семей, поощрении их сохранения и равноправии родителей.

Исторически принцип гендерного равноправия впервые нашел отражение в Конституции РСФСР 1918 г. (ст. 10, 17–18, 64) и сопровождался появлением дискриминационных норм в отношении мужчин в пользу женщин, что было обусловлено стремлением советской власти к скорейшей эмансипации женщин и преодолению как действительного, так и мнимого неравенства их прав¹⁴.

Подчеркнем, что сам феномен «позитивной» или «обратной» дискриминации представляется спорным. Получается, что современные мужчины отвечают за «грехи отцов». Виновны ли отцы, жившие в своих исторических реалиях, тоже остается вопросом. Формы и пределы такой ответственности нигде не установлены. В итоге ложно понятое восстановление справедливости приводит к худшим последствиям, чем мнимые «грехи отцов», в частности деструктивная деятельность различного рода экстремистских движений (БЛМ в США, преследование белого населения Африки, радикальный феминизм, ЛГБТ-экстремизм). В этот ряд можно поставить и дискриминацию мужчин в большинстве государств мира.

Необходимо подчеркнуть, что борьба за права женщин завершилась полным и окончательным успехом. Данный факт следует признать важным достижением человечества. Но после победы не нужна «война женщин против мужчин» ни семье, ни обществу, ни государству. Всем нужен гражданский мир, в том числе гендерный.

Для решения названных проблем целесообразно продолжение курса социально-правового развития с ориентиром на гендерное равноправие. К возврату в

¹⁴ Караманукян Д. Т. Законодательные предпосылки гендерной дискриминации в Российской Федерации // Вестник Омской юридической академии. 2019. № 1. С. 6–12.

патриархальную реальность не готовы ни публичные институты, ни общество, причем как женщины, так и мужчины. Выстраивание полноценного матриархата, продолжая борьбу за права женщин и усиливая дискриминацию мужчин, тем более не представляется продуктивным. В результате «войны» за патриархат или матриархат жертвой падет институт семьи, чего нельзя допустить.

Принцип равноправия не соединим ни с патриархальным, ни с матриархальным укладом, продолжение «игр» с гендерной дискриминацией завершится либо фиктивностью прав женщин, либо исчезновением прав мужчин при бесконечном возрастании обязанностей последних.

В текущих условиях необходима формализация традиционных ценностей путем введения их в нормативные правовые акты, начиная с Конституции РФ и до отраслевого регулирования. В частности, важно более широкое внедрение норм-ценностей в СК РФ. При этом крайне важна современная интерпретация традиционных ценностей, их адаптация к текущим реалиям и правовым основам, а также отказ от устаревших понятий. Например, отказ от понятия «глава семьи». В современных условиях гендерного равноправия такого феномена быть не может, а сам термин звучит как провокационный вызов для женщин и как насмешка над мужчинами. Необходим также отказ от стереотипных и иллюзорных ценностей, не отражающих сути явлений, например от предлагаемой как ценность категории «крепкая семья». Было бы лучше заменить неудачные формулировки нормативных актов на современные правовые и философские ценности, не противоречащие общей традиции, в частности на ценность «счастливая семья». В целом требуется последовательное обеспечение подлинного равноправия мужчин и женщин как равенства прав, свобод, обязанностей и возможностей их осуществления. Для этого необходимо «вычищение» гендерных различий из нормативной базы за исключением вопросов беременности и подобных аспектов.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Андреев А. В.* Проблемы сохранения института семьи в Российской Федерации // Вестник Уральского юридического института МВД России. — 2021. — № 4. — С. 97–99.
2. Анна Кузнецова за введение обязательной досудебной медиации по семейным спорам // Владимирская региональная ассоциация медиаторов. — URL: <https://mediator33.ru/2020/11/24/anna-kuznecova-za-vvedenie-obyazatelnoj-dosudebnoj-mediacii-po-semejnym-sporam/> (дата обращения: 30.12.2025).
3. *Борисова Л. В.* Примирение при расторжении брака: в аспекте сохранения традиционных российских духовно-нравственных ценностей // Семейное и жилищное право. — 2025. — № 3. — С. 8–11.
4. *Гордийчук Н. В.* Особенности семейной медиации при разводах // Психология и психотерапия семьи. — 2017. — № 2. — С. 12–20.
5. *Ильина О. Ю.* Проблемы интереса в семейном праве Российской Федерации. — М. : Городец, 2007. — 192 с.
6. *Исаев И. А.* Мифологемы закона: право и литература : монография. — М. : Проспект, 2016. — 304 с.
7. *Караманукян Д. Т.* Законодательные предпосылки гендерной дискриминации в Российской Федерации // Вестник Омской юридической академии. — 2019. — № 1. — С. 6–12.
8. *Кокова Д. А.* Публично-правовая и частноправовая природа семейного правоотношения // Вестник Пермского университета. Юридические науки. — 2025. — № 2. — С. 234–250.
9. Миллер высказалась об идее принудительного примирения разводящихся супругов // URL: <https://spb.mk.ru/social/2024/09/10/seksolog-miller-vyskazalas-ob-idee-prinuditelnogo-primireniya-razvodyashhikhsya-suprugov.html?ysclid=m1qawfiwn5428685378> (дата обращения: 30.12.2025).

10. Милохова А. В. Обязательная медиация: поиск компромисса // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». — 2013. — № 3 (104). — С. 136–142.
11. Россия заняла третье место по количеству разводов (в 2024 году распалось 80 % браков) // URL: <https://n-e-n.ru/rossia-zanyala-tretie-mesto-po-kolichestvu-razvodov/> (дата обращения: 30.12.2025).
12. Семь случаев, когда люди вступали в необычные браки: от животных до парковых аттракционов // URL: <https://kulturologia.ru/blogs/090522/53243/> (дата обращения: 30.12.2025).
13. Степанова Л. Дети в полных семьях растут быстрее // URL: <https://www.missus.ru/articles/family/psychology/18-05-2013/children/8343> (дата обращения: 30.12.2025).

REFERENCES

1. Andreev AV. Problems of preserving the institution of the family in the Russian Federation. *Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2021;4:97-99. (In Russ.).
2. Anna Kuznetsova for the introduction of mandatory pre-trial mediation in family disputes. Vladimir Regional Association of Mediators. Available at <https://mediator33.ru/2020/11/24/anna-kuznecova-za-vvedenie-obyazatelnoj-dosudebnoj-mediicii-po-semejnym-sporam/> [Accessed 30.12.2025]. (In Russ.).
3. Borisova LV. Reconciliation upon divorce: in the aspect of preserving traditional Russian spiritual and moral values. *Family and Housing Law*. 2025;3:8-11. (In Russ.).
4. Gordiychuk NV. Features of Family Mediation In Divorce. *Family Psychology and Psychotherapy*. 2017;2:12-20. (In Russ.).
5. Ilyina OYu. Problems of interest in family law of the Russian Federation. Moscow: Gorodets Publ.; 2007. (In Russ.).
6. Isaev IA. Mythologies of the law: law and literature. Moscow: Prospekt Publ.; 2016. (In Russ.).
7. Karamanukyan DT. Legislative prerequisites for gender discrimination in the Russian Federation. *Bulletin of the Omsk Law Academy*. 2019;1:6-12. (In Russ.).
8. Kokova DA. Public and private legal nature of family legal relations. *Perm University Herald. Juridical Sciences*. 2025;2:234-250. (In Russ.).
9. Miller spoke about the idea of forced reconciliation of divorcing spouses. Available at: <https://spb.mk.ru/social/2024/09/10/seksolog-miller-vyskazalas-ob-idee-prinuditelnogo-primireniya-razvodyashhikhsya-suprugov.html?ysclid=m1qawfiwn5428685378> [Accessed 30.12.2025]. (In Russ.).
10. Milokhova AV. Mandatory mediation: finding a compromise. RSUH/RGGU Bulletin. Series Economics. Management. Law. 2013;3(104):136-142. (In Russ.).
11. Russia ranked third in the number of divorces (80 % of marriages broke up in 2024). Available at: <https://n-e-n.ru/Rossia-zanyala-tretie-mesto-po-kolichestvu-razvodov/> [Accessed 30.12.2025].
12. Seven cases when people entered into unusual marriages: from animals to park attractions. Available at: <https://kulturologia.ru/blogs/090522/53243/> [Accessed 30.12.2025].
13. Stepanova L. Children in full families grow faster. Available at: <https://www.missus.ru/articles/family/psychology/18-05-2013/children/8343> [Accessed 30.12.2025].

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

РОССИЙСКОЕ ПРАВО ОНЛАЙН

Телефон редакции: 8 (499) 244-88-88, доб. 0064
125993, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9; www.rus-law.online; e-mail: ruslaw@msal.ru

Компьютерная верстка — *Е. Г. Булычев*

ISSN 2542-2472

9 770254 224729

RUS-LAW ONLINE

4 / 2025

WWW.RUS-LAW.ONLINE